

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина.

Предисловие.

Цель данного учебного пособия – ознакомить аспирантов и соискателей с современными проблемами философии науки.

В пособии отражены наиболее острые проблемы развития современной науки, не нашедшие детальной разработки в учебной дисциплине.

Главную задачу авторы видят в анализе проблем методологии и логики научного познания. В предлагаемом издании детально раскрываются особенности социогуманитарного знания, сопоставляются классический и неклассический подходы к решению основных проблем научного познания, анализируются методологические основы языковой проблематики. Заслуживает внимания рассмотрение вопросов, касающихся социокультурного контекста научной деятельности.

Учебное пособие подготовлено в соответствии с программой кандидатского экзамена по истории и философии науки. Материал рассчитан на читателя, не имеющего специальной философской подготовки, но знакомого с той или иной отраслью знания, а также для всех интересующихся проблемами философии науки.

Авторский коллектив: доктор философских наук, профессор М. Х. Хаджаров (гл. III; I V, § 1); кандидат культурологии, доцент Г. П. Трофимова (гл. IV, § 2); кандидат философских наук, доцент М. И. Терехина (гл. II); кандидат философских наук, доцент В. И. Сорокина (гл. I).

I. Специфика социогуманитарного познания

§ 1. Особенности и перспективы современного социогуманитарного познания

Одной из важнейших проблем, стоящих перед отечественной социальной философией, является разработка адекватных современной социальной динамике познавательных парадигм. Не случайно В. А. Лекторский пишет о том, что на наших глазах происходит «когнитивный поворот» в науках о человеке и обществе [16; с. 8, 9]. До недавних пор человек проектировал технику, среду своего обитания и способы деятельности, сегодня все более активно обсуждается проблема «проектирования» общества, и человека. Вопрос о взаимоотношении познания и проектирования стал исключительно острым, и вывел исследователей на размышления о будущем науки и научной рациональности, а значит, о будущем культуры и самого человека.

В то же время в новой рефлексии нуждается и понятие субъекта как носителя сознания, знания и познания. Это обусловлено тем, что характер социального познания всегда связан с определенным субъектным решением, выбором позиции, на который влияют мотивы, выходящие за рамки объективно-констатирующего восприятия «сущего».

Поиск новых путей решения познавательных проблем связан с особенностями современного состояния общества. Зарубежные исследователи М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, отечественные исследователи В. С. Степин, Н. М. Смирнова, В. Е. Кемеров справедливо отмечают, что в современном обществе происходит индивидуализация в сфере межличностных структур. Индивидуум становится менее зависимым от социального базиса, сознательно использует свою собственную деятельность для нормализации и организации своего поведения в обществе. В этой ситуации, подчеркивает Ж.-Ф. Лиотар, знание становится не просто элементом функционирования общества, оно оставляет за собой критическую, рефлексивную функцию, становится тем «герменевтическим, которое задается прямо или косвенно вопросом о ценностях или целях» [17; с. 40]. В социальном познании это обуславливает необходимость поворота в «человеко-размерную плоскость» (термин В. С. Степина), смещения фокуса исследовательского интереса с жестких социальных структур на основные характеристики поведенческого опыта в повседневной социальной жизни, усиление связи эмпирической базы повседневного опыта с теоретическими исследованиями.

Ситуация в науке актуализируется ее переходом к так называемой «постнеклассической» стадии (термин В. С. Степина). Специфика социального познания на данном этапе отражается в появлении термина «социогуманитарное познание», учитывающего, что социальное познание содержит ценностно-смысловой элемент, а значит, субъективность, характерную для познания гуманитарного. Следствием этого является необходимость поиска методов социогуманитарного дискурса, обеспечивающих ему как объективность и

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org точность, так и рефлексивность. Такая постановка вопроса предполагает усиление взаимодействия естественных и гуманитарных наук в методологической сфере. Не случайно В. А. Лекторский, В. С. Степин, В. Г. Федотова, Б. И. Пружинин и другие считают, что, несмотря на то, что естественные и гуманитарные науки имеют свою специфику в методах, способах анализа, есть основания идти по пути их сближения. Это проявляется в размывании границы между научным и повседневным знанием, в гуманитаризации естественных наук (в частности, экономика изучает экономические мотивации, цели, устремления людей), в стремлении гуманитарных наук к точности и объективности (например, в филологии для сравнительного анализа близости перевода к оригиналу используется математическая статистика) и т. п.

§ 2. Этапы развития социогуманитарного познания

Для того чтобы более рельефно выделить особенности современного социогуманитарного познания, совершим небольшой экскурс в историю. Особенности современного социогуманитарного познания связаны с изменениями оснований всей науки. Основания науки функционируют в качестве исследовательской программы, определяющей постановку конкретных задач и выбор средств их решения, обеспечивают систематизацию получаемых знаний и их включение в поток культурной трансляции. Для классической социологической науки вопрос о том, что должно составлять основу ее методологии, не стоял уже в силу того, что она появилась и начала утверждать себя как наука, ориентируясь на единственно допустимые для того времени универсальные образцы, заданные законами классической динамики. На всякий сегмент реальности, в том числе и социальный, наука того времени смотрела как на объект, который можно измерить, анализировать, прогнозировать и трансформировать в соответствии с полученными знаниями. К крупнейшим представителям социологической классики принято относить О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и др. Основу методологических установок классического разума составляла убежденность в том, что мир социальный подчиняется тем же законам, что и мир природы, и в нем нет никакой специфики, легитимирующей обособление социальных наук. Образцы методов социального исследования черпались из сферы естественных наук, и предполагалось, что они отвечают тем же требованиям точности, строгости, непротиворечивости. Знания должны быть объективными и подвергаться строгой эмпирической верификации. Социологические исследования и их результаты предполагали устранение всякой субъективности, отделение ценностных установок и идеологических ориентаций исследователя от его научной деятельности. Четкую формулировку принципов классической научности мы находим в работе Э. Дюркгейма «Метод социологии», где он вводит понятие социального факта и предлагает рассматривать социальные факты как вещи. Социальные факты предполагаются объективными, наблюдаемыми и безличными. Между ними действуют отношения каузальности, что и составляет основу социальных законов [7].

Появление неклассической парадигмы как альтернативы социологического познания своими корнями уходит в феноменологию Э. Гуссерля и В. Дильтея и представляет собой реакцию социогуманитарного знания на кризис, который переживала культура модерна в начале – середине XX в. В своей работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная философия» [6] (1954) Э. Гуссерль представляет основную проблему социального познания как заданного парадоксальностью присутствия человека в мире. С одной стороны, это конституирующий мир субъект, а с другой – объект, существующий в мире. Он есть часть мира и одновременно – конструирует мир в своей смыслообразующей деятельности. Но тогда меняется и само понимание человеческого общества, его уже нельзя рассматривать как продолжение природы, как объективную реальность, которую издают естественные науки. Общество – продукт человеческих действий, искусственное, созданное людьми явление, культурный продукт.

В центре внимания новой субъективистской парадигмы уже не объективные процессы возникновения социальной упорядоченности, а порядок, возникающий в сознании субъекта в процессе интерпретации социального мира. Главными понятиями, которыми оперирует субъективистская социология, становятся понятия «жизненного мира», «переживания», «понимания». Человек не отражает в своем сознании мир, а конструирует его, наделяя тем или иным смыслом в силу принадлежности к определенному культурному, социальному, ценностному контекстуальному пространству. Задачей социолога становится понимание собственно самих этих процессов надделения смыслами социальных явлений. Теоретики субъективистского направления начинают осмысливать предмет

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org социальных наук как особый и несводимый к объектам, изучаемым естественными науками. Именно из этой парадигмы исходит представление о специфике гуманитарных наук как «наук о духе», «наук о культуре», озвученное В. Дильтеем и неокантианцами (В. Виндельбантом и Г. Риккертом). Отсюда вытекает и противопоставление гуманитарных (куда входили и общественные) и естественных наук как наук о культуре и природе, попытка применения к ним различных критериев научности. Согласно Дильтею науки о духе изучают свободную, интенциональную деятельность человека, и данные для таких исследований могут получаться только из саморефлексии, самонаблюдения человека.

Характерным для феноменологии и других социологических школ неклассической ориентации есть обращенность к микроуровню социальной реальности, постулирование его первичности по отношению к макросоциальным структурам. Конституирующим признаком социального является субъективный смысл, подлежащий и доступный пониманию. Субъективные феномены произведены сознательно, опосредованы определенным мотивом или намерением. Именно субъективный смысл конструирует реальность. Эта мысль не позволяет стоять социологии в одном ряду с физикой, биологией и др. Она не может исходить из предпосылки объективности социальных явлений. Ее задача – объяснить эту объективность, показать, как она возникает и формируется из действий, субъективно ориентированных по своей природе.

Следующим шагом стало разделение гуманитарных и социальных наук. Методологическое различие между естественными и социальными науками поставило вопрос о статусе социальных и поведенческих наук. На зарождение этих наук в прошлом столетии оказали значительное влияние как позитивистские, так и антипозитивистские тенденции. По этому неудивительно, что эти науки стали ареной спора двух противоположных направлений в философии научного метода. Существовал общий термин – науки об обществе, или социальные науки (в широком смысле). Однако они неоднородны. С одной стороны, есть экономика, социология, наука о праве. С другой – антропология, науки об искусстве, история, культурология. Первые называют социальными в узком смысле слова, в отличие от вышеупомянутого широкого. Вторые – гуманитарными науками. После этой эмпирической классификации стало необходимым обсуждение критериев разделения на гуманитарные и социальные науки.

Социологи «неклассического направления» понимали, что невозможно резкое деление данных наук, так как объектом изучения общественных наук являются объединения людей со своими устремлениями, желаниями, волей и т. п. В то же время социальные науки отличаются от поведенческих наук. В русле данной методологической установки лежат работы понимающей социологии М. Вебера, гуманистической социологии Ф. Знанецкого, формальной социологии Г. Зиммеля, феноменологической социологии А. Шюца. Стремление объяснить различие социальных и гуманитарных наук объединяет их теории. С точки зрения понимающей социологии важны микропроцессы, из которых складываются крупномасштабные явления; формы, благодаря которым индивиды на основании разных интересов образуют общность для реализации этих интересов. «Социации» Г. Зиммеля, «идеальный тип» М. Вебера, типологические конструкции А. Шюца направлены на понимание смысла человеческой деятельности через общее, которое формируется в социальном взаимодействии.

Вопрос «система или действие», «общество или человек» является одним из наиболее дискутируемых среди теоретиков социологии и в настоящее время. Усиливающиеся в мире процессы глобализации стали одним из существенных стимулов интеграционных поисков, стремящихся к теоретическим построениям, способным примирить эти два взгляда. Пик подобных поисков приходится на 1980-е годы и отмечен работами Дж. Александера, Р. Будона, Э. Гидденса, Дж. Ритцера, Н. Смелзера, Дж. Тернера, Г. Уотсона, Ю. Хабермаса. Главные вопросы, которые при этом находятся в фокусе рассмотрения и соревнуются в своей значимости, – это, с одной стороны, старый гоббсовский «как возможен социальный порядок» и, с другой – «каким образом множество социальных действий складываются в социальный порядок», как примирить две перспективы – коллективистскую и индивидуалистическую – в рамках будущей интегративной теории.

Современные гуманитарные науки призваны «схватывать» человека в его целостности. Можно сослаться на статью Ю. Афанасьева [2], в которой вполне обоснованно отмечается, что исходным в поисках ответа на вопрос, какие науки считать гуманитарными, является признание несводимости человеческого

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org бытия ни к форме жизни природы, ни к социальному феномену, ни к явлению культуры, поскольку системная целостность человека является трехсторонней: био-социо-культурной. Следовательно, его научное изучение требует органического сопряжения методов естественных, общественных, культурологических наук. Это сопряжение порождает новое методологическое системное целое – гуманитарное. Все остальные науки, изучающие явления, общие для всех форм бытия на разных его уровнях – количественном, качественном, содержательном, структурном – не отгорожены непреодолимыми стенами. Таким образом, гуманитарное знание призвано преодолеть одностороннее изучение человека только как природного существа или только как носителя социальной или культурологической функции. Уже в силу этого гуманитарные науки не могут быть построены исключительно по образцу естественного, социального или гуманитарного знания.

Мы солидарны с В. Е. Кемеровым [13], что человеческий индивид (индивиды) существует в конкретно-социальных формах общения и обособления. Следовательно, гуманитарное знание ассоциируется с деятельными, предметными, знаково-символическими средствами взаимосвязи между людьми, а также между разными – разделенными в социальном времени и социальном пространстве – фрагментами человеческого опыта. В связи с этим мы будем говорить о социогуманитарном познании.

В рамках формирования целостного взгляда на человека и окружающий его мир осуществляется синтез двух традиционно противостоящих компонентов культуры – гуманитарного и социального знания как необходимых и дополнительных форм и уровней освоения мира. Предмет и метод, являвшиеся критериями разделения наук на неклассической стадии развития, на современном этапе обусловлены выбором исследовательских программ. Приходит понимание того, что объективация, натурализация, социологизация могут быть подвергнуты исследованию таких объектов, как человек, культура, история, равно как культурцентристская стратегия, учет субъективных характеристик возможен и при рассмотрении социальных сфер. Гуманитарное научное знание может быть получено о любом объекте путем методически заостряемого интереса к его субъектной природе и жизненно-смысловому содержанию, социальное знание может быть получено о любом объекте путем намеренно методически подчеркиваемой его объективности и наличия в нем закономерностей. Связующую суть социогуманитарного познания можно выразить следующей формулой: например, экономические науки проявят свою гуманитарную адекватность, если не только выразят экономические устремления людей, но и найдут механизмы и способы реализации этих устремлений на основе изучения объективных экономических законов.

§ 3. Специфика социогуманитарного познания в постнеклассическую эпоху

Социогуманитарное познание приобретает междисциплинарный характер. В результате усиливаются процессы взаимодействия принципов и представлений картин реальности, формирующихся в различных науках. На заседании Круглого стола в Центральном доме ученых 17 января 2004 г. прозвучала мысль, что изменится научная парадигма, происходит интеграция наук. Признается тот факт, что современная наука, для того чтобы оставаться действенной в эпоху глобализации и невиданного прежде стирания границ, должна выйти за свои формальные пределы. Речь идет о целостном видении научной картины мира, о междисциплинарном взаимодействии. Не случайно основные открытия конца XX – начала XXI в. происходили на стыке наук, именно там, где ученые пытались обобщать и выходить за рамки узких, привычных представлений. Все чаще изменения этих картин протекают не столько под влиянием внутродисциплинарных факторов, сколько путем «парадигмальной прививки» идей, транслируемых из других наук. Они становятся взаимозависимыми и предстают в качестве фрагментов целостной общенаучной картины мира. На ее развитие оказывают влияние не только достижения фундаментальных наук, но и результаты междисциплинарных прикладных исследований, что влечет за собой коренное изменение весьма значительной части наших представлений о мире. В этом случае должны измениться и научная картина мира, и вместе с ней господствующие философские представления. В связи с этим актуализируются понятия «междисциплинарность» и «трансдисциплинарность», отражающие специфику социогуманитарного познания в постнеклассический период развития науки. В. С. Степин [23] уточняет эти два понятия: к междисциплинарным наукам относятся, например, биохимия, биофизика, т. е. науки, в которых применяются понятийные средства и методы, выработанные в разных дисциплинах и синтезируемые в новой науке для решения ее специфических задач. Что касается термина «трансдисциплинарный», то можно выделить два основных его

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org смысла. Первый обозначает венаучные знания, выходящие за рамки сложившихся научных дисциплин. Суть второго в следующем. Например, язык математики, будучи языком особой научной дисциплины, одновременно используется во множестве других наук и в инженерно-технологической деятельности. Уместно напомнить высказывание Р. Фейнмана, что математика – больше чем наука, она – язык науки. В этом значении можно говорить о трансдисциплинарности математики.

На заседании Круглого стола «Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания» [24] взаимодействие дисциплин внутри гуманитарной парадигмы рассматривалось в качестве синонима «интеграции». Эта синонимия характерна именно для постнеклассической науки, так как, по мнению В. Е. Кемерова, на современном этапе возникла ситуация, когда актуализируется вопрос не столько о взаимоотношениях между дисциплинами, сколько о проблемах, которые возникают в структурах и конфликтах повседневности. «Формируется новая парадигма общественности, где дисциплины зависят теперь не столько от своих предметов и методов, сколько от проблематики жизни и деятельности людей, выходящей за рамки частных научных интересов. Сама форма взаимодействия между дисциплинами определяется не их предметно-методологическим разделением, а их связью в проблематике бытия людей», – отмечает он. Междисциплинарность, таким образом, в постнеклассический период развития социогуманитарных наук определяется не столько методологией дисциплин, сколько связью проблем бытия людей.

Трансдисциплинарность как методологическая тенденция также характеризует современное социогуманитарное познание. Уже на неклассическом этапе развития гуманитарного познания появляется проблема взаимодействия и взаимовлияния естественно-научных и гуманитарных наук. В. В. Селиванов [20] указывает на два полярных варианта мнений по поводу этого процесса. Первый состоит в том, чтобы свести гуманитарное знание к естественно-научному, представив последнее в качестве основы, которая и является гарантом научности гуманитарного познания и объединяет позитивистов, структуралистов и материалистов. С этой точки зрения гуманитарное знание может быть построено по естественно-научной модели. Вторую позицию заявила в свое время «баденская школа» неокантианцев. Согласно этому подходу гуманитарность в отличие от естественно-научного знания, изучающего повторяющиеся явления, ориентирована на освоение уникального, неповторимого. Современная интерпретация этой позиции представлена М. С. Каганом [9]. Он считает, что точность и доказательность естественно-научного знания проистекают из относительной простоты соответствующих систем, которые сравнительно легко поддаются теоретическому анализу и поэтому вполне обозримы, т. е. понятны, но отнюдь не из их совершенства. Подлинной же точности и научности, с другой стороны, можно достичь только при изучении самых сложных систем – социума, культуры и тому подобного, сложность которых как раз и является причиной отсутствия в настоящее время общепринятой научной методологии гуманитарного познания. Последнее обстоятельство должно служить не поводом к отказу от систематизации знания и поисков единых критериев научности, а, наоборот, стимулом к последнему. В. Ж. Келле [12] отмечает, что этот дуализм (оппозиция) естественно-научного и гуманитарного существует о сих пор, и вопрос о том, как к нему относиться, имеет принципиальное значение, ибо это и вопрос о тенденциях развития современного научного знания.

С нашей точки зрения, происходит взаимовлияние естественных и гуманитарных наук, но ни в коем случае не сведение этих наук друг к другу. Это выражается во взаимопроникновении методологий и методик, что порождает особую ситуацию сращивания теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний, интенсификации прямых и обратных связей между ними. Рациональный естественно-научный метод проникает и в гуманитарную сферу, участвуя в формировании сознания общества, и вместе с тем приобретает все более универсальный язык, адекватный философии, психологии, социальным наукам, культурологии. Следствием взаимовлияния естественно-научного и социогуманитарного познания явились радикальные изменения в основаниях науки, внесенных из естественных наук в социогуманитарные. Речь идет о тенденциях, обусловивших картины исследуемой реальности в постнеклассический период развития науки, которые нашли свое выражение в теории изменения и в новой междисциплинарной научной области – синергетике. Известно, что исследование объектов в качестве открытых процессуальных систем было предложено И. Пригожиным для объяснения химических процессов в 60-е годы XX в. Анализируя материалы круглого стола «Синергетика: перспективы, проблемы, трудности», проходившего 22 апреля

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org 2005 г., можно констатировать, что единой точки зрения на статус синергетики до сих пор нет. Ее рассматривают как науку, как методологию, как общенаучную картину мира, как научную парадигму. Расширение области приложения синергетических идей от описания термодинамических эффектов до теории самоорганизации и междисциплинарного направления научного поиска привело в последнее десятилетие минувшего столетия к осознанию ее мировоззренческого смысла. Определенные надежды связывают с синергетикой и представители социогуманитарных наук. Как справедливо отмечает Н. М. Смирнова, сегодня происходят изменения в когнитивных установках обществоведов. Социальность во все большей мере начинает рассматриваться как целостность, основанная на самоорганизации спонтанных проявлений человеческой индивидуальности и слабо замыкающаяся на коллективно-групповые нормы и ценности. Подобная самоорганизация осуществляется не столько на институциональном уровне, сколько в сфере межличностных коммуникаций, где человек реализует себя в соответствии не с императивами групповой идентификации, а преимущественно с личностными устремлениями.

Синергетический образ мышления изменил характер научной деятельности. Новая система познавательных идеалов и норм дает возможность значительно расширить поля исследуемых объектов, открывая пути к освоению сложных саморегулирующихся систем. Но в отличие от естественных наук рефлексивность систем предполагает особый подход к изучению объектов в социогуманитарном познании. Это объясняется тем, что в социогуманитарном познании саморазвивающиеся системы, когда они осваиваются в человеческой деятельности, чаще всего становятся, по мнению В. С. Степина, «человекоразмерными» [23], поскольку деятельность включается в качестве компонента в такие системы, а объекты рассматриваются как системы с рефлексией.

Особого внимания заслуживает категория «целого». Целое с точки зрения синергетики рассматривается не просто как сумма составляющих его элементов. Оно отражает как взаимодействие элементов внутри объекта, так и взаимодействие объекта с внешней средой. Нельзя утверждать, что целое сложнее частей, оно может быть на них совсем непохожим, в чем и состоит разница в пониманиях подходах между классической и неклассической наукой. Такое понимание «целого» позволяет по-новому взглянуть на традиционную оппозицию «общество – человек», когда общество предстает как сложная система, а обе ветви оппозиции предстают как состоящие из множества других оппозиций, т. е. подсистем, подуровней. Приходит понимание того, что как общество противоречиво, так и человек противоречив в своей индивидуальности. Так как в обществе действуют социальные и индивидуальные силы, материальные и идеальные, объективные и субъективные факторы; в нем имеют значения как чувства, страсти, так и разум; как сознательные, так и бессознательные, рациональные и иррациональные стороны жизнедеятельности людей. Различные его структуры и элементы стремятся к удовлетворению своих собственных потребностей, интересов и целей. Изучение взаимоотношений общества и человека в таком контексте предполагает поиск новых логико-методологических средств по следующим причинам.

В отличие от самоорганизующихся природных систем, для которых характерны некоторая устойчивость по отношению к внешним воздействиям, самообновляемость и возможность роста и саморазвития, согласованность составных частей, системы, созданные человеком, демонстрируют резкое ухудшение функционирования даже при сравнительно небольшом изменении внешних воздействий или ошибках в управлении. Даже слабое воздействие на нелинейную систему может определить ее дальнейшую судьбу. Это особенно важно учитывать, когда наука имеет дело с человеческим фактором. Мораль запрещает эксперименты над людьми, чтобы выяснить, правильно ли мы действуем при решении той или иной гуманитарной проблемы. Этот императив побуждает исследователей к поиску методов, которые бы позволили наиболее точно просчитать и спрогнозировать будущее общества. Успешно эта проблема решается благодаря конвергенции естественных и социогуманитарных наук, что предполагает их взаимодействие, взаимопроникновение их методологий.

Наконец, необходимо отметить социально-историческую обусловленность познания, в том числе уровнем развития материальной и духовной жизни общества, его социальной структурой и господствующими в нем интересами. Это создает определенные сложности для постижения сущности объекта социогуманитарного познания. Кроме того, сам человек, его сознание, обуславливает большую субъективность социального познания, так как человек, хотя и вовлечен в общественные связи и научные сообщества, имеет свой

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org индивидуальный опыт и интеллект, интересы и ценности, потребности и пристрастия и т. д. Это придает знанию неопределенность, «размытость», субъективность. Несмотря на то что некоторые современные исследователи как В. В. Селиванов [20], Ю. М. Шор [28], Л. А. Орнатская [18] и другие пытаются трактовать «излишний» субъективизм, «неопределенность» гуманитарного знания как недостаток, приводящий к кризису в гуманитарном познании. На наш взгляд, такая точка зрения слишком категорична. Не существует так называемого «чистого» теоретического познания, свободного от ценностных установок, влияния исторической, социокультурной среды.

Объективность и субъективность социогуманитарного познания. Ангажированность сознания различными факторами реальной жизни не может не влиять на исходные познавательные установки. Эта проблема давно волнует исследователей. Российские социологи, представители так называемого субъективного метода, Н. К. Михайловский и Н. И. Кареев [27], давно указали на возможность произвола, чрезмерного субъективизма в гуманитарном познании, в частности социальном. Они обратили внимание на то, что у исследователя всегда есть предпочтения (социальные, профессиональные, политические, национальные), которые ориентируют и направляют деятельность ученого. Общеизвестно, что любое исследование не бесстрастно, объективно – нейтрально, а предполагает определенную вовлеченность и заинтересованность исследователя. Эта вовлеченность проявляется уже в отборе эмпирической информации, создании понятийно-концептуального каркаса, использовании методологической стратегии. Личностный мир и индивидуальный опыт выступают как необходимые компоненты гуманитарного исследования; оно не обезличенный процесс оперирования абстрактными эвристическими конструкциями, а творческое освоение человеком его жизненного мира. Но поскольку личность – это, прежде всего самодействующий индивид, человеческая индивидуальность, которой присуще сознательное отношение к миру и к самой себе, постольку человеческий фактор неминуемо рождает чисто человеческие проблемы: субъективность в понимании и трактовании сути объекта наблюдения, проблему верификации результатов наблюдения, способ их передачи понятным для всех языком. В связи с этим актуализируется вопрос: можно ли в гуманитарном познании максимально приблизиться к объективному описанию реальности?

Объективность – центральная проблема в социогуманитарном познании. Субъективные элементы социально-исторического порядка являются неотъемлемой составной частью гуманитарного познания, входят в самую ткань гуманитарно-научных исследований, поскольку гуманитарное познание по своей сути является принципиально незамкнутым, открытым по отношению к социально-культурным воздействиям. Эта социально-культурная обусловленность в сочетании с идеей исторической изменчивости социально-культурных факторов, строго говоря, гасит любую надежду на достижение «окончательной» обоснованности в рамках гуманитарного познания. Именно эта особенность внесла сомнение в состоятельность гуманитарного знания, что, в свою очередь, спровоцировало споры вокруг всей фундаменталистской парадигмы классического научного идеала. Достаточно сказать, что существуют различные концепции, которые анализируют тенденции антифундаментализации (К. Поппер, Л. Витгенштейн, И. Лакатос, Г. Альберт, Х. Шпиннер), плюрализации (П. Фейерабенд, Дж. Ритцер, Т. Херрман, Р. Дж. Джонстон), экстернализации (Ю. Хабермас), «финализации науки» (штарнбергская группа – Г. Беме, В. Деле, Р. Холвелд, В. Шэфер). Общим для всех этих концепций являются поиски стандарта научности, в котором были бы интегрированы как объективные закономерности, так и социальные цели и потребности. При рассмотрении вопроса о социально-культурной обусловленности науки учитываются по крайней мере три аспекта: актуальное исследовательское поведение ученых; эпистемологические стандарты оценки результатов научно-исследовательской деятельности; содержание научных утверждений, гипотез, теорий и т. д. [11].

Этика ученого и ответственность. Но каким бы ни был стандарт научного идеала, выбор остается за человеком (интерпретатором, исследователем, ученым): от его личных качеств – порядочности, честности – зависит, будет ли он придерживаться основоположений классического научного идеала (истинность познавательных результатов, фундаментальное обоснование научного знания). На это указывал Т. Кун в своей теории о парадигмах. Впоследствии современные исследователи обвинили его в излишней психологизации научного творчества. Понятно, что движущими силами науки являются не только личные качества ученого, т. е. субъективный фактор, как утверждал в свое время Т. Кун. Это система когнитивных (методология, новейшие открытия и многолетние исследования фундаментальных научных проблем, научно-технический прогресс и т. п.), внешних факторов

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org (социокультурная среда, целенаправленность политики государства в отношении науки и др.) Но личные качества ученого, в частности его ответственность за результаты познания, определяют познавательную ситуацию на современном этапе.

Суть дела в том, что истина в гуманитарном познании – это не только установление адекватных описаний действительности, но и соответствие конкретным целям социальной деятельности, возможностям ее реализации. Поэтому в логико-гносеологическом плане она предстает как единство фактов, оценки и нормативного предписания. При рассмотрении проблем, связанных с «человеческим фактором», нельзя ограничиваться чисто констатирующей позицией, как это можно делать, рассматривая объектную реальность, в конечном счете приходится принимать определенные решения, т. е. переходить на позиции проектно-конструктивного практического сознания, на которые не могут не влиять существенным образом ценностные, в частности этические представления. Как указывает В. С. Степин, при изучении «человекообразных» объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. Иными словами, надо distraивать человекообразную проблемную ситуацию, опираясь на ценностные представления. В качестве примера можно привести ситуации с человеческим клонированием, извлечением стволовых клеток из человеческого эмбриона и т. д. Конечно, рациональное поведение в подобной ситуации предполагает по возможности объективное исследование «рамочных условий» проблемной ситуации, возможных последствий, различных выходов из нее и так далее, но все это представляет собой необходимое, но не достаточное условие для выработки окончательной позиции. Иначе говоря, мы конструируем человекообразную реальность в соответствии с нашими, по существу ценностными представлениями о человеке («каким он должен быть»), а не просто воспроизводим в познавательной модели объективно существующее положение дел, т. е. акцентируется внимание на активности субъекта.

В современной науке не игнорируется иррациональность человека, его духовный мир, его исключительность. Человек воспринимается как активный участник природных, исторических, социокультурных процессов, в то время как ортодоксальный марксизм лишил человека свободы выбора и целостности, сводя его сущность к совокупности общественных отношений. В связи с этим основные усилия исследователей были направлены не на познание человека и его мира, а на познание и интерпретацию объективных законов. Прав В. Е. Кемеров [13], что последовательное рассмотрение знания в связях социального бытия неизбежно приводит к вопросу «кто?»; т. е. сегодня в фокусе не вопрос о том, что знание отражает, а вопрос, кто знание создает и воспроизводит, кто его использует, как и для чего, иными словами формируется вопрос о субъектности, ктойности знания, причем в этом контексте он ставится совершенно иначе, нежели в классической эпистемологии. Мы можем добавить: и иначе, чем в неклассической. Включение субъективного бытия в картину объективной реальности – черта неклассического стиля мышления.

Характерной особенностью современного постнеклассического взгляда на место человека в познавательной ситуации выступает четкое признание органической необходимости риска принятия им решений, связанной с этим ответственности. Этот факт, явившийся существенным моментом становления современных представлений о науке, обусловил отказ от образа некоего универсального монологического теоретического разума. Напомним, что именно в этом стремлении застраховать себя от риска и ответственности, переложить последнюю на авторитет заданных норм и критериев, уклониться от «поступка» усматривал в свое время основной порок «теоретизма» М. М. Бахтин [3]. С этой точкой зрения перекликается точка зрения В. С. Швырева [27], который отказ от идеи единого трансцендентального сознания, признание необходимости сосуществования различных взаимодействующих познавательных позиций, которые нельзя приводить к некоему общему монологистскому знаменателю, рассматривает как существенный сдвиг в понимании человеческого субъективного фактора в современном образе науки.

Плюрализм истин в социогуманитарном познании. Процесс достижения истины, в особенности в постнеклассическом социогуманитарном познании, предполагает сопоставление и соревнование идей, научных дискуссий, анализ соотношения идеологических и научно-теоретических форм отражения социальной реальности, выяснение социально-практических и мировоззренческих предпосылок теоретических построений. Из относительности истины, исходящей из тезиса о социокультурной детерминации и о ее ценностной нагруженности, который

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org усилительно подчеркивается в современной философии науки, следует плюрализм мнений, суждений и т. п. Не случайно один из создателей квантовой механики М. Борн писал: «я убежден, что такие идеи, как абсолютная “определенность, абсолютная точность, конечная и неизменная истина и тому подобное, являются призраками, которые должны быть изгнаны из науки... ибо вера в то, что существует только одна истина и что кто-то обладает ею, представляется мне корнем всех бедствий человечества”» [4; с. 125]. Решительную борьбу с монизмом истины Борн считал важной задачей науки. И. Лакатос, развивая теорию исследовательских программ, считал, что ученый не должен соглашаться с тем, что исследовательская программа превращается в некое воплощение научной строгости, претендующая на роль всезнающего арбитра, определяющего, что можно, что нельзя считать доказательством. «На такой позиции стоит Кун: то, что он называет нормальной наукой, на самом деле – исследовательская программа, захватившая монополию», – добавлял он [15].

Истина не столько открывается, сколько создается в процессе социальной коммуникации. Субъекты научно-познавательной деятельности оказываются организованными в научном сообществе, объединяемые принятием определенных идейно-концептуальных позиций, что позволяет говорить о «коллективных субъектах» научного познания как известных социальных единицах. Нам близка точка зрения В. С. Степина [23], считающего, что знание выступает в качестве элемента социального процесса, оно не только отражение и переживание людьми их бытия, но и форма их воли и побуждения, взаимодействия и самоидентификации. Следовательно, научно-познавательная деятельность, которая выступает как четко выраженная социальная деятельность, реализуется в определенной системе дифференцированных социальных отношений. Отход от теоретического монолизма в интерпретации рационального познания приводит к рассмотрению научного познания как гетерогенного образования, пространства взаимодействия различных идейно-концептуальных позиций, парадигм, исследовательских программ и так далее, которые вступают в достаточно сложные отношения взаимной полемики, конкуренции, что не исключает, однако, определенной точки сопряжения этих позиций. Таким образом, налицо наличие плюральности различных интерпретационно-моделирующих схем, своеобразие которых задается лежащими в их основе содержательно-онтологическими предпосылками (понятия исходных принципов «научных картин мира» в отечественной философии, «твердых ядер исследовательских программ» И. Лакатоса, «метафизических компонентов парадигм» Т. Куна). Следовательно, плюрализм – еще одна особенность социогуманитарного познания в постнеклассический период развития науки.

Этот факт признается сегодня всеми исследователями, что нашло отражение в тематике заседания «круглого стола» 22 апреля 2005 г.: «Релятивистские умонастроения, ныне у нас популярные (впрочем, популярные не только у нас), в принципе исключают абсолютизацию чего бы то ни было» (Б. И. Пружинин). В сфере социогуманитарного познания в ситуации плюрализма мнений, точек зрения, видений картин реальности уже упоминавшийся принцип ответственности обретает особую этико-онтологическую роль. Он становится своего рода коммуникативным метапринципом, не только регулирующим познавательные стратегии коллективного субъекта постнеклассической науки, но и в некотором смысле обеспечивающим его единство (или целостность) в качестве такового. Несмотря на расхождения в употреблении термина «коммуникация» (например, А. В. Карпов [10] называет социальным коммуникантом социально-культурное движение, независимое от научного сообщества, которое создает нормы, ценности идеалы в данном временном или локальном интервале), коммуникативный аспект скрыто или явно присутствует практически в любых текстах гуманитарного профиля: философских, социально-психологических, филологических, искусствоведческих, культурологических, литературно-художественных и других коммуникативным разумом К. Поппер [19] назвал мыслительную деятельность в ситуации плюрализма мнений. Особенностью коммуникативного разума является, по его мнению, расширение знания в русле рациональной критической дискуссии, диалога. Расширение сознания происходит за счет приобретения знания, рожденного в коммуникативном опыте, куда входят: экстралингвистические знания, житейский опыт носителей языка, случайные наблюдения, впечатления, личный интерес при внимательном и уважительном отношении к партнеру по диалогу, плюрализм мнений и множественность представлений о мире, эмоции, утилитарные оценки и тому подобные «посредники», которые заполняют пространство между познающим и предметом познания. В ситуации плюрализма мнений, познавательных установок, точек зрения в постнеклассической науке в процессе коммуникации актуализируется «этика толерантности», предполагающая стремление достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org применения давления, методами диалога, убеждения, разъяснения. Созвучна с ней разработанная Ю. Хабермасом концепция «коммуникативной рациональности», в основе которой лежит убеждение об объединяющей, вырабатывающей консенсус силе дискурса, в процессе которого преодолеваются разногласия в пользу рационально мотивированного согласия.

Относительность истины в социогуманитарном познании. Озвученные особенности социогуманитарного познания в постнеклассический период, а именно – отказ от теоретического монологизма, плюрализм мнений в процессе социальной коммуникации, признание многомерности и сложности мира, внесли изменения в гносеологические категории «понимание», «объективность / субъективность», «истина / ложь» и других, придавая им новые смыслы. Оппозиция «объективность / субъективность» тесно связана с верификацией истины в социогуманитарном познании. Проблема поиска истины не нова. Но в ситуации плюрализма мнений и многомерности мира она приобрела новое звучание. Сам термин «плюрализм» исключает какой-либо догматизм в определении критериев истины, в то же время смысл понятия «истина» требует доказательности «неложности» суждения. Как существует истина в условиях, когда есть по крайней мере две противоречащие друг другу точки зрения, имеющие достаточные основания? Возможен ли момент объективной истины в процессе постижения людьми социальной реальности? Или у каждого субъекта своя истина, индивидуальная? И как может существовать «плюрализм истин»? Из признания онтологии плюрализма (мир многомерен) следует утверждение о равноправности разных точек зрения даже в рамках одного определенного историко-культурного интервала. Поскольку любое событие, явление, любая сфера действительности имеет много сторон, граней, аспектов, то и в познании мы можем подойти к предмету исследования, взяв его в том или ином аспекте в зависимости от выбора позиции наблюдателя. Стереоскопия видения объекта в различных проекциях объясняет относительность истины к позиции субъекта и множественность истин.

Проблема понимания как метода по достижению истины. Относительность истины в социогуманитарном познании в ситуации плюрализма мнений, точек зрения актуализирует проблему понимания. «Всякое понимание, – пишет Э. Корет, – это стремление постичь истину» [1; 151]. Согласимся с этим мнением. Различные точки зрения, возникающие в процессе общения, создают плюрализм мнений, точек зрения, иногда противоречивых. Вследствие этого требуется обоснование истинности знания и его методологического обеспечения. Цель понимания в постнеклассической науке – нахождение точки соприкосновения, пересечения в ситуации плюрализма мнений. В связи с этим возникает множество вопросов: насколько точное и полное понимание может быть достигнуто, возможно ли настолько глубоко проникнуть во внутренний мир другого человека, чтобы оно было абсолютным и благодаря чему оно вообще возможно. В современной науке используются различные методики в постижении смысла: герменевтический круг, вопросно-ответный, контекстный методы, специальные логические средства, семиотические и психологические приемы. Но, несмотря на множество приемов и методов, знание в гуманитарном познании будет приблизительным, гипотетичным. Например, даже при использовании вопросно-ответного метода в реальной беседе с испытуемым все элементы беседы, включая вопросы исследователя и ответы испытуемого проходят через призму сознания исследователя, поэтому, несмотря на бесконечное множество уточняющих вопросов, знание будет приблизительным, так как испытуемый не всегда желает прояснять свои поступки или слова, а чаще не в состоянии это сделать. Все, на что мы можем претендовать, кроме наблюдения за внешними проявлениями его деятельности, лишь выяснить, что он думает по поводу своих мыслей, слов, поступков. Но любое имплицитное знание нуждается в экспликации ученого или философа. В этом смысле любое исследование чужой концепции есть герменевтический акт.

Таким образом, любое знание релятивно. Здесь мы не оригинальны и согласны со всеми исследователями в области понимания. Но гипотетичность знания – это не побег от эпистемологических трудностей, а элементарная познавательная деятельность, предохраняющая от догматизма и позволяющая быть мобильным в изменяющихся эпистемологических обстоятельствах. Таким образом, в гуманитарном познании, где приходится иметь дело со «смыслом», «содержанием», «мыслью», «понятием», «картиной мира», «пониманием», «мнением», «точкой зрения», «суждением», «высказыванием» и т. д., знание может быть скорее всего только гипотезой, приблизительным объяснением, «видением»: мыслить о смыслах и исследовать смыслы при помощи смыслов же. Невозможно раскрыть полностью интенциональный смысл событий, явлений (текста), наделенных сознанием, в силу субъективных и объективных факторов.

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
Этот факт ориентирует исследователей на поиск методов, обеспечивающих точность, объективность естественных наук и рефлексивность социогуманитарных.

Резюмируя, можно отметить, что особенности социогуманитарного познания в постнеклассической науке социокультурно обусловлены и выражаются в следующих его характеристиках: синергетическое представление о социуме как открытой, саморазвивающейся системе; представление о человеке как творце социальной реальности; относительность гносеологических категорий к позиции наблюдателя, сопряженной с гуманистическими ценностями, что обуславливает гипотетичность знания, снижение объективистских критериев знания, конвенциональный и конструктивистский характер истины. Поиск истины в процессе социальной коммуникации способствует гетерогенности познавательной ситуации (плюрализм мнений, идейно-концептуальных позиций и т. п.). Поиск логико-методологических средств, отвечающих вызову времени, находит свое выражение в трансдисциплинарности и междисциплинарности в методологической области.

Библиография

1. Koreth E. Grundlagen der Hermeneutik. – Freiburg; Basel; Wien, 1969. – 166 s.
2. Афанасьев Ю. А. Западная рационалистическая традиция. Понятие «гуманитарность» [Электронный ресурс]. – Русская университетская традиция, 1999. – URL: http://www.yuri-afanasiev.ru/articles/books_1999_11.htm
3. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: ежегодник 1984–1985 / отв. ред. И. Т. Фролов. – М.: Наука, 1986. – С. 80–160.
4. Борн М. Моя жизнь и взгляды / пер. с англ. М. Арского и М. Белокопя. – М.: Прогресс, 1973. – 176 с.
5. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения: пер. с нем. / М. И. Левина и др.; общ. ред. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.
6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Введение в феноменологическую философию: пер. с нем. – СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2004. – 398 с.
7. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение: сб.: пер. с фр. / сост., послесл. и прим. А. Ф. Тофмана. – М.: Канон, 1991. – 352 с.
8. Ершова-Бабенко И. В. Этап развития? Век бифуркации [Электронный ресурс] // Синергетика-история, современность, теория, метод, наука. – URL: <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=327>
9. Каган М. С., Эткинд А. М. Индивидуальность как объективная и субъективная реальность // Вопросы психологии. – 1989. – № 4. – С. 5–15.
10. Карпов А. В. Категория «социально-культурное движение» в исторической культурологии // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: мат-лы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г., Санкт-Петербург. Сер. Symposium. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – Вып. 12. – С. 51–53.
11. Кезин А. В. Наука в зеркале философии: в помощь лектору. – М.: Знание, 1990. – 43 с.
12. Келле В. Ж. Точное и неточное в социально-гуманитарном знании // Философия науки. – М.: ИФ РАН, 1998. – Вып. 4. – С. 154–162.
13. Кемеров В. Е. Социальное и гуманитарное [Электронный ресурс] // Социемы. – 2002. – № 8. – URL: <http://www2.usu.ru/philosophy/socphil/rus/texts/sociemy/8/kemerov.html>
14. Круглова Н. В. Проблема толерантности сквозь призму междисциплинарного подхода // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: мат-лы междунар. науч. конф.

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
18 мая 2001 г., Санкт-Петербург. Сер. Symposium. – СПб.: Изд-во
Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – Вып. 12. – С. 78–80.

15. Лакатос И. Бор: исследовательская программа, прогрессирующая на противоречивых основаниях [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philosophy.ru/library/lakat/01/3.htm>

16. Лекторский В. А. Деятельностный подход: кризис или возрождение? // Наука глазами гуманитария / отв. ред. В. А. Лекторский. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 327–344.

17. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шмытко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алтейя, 1998. – 160 с.

18. Орнатская Л. А. Науки о природе и науки о культуре: попытки синтеза (В. Зомбарт, М. Вебер, А. Вебер) // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: мат-лы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Сер. Symposium. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – Вып. 12. – С. 92–98.

19. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 118–138.

20. Селиванов В. В. Кризис методологий в гуманитарных науках // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: мат-лы междунар. науч. конф. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Сер. Symposium. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – Вып. 12. – С. 127–129.

21. Синергетика: перспективы, проблемы, трудности: мат-лы круглого стола // Вопросы философии. – 2006. – № 9. – С. 3–33.

22. Смирнова Н. М. Социальная теория и реальность: когнитивные проекты современности [Электронный ресурс] // Социемы. – 2001. – № 7. – URL: <http://www2.usu.ru/philosophy/socphil/rus/texts/sociemy/7/smirnova.htm>

23. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. – М.: Высшая школа, 1992. – 188 с.

24. Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания: мат-лы круглого стола // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 3–39.

25. Фуко М. Что такое просвещение [Электронный ресурс] / пер. выполнен по изданию Foucault Michel. Dits et écrits. 1954–1988. – Paris: Gallimard, 1994. – V. 4. – P. 562–578. – URL: ego@21.ru

26. Халтурин Ю. Л. Структура исторического знания по Н. И. Карееву [Электронный ресурс] // Рукописный журнал общества ревнителей русской философии София. – 2003. – Вып. 6. – URL: <http://virlib.eunnet.net/sofia/06>

27. Швырев В. С. Знание и мироотношение // Философия науки / отв. ред. В. А. Смирнов. – М.: ИФ РАН, 1995. – Вып. 1. Проблемы рациональности. – С. 163–185.

28. Шор Ю. М. К характеристике поля гуманитарного знания // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: мат-лы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г. Сер. Symposium. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – Вып. 12. – С. 170–172.

29. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: тексты / сост. Е. И. Кравченко; под общ. ред. В. И. Добренькова. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. – 556 с.

II. Основные языковые проблемы в научном познании

§ 1. Проблема единства языка и мышления

Языковая проблематика, имеющая определенные философско-теоретические

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org предпосылки в ряде наук, в наше время приобрела особую актуальность. Все более углубляющаяся профессионализация во всех видах деятельности ведет к установлению новых связей между языковыми системами. Прежде всего это касается вербализации современного научного знания – сложного процесса разработки совершенно новых формализованных языков с целью их адекватной интерпретации, что тесно связано с проблемой оптимизации этого знания и общения. Поиск современных форм реализации естественного языка актуализирует проблемы значения, семантики и ее структуры, формы и содержания единиц языка в различных условиях коммуникации.

В современной философии интерес к языковой проблематике настолько возрос, что язык стал объектом исследования ряда авторитетных философских направлений. Фундаментальны разработки в этой области прежде всего зарубежных исследователей: Ч. Пирса, Ч. Морриса, Р. Карнапа, Л. Витгенштейна, У. Куайна, Б. Рассела и др.

В отечественной философии имеется также немало работ, в которых глубоко анализируются проблемы семиотики и значения (Л. А. Абрамян, Б. В. Бирюков, А. А. Ветров, И. С. Нарский, В. В. Петров, Л. О. Резников, В. А. Штофф и др.); существует оригинальная отечественная традиция лингвистической (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, В. З. Панфлов), психологической и психолингвистической семиотики (А. А. Леонтьев, И. Ф. Неволин, Н. Г. Салмина и др.).

Одной из центральных проблем философии языка, которая занимает исследователей, является проблема соотношения языка и мышления.

Данная проблема решается различными науками: психологией, лингвистикой, семиотикой, кибернетикой и др. В связи с этим проблема языка и мышления подразделяется на ряд специфических аспектов, которые часто трудно отделимы друг от друга. Особенно это относится к философии и общему языкознанию.

Частные науки тяготеют к конкретному и специфическому анализу данной проблемы и в этом смысле являются ограниченными. Осмысление же языка и мышления на самом высоком, абстрактном уровне составляет специфику философского подхода к данной проблеме и относится к области философии сознания. Конечно, прогресс знания о языке и мышлении связан с соответствующим успехами во всей совокупности гуманитарных наук. Но именно перед философией языка, понимаемой как философия о языке и мышлении, стоят задачи по разработке методологии их изучения и синтезу результатов этого изучения.

Термины «язык» и «мышление» употребляются в широком и узком смыслах. Мы придерживаемся определений В. Ф. Самсонова. Мышлением в широком смысле называют отражение действительности в обобщенных образах и процесс оперирования ими. Мышлением в узком смысле называют способность человеческого сознания отражать действительность в абстрактно-логических образах и понятиях, выраженных в языковой форме, и процесс оперирования ими [27, с. 4].

Объективирование содержания мыслительных актов невозможно без внешнего проявления мышления в материальном языковом оформлении. Языком в широком смысле называют любые средства коммуникации, любую знаковую систему (национальные языки, азбука Морзе, логико-математические языки, генетический код и т. д.). Следовательно, к языку в широком смысле относятся как естественные (национальные), так и искусственные языки. Языком в узком смысле называют естественный национальный язык. Естественный язык является сложным, многуровневым образованием, включающим фонетический, грамматический и семантический компоненты [27, с. 5].

Естественный язык в отличие от мышления по природе своей материален и объективно реален. Материальность языка есть его существенное свойство, особенно в гносеологическом плане. Именно потому, что язык прежде всего является системой чувственно воспринимаемых материальных объектов, он может выполнять функцию средства коммуникации и функцию обозначения по отношению к объективной реальности. Как материальное образование язык в его отношении к объективной реальности представляет собой знаковую систему особого рода [27, с. 6].

Наличие связи между языком и мышлением признается всеми исследователями. Но проблема состоит в том, каков характер этой связи.

Единство мышления и языка в центре внимания философских дискуссий начиная с учений Платона и Аристотеля. Вопрос касается соотношения общего и единичного. Так, в философии Платона общее рассматривается как предшествующее вещам, а вещи выступают как «тени» понятий [7]. В средневековой западноевропейской философии спор о природе общих понятий (универсалий) разделил схоластов на два лагеря. Реалисты считали, что общие понятия реально существуют в трех видах: в божественном разуме, в мышлении, в самих вещах. Вещи, согласно их точке зрения, обладают общим лишь постольку, поскольку в них воплощено идеальное начало, общее понятие Бог. Номиналисты, наоборот, считали, что реально существуют отдельные вещи, а общие понятия – это только имена, которые мы даем группам близких вещей. Они отрицали связь общего и отдельного, утверждая, что в самих вещах именам (общим понятиям) ничего не соответствует [30].

В концепции представителей аналитической философии соотношение языка и мышления приводит к их тождеству (ранний Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Р. Карнап и др.). Мышление в целом, все его формы поглощаются языком. Язык предстает в виде логической конструкции вне связи с носителем языка. Язык лишь выражает содержание сознания.

В бихевиористских концепциях главенствует принцип – описывать только наблюдаемое. Язык – это одна из форм поведения человека. Так, Л. Блумфилд рассматривает «поведение» языка как особую форму поведения человека; сводит коммуникативную функцию языка к цепи стимулов и реакций, а социальную природу речевой деятельности – так как процессам одного порядка с биологическими процессами. Общение для Л. Блумфилда – это такой же «биологический акт», как любые другие формы приспособления человека к среде и его реакции на внешние стимулы [6]. При таком подходе к языку практически снимаются все сложные проблемы, связанные с соотношением языка и мышления, ролью языка в формировании понятийного мышления, рассмотрение языка как системы, возможное только на основе обобщения и интерпретации фактов, полученных в непосредственном наблюдении. Иными словами, Л. Блумфилд стремится не выходить за пределы фактов, данных в опыте и вести лингвистический анализ на уровне наблюдения, исключив все, что соотносено с уровнем обобщения.

Многие современные исследователи (А. Г. Спиркин, В. З. Панкратов, Р. А. Будагов) отстаивают положение о неразрывной связи языка и мышления, их теснейшем диалектическом единстве. Такое положение приводит к тому, что язык представляет собой материально-идеальное образование. Язык предстает также как творец, а не как средство познания. Речь здесь не может идти о способности знака обозначать различные содержания мышления.

Наиболее приемлемой является функциональная концепция, развиваемая Б. А. Серебренниковым, В. Ф. Самсоновым. Данные исследователи определяют связь между языком и мышлением подвижной, динамичной. Функциональное понимание системы языка предполагает учет всего того, с чем взаимодействует эта система.

Естественный язык по природе своей материален и объективно реален. Язык как материальное образование в его отношении к объективной действительности представляет собой знаковую систему [27; 28]. Основной функцией языка является обозначение чего-то иного, чем сам знак.

Мышление по своей природе идеально. Оно отражение действительного мира. Мышление связано с действительностью содержательной, причинно-следственной связью. Кроме того, мышление обладает свойством континуальности, а язык – свойством дискретности [27].

Являясь средством дискретизации знаний, язык помогает человеку вычленять новые свойства и связи предметов. Для дискретизации знаний в языке существует универсальный способ – наименование предметов и понятий о них с помощью слов. Именно устойчивость форм слов способствует обозначению понятий. Понятие, как правило, выражается и закрепляется в языковой форме – в слове, словосочетании, т. е. в номинативном знаке [28].

Однако связь языка с объективной реальностью осуществляется через мышление. Предмет может обозначаться словом в том случае, если он известен, если у носителя имеется некоторое представление [27]. Связывая свои знания о предмете со словом, человек тем самым относит слово к данному предмету.

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
Слово изменяется значительно реже по сравнению с изменением совокупности знаний о предмете, которые также представляют результат отражения.

Но мышление может объективироваться и быть доступным другим только с помощью языка. Поэтому анализ познания – это анализ языка. Исходным же в деятельности познания и общения является мышление. Язык как информационная система фиксирует и выражает результаты мышления, так как понятие возникает раньше звукового комплекса [27]. Когда человек подбирает для нового понятия звуковой комплекс, оно уже существует в его сознании.

Как идеальное образование мышление не коммуникативно. Но язык как знаковая форма есть средство коммуникации. Именно в процессе общения звуки становятся знаками, выступая средством фиксации мышления, его логических форм, понятий и суждений [28]. Языковое общение относится к универсальной форме человеческой деятельности. Под деятельностью понимается внутренняя и внешняя активность человека. Речевая деятельность – это система речевых действий, осуществляемая определенными психофизиологическими механизмами. В пределах речевой деятельности различают язык и речь, а также внутреннюю речь. Язык есть система средств познания и общения, а речь есть деятельность, в процессе которой эта система реализуется. Внутренняя речь – это взаимодействие различных механизмов внутри организма, обеспечивающих речевые действия. Язык используется речью для выражения и понимания передаваемого содержания [27].

Цель языковой коммуникации – взаимопонимание людей. При этом участники коммуникации выполняют различные функции: говорящий выражает свои когнитивные состояния в системе языковых средств, передает их другим людям, мысль в процессе выражения объективируется, трансформируясь в материальные структуры языка; слушающий воспринимает языковые средства и восстанавливает передаваемые ему психические состояния [27; 29]. При восприятии слова как физического раздражителя в мозгу слушающего формируется аналогичная мысль. Функцию выражения знак реализует, когда он правильно понят субъектом, который способен перейти от знака к его значению, мысль воплощается в различные слова и тексты и объективно существует как значение знаков. Смысл введения знаков, таким образом, заключается в возможности оперировать содержанием предметов без их материального преобразования [27; 29].

В процессе языкового общения происходит кодирование и декодирование мыслей. Оперирование языковыми знаками происходит в пределах заданной структуры и системы языка, что дает возможность интерпретировать те или иные положения и утверждения, выраженные языковыми средствами. Поэтому обмен информацией включает не только интерпретацию знаков, но также и знания языка коммуникантами [27].

По мнению А. В. Дорошенко, именно в процессе общения все события, явления действительности получают свои названия. Не язык заставляет говорящего называть то или иное событие закрепленным за ним именем, а сам говорящий определяет, какое из языковых средств выбрать, чтобы сообщить об этом событии в нужном ему смысле [11]. Результатом коммуникативной деятельности, по утверждению Л. М. Салминой, является порождение новой действительности, удовлетворяющей или неудовлетворяющей потребностям ее участников, их мотивам [25].

Следовательно, относительная свобода связи между объектом реальности, мышлением и языком позволяет носителю языка связывать со знаком те мысли, которые он считает нужными.

§ 2. Семиотические аспекты языка

На рубеже XIX–XX вв. произошли существенные сдвиги в структуре научных теорий, в принципах их построения. Сами теории приобретали все более абстрактный характер. В этой связи анализ знаков и значений знаковых выражений приобрел особенно важный философский характер. Возникла необходимость выявить связь знаковых систем, используемых в науке, с реальной действительностью.

Обширные исследования в области науки и ее языка дали толчок к развитию семиотики как теории знаков и знаковых систем. Пионерами в разработке семиотики стали два известных американских логика – Ч. С. Пирс и Ч. У. Моррис.

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org Главной заслугой Пирса в развитии семиотических исследований было введение понятия «знаковая ситуация». Вместо традиционной дихотомии «знак» – «обозначаемый предмет», Пирс ввел семиотическую трихотомию. В терминологии Пирса последняя называется знаковой ситуацией или знаковым процессом. Выбор терминологии определялся тем, что Пирс обратился к тому механизму, в котором вещь, нечто чувственно данное, становится заместителем, представителем, другой вещи – знаком. По Пирсу, знак есть нечто, представляющее что-либо некоторому лицу в некотором отношении. Позднее Моррис уточнит понятие знака: «Ничто само по себе не является ни знаком, ни носителем знака, а становится им лишь постольку, поскольку посредством его можно осознать нечто иное» [17, с. 37]. Это означает, что знаком может служить любая чувственно воспринимаемая вещь. Не требуется, чтобы она обладала какими-то специфическими «знаковыми» свойствами, ибо физические свойства предмета, выступающего в роли знака, безразличны к его знаковой функции. Знак имеет материальную природу, но ее конкретное проявление (субстрат) не влияет на сущность знака.

Знаковая ситуация представляет собой взаимосвязь трех факторов – знака, его объекта и интерпретанты. Последняя не равна интерпретатору, а представляет собой то, что обеспечивает значимость знака для целого ряда интерпретаторов, – идею, вызываемую знаком. Согласно Пирсу, мысль и речь диалогичны: в любом акте утверждения можно различать как говорящего, так и воспринимающего. В отдельных случаях «слушающий может объединяться с “говорящим” в одном и том же лице, как происходит, например, когда мы пытаемся точно зарегистрировать в своем уме суждение, чтобы вспомнить его позднее» [21, с. 167].

Развиваемая Пирсом теория знаков тесно связана с его теорией категорий и идеалистическими представлениями о природе закономерных связей. Категории Пирса – это система понятий, описывающих как эмпирические, так и теоретические явления. К категориям относятся Первичность, Вторичность и Третьичность (Firstness, Secondness, Thirdness). Их выделение основывается на проводимом Пирсом логическом анализе структуры простых суждений с отношениями.

В традиционной логике главным образом анализировалась структура категорических суждений. Суждения с отношениями рассматривались как вид атрибутивных суждений. Такое рассмотрение возможно. Однако суждения с отношениями (вида «ARB») имеют структуру, отличную от структуры атрибутивных суждений (вида «S есть P»).

Создание логики отношений послужило Пирсу обоснованием его теории категорий.

При анализе суждения с отношениями выделяются термины, обозначающие отношения – предикаты, и термины, обозначающие предметы, находящиеся в этих отношениях, – субъекты. Пирс считал, что предикаты не бывают более чем трехместными. Посему все предикаты разделяются на три класса: одноместные, двухместные и трехместные. С предикатом каждого типа связывается определенное отношение – монадическое, диадическое и триадическое соответственно.

Первичность – это понятие монадического отношения в общем, или, иначе говоря, то общее, что есть у всех монадических предикатов. Монадическое отношение всегда может быть выражено одноместным предикатом. По мнению Пирса, первичность – это качество, взятое само по себе («временный и вечный объект»).

Вторичность – это понятие диадического отношения, в общем («индивидуальное существование в объективном мире», факт).

Почему вторичность выводится Пирсом из двухместного отношения? Потому что в каждом факте можно выделить предмет, обозначенный субъектом суждения, утверждающего о существовании этого факта, что этот предмет принадлежит внешнему миру.

Третьичность – это понятие триадического отношения в общем, опосредованное, связь двух первых сфер («универсальность»). С логической точки зрения оно представляет собой отношение трех связанных между собой терминов и не может быть разложено на более простые отношения.

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
Поскольку знаковое отношение существенно триадично, то оно относится к Третичности.

Понятие Третичности лежит в основе классификации знаков. Пирс выделяет 66 видов знаков. Глобальное значение для классификации имеет: во-первых, различие синсигнумов (Sinsigns) и легисигнумов (Legisigns) и, во-вторых, знаков-индексов и символов.

Синсигнум – это конкретный знак, используемый в конкретной ситуации. Легисигнум – это общий знак, «закон», функционирующий в качестве знака и носящий, согласно Пирсу, объективный характер.

Иконические знаки выделяются на основе подобия (likeness) с обозначением, они имеют нечто общее в качествах с объектом обозначения.

Знаки-индексы производят нечто вроде указания (indices), чье отношение к предметам выражается в корреспонденции. Пирс говорит об этом следующим образом: «Все, что сосредотачивает внимание, есть индекс» [21, с. 160].

Основой для обозначения при помощи символов является закон, конвенция, традиция. Следует отметить, что сам Пирс признавал относительность разделения знаков на виды. Легко можно показать, что один и тот же знак выступает в различных аспектах в зависимости от ситуации употребления. Так, «собственное имя, когда с ним встречаются в первый раз, экзистенциально связано с некоторым восприятием или с иным индивидуальным эквивалентным значением индивидуального объекта, который этим именем называется. Тогда и только тогда оно является подлинным Индексом. Когда с ним встречаются в следующий раз, оно рассматривается как Иконический знак этого Индекса. Повседневное знакомство с именем делает его Символом...» [21, с. 164]. Виды знаков выделяются на основании того, какой из аспектов знака является главенствующим в конкретной ситуации употребления.

Подводя некоторые итоги исследования семиотической концепции Пирса, отметим, что введенное им понятие знаковой ситуации наметило пути решения сложной и важной философской проблемы значения. Самому Пирсу ее решить не удалось в силу того, что он сводил значение знака к одному из элементов знаковой ситуации, причем чаще всего – к интерпретанте. Это связано со стремлением Пирса привести анализ знаковой ситуации в соответствие со своей теорией категорий. Три элемента знаковой ситуации (объект, знак и интерпретанта) составляют триаду, исключающую появление четвертого элемента – значения. Однако Пирсом был высказан ряд плодотворных идей, подхваченных позднее. Так, исходя из рассмотрения трехаспектной знаковой ситуации (семиозиса) можно заключить, что знаки надлежит рассматривать с точки зрения трех видов отношений, складывающихся в знаковом процессе. Во-первых, отношения знака к предмету, им обозначаемому. Во-вторых, отношения знака к другим знакам, участвующим в процессе семиозиса. В-третьих, отношения к интерпретаторам (лицам, употребляющим этот знак).

Ч. Моррис предлагает определить каждый тип отношений, складывающихся в семиозисе, как уровень, или аспект, значения. Отношение знака к объекту обозначения – экзистенциальный или семантический уровень значения. Отношение знака к интерпретатору – это прагматический уровень значения. Синтаксические отношения знака с другими знаками внутри знаковой системы – формальный или синтаксический уровень значения. Поскольку за значение знака не может быть принят ни один из перечисленных уровней, но все они могут быть включены в его структуру, то естественно предположить, что значение знака – это функция компонентов знаковой ситуации.

Если в исходном пункте анализа Моррис следует Пирсу, то уже в формулировке цели исследования намечается расхождение с позицией учителя. По Моррису, задачей семиотики является исследование конкретных знаковых ситуаций без предварительного исследования типов знаков, функционирующих в этих ситуациях. Более того, каждая знаковая ситуация должна пониматься как некоторая последовательность событий, представляющих собой речевой акт или семиозис [17, с. 74].

Семиозис – это «опосредованное принятие во внимание», в котором посредниками выступают знаковые средства. Принятие во внимание – это интерпретанта, действующие лица процесса – интерпретаторы, а то, что учитывается – десигнаты. Моррис ввел различие понятий «десигнат» и «денотат». Десигнат, как уже отмечалось, это то, что принимается во

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org внимание, а денотат, – это реальный предмет, обозначаемый знаком.

Данное различие связано с тем обстоятельством, что не каждый знак связывается с чем-то реально существующим, ибо «принятие во внимание может иметь место без действительного наличия предметов или ситуаций» [17, с. 75].

Но «принятие во внимание» требует наличия десигната – того, что принимается во внимание. В рамках такого подхода можно говорить о типах репрезентирующей функции знака, не сводя ее только к одному типу – именованию предметов.

Самой важной из составляющих знаковой ситуации, как отмечалось выше, является значение. Знак отличается от не-знака именно тем, что является носителем значения. Нет значения – нет семиозиса, хотя полнее может быть незнаковая ситуация.

В книге Огдена и Ричардса «Значение значения» [32] приводится более двадцати определений понятия «значение». Отметим, что различие трактовки семантических понятий, в том числе и понятия значения, с одной стороны, связано с различными методами семантического анализа, с другой стороны, с неразличением того аспекта семиозиса, который является предметом рассмотрения. «В одних случаях “значение” указывает на десигнаты, в других – на денотаты, иногда – на интерпретанту; в ряде случаев – на то, что знак имплицитно в других – на процесс семиозиса как таковой, а зачастую на значимость или ценность» [17, с. 74].

Использование и разработка интересующих нас вопросов невозможны без использования понятий смысл и значение. Однако специфика семиотического подхода заключается в том, чтобы не брать понятие «значение» как данное, а напротив, разъяснить его с точки зрения семиотики. В разработку вышеназванных понятий большой вклад внес Г. Фреге. Главная идея, выдвинутая Фреге, заключается в различении предметного значения и смысла знака. По Фреге, «все слова обладают значением в том простом смысле, что они представляют собой символы, замещающие нечто, не являющееся им самим» [34, с. 51].

Попытаемся глубже осознать мысли Фреге при выделении сущности, находящейся между знаком и объектом, – смысла. В пользу различения смысла (Sinn) и значения (Bedeutung) Фреге приводит два аргумента. Первый заключается в том, что знание денотата невозможно без опосредования его смыслом. Если некто знает денотат имени «Наполеон», то он знает его посредством какого-либо суждения. Например, «Наполеон – полководец, потерпевший поражение при Ватерлоо». Знать денотат имени можно только каким-то конкретным, определенным образом. Способ представления денотата отражает смысл, связываемый с этим именем. С точки зрения Фреге, имя может представлять предмет только опосредованно. Опосредование осуществляется смыслом имени.

Второй аргумент Фреге основывается на выводах, делаемых на основе анализа роли дополнительной информации. Последнюю Фреге иллюстрирует примером из геометрии. Пусть у нас имеется треугольник ABC. Из каждой его вершины можно провести линию, соединяющую вершину треугольника с серединой противоположной стороны. Обозначим прямые a, ? и u. Человек, не знающий геометрии, не в состоянии решить без чертежа, будут ли имена «точка пересечения a и ?» и «точка пересечения ? и u» обозначать одну и ту же точку. Вместе с тем ясно, что оба имени имеют различный смысл, что и выражается при употреблении двух разных простых имен, составляющих сложное имя.

Обратимся теперь к проблеме утверждений тождества и тому решению, которое дал Фреге этой проблеме. Анализ утверждений тождества был одной из отправных точек введения понятия смысла. Чтобы пояснить это, рассмотрим следующий пример:

(1) Туллий есть туллий.

(2) Туллий есть Цицерон.

Высказывание (1) представляет собой утверждение тождества типа $A = A$, высказывание (2) – утверждение тождества $A = B$. Для историка,

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org установившего, допустим, что Туллий есть Цицерон, это было бы большим открытием, а не тривиальным утверждением. Это говорит о том, что для анализа утверждений тождества нужно знать некоторую информацию относительно объектов, имена которых входят в эти утверждения. Если выражение типа $A = A$ не дает новой информации относительно окружающего мира, то выражение типа $A = B$ фиксирует информацию, отражающую определенные свойства предметов.

Таким образом, введение понятия «смысл» играет большое значение при анализе утверждений тождества: «Тождество порождает вопросы, на которые трудно отвечать. Есть ли оно отношение? Отношение между объектами, или менами, или знаками объектов? В моем "Begriffsschrift" я предложил последнее» [34]. По Фреге, отношение тождества – это отношение между именами предметов, а не между самими предметами. Имя предмета, как уже говорилось, не только обозначает предмет, но и выражает определенный смысл.

Принципы анализа имен Фреге распространяет и на анализ высказываний, рассматриваемых как разновидность имен. (Высказывание – это имя ситуации). Повествовательное предложение выражает некоторый смысл. Смысл предложения зависит от смысла входящих в него простых имен. Если произвести замену одного имени, входящего в состав предложения, другим именем с тем же денотатом, то в результате может получиться новое высказывание, выражающее иной смысл.

Только смыслы, а не денотаты членов предложения влияют на общее смысловое содержание высказывания. Фреге не дает строгого определения смысла, но часто говорит о нем как о способе данности объекта, способе указания на объект или информации об объекте: «Смысл знака – это то, что отражает способ представления, обозначаемого данным знаком» [34, с. 53]. Смысл, по Фреге, включает способ данности, но произвести отождествление указанных понятий нельзя.

Особо остановимся на вопросе о смысле выражений, представляющих собой имена собственные. Смысл последних часто отождествляется со смыслом описательных, дескриптивных имен этих предметов. Но каковы критерии равенства смыслов? Можно ли для любых двух имен решить, равны ли выражаемые ими смыслы? Прямого ответа на поставленные вопросы в работах Фреге мы не находим. Однако исходя из потребностей своего символического языка, Фреге строил теорию определений, изложенную в работе «Основные законы арифметики». В логической операции определения критерия равенства смыслов играют особенно существенную роль. Каким образом Фреге решает вопрос критериев в развиваемой им теории определения? Прежде всего Фреге отмечает, что определение представляет акт разграничения того, что относится к смыслу определенного знака и к значению знака (собственного имени или имени функции) путем отнесения к значению и смыслу других знаков, известных ранее. Здесь Фреге проводит интересную аналогию с решенным уравнением, когда определяемое – это левая часть уравнения, а определяющее – правая часть, не содержащая неизвестных элементов (например, $x = 5+3$). Очевидно, что определение предполагает тождество значений определяемого и определяющего. Например, русского писателя Л. Н. Толстого можно обозначить именем «Лев Толстой» или дескрипцией «автор романа "Война и мир"». «Лев Толстой» можно рассматривать как определяемое, а «автор романа "Война и мир"» – как определяющее. Определяемое и определяющее имеют один и тот же денотат. Тождество предметных значений соблюдается. Но как обстоит дело с другим требованием – требованием тождества смысла знаков? Ведь в результате операции определения устанавливается соответствие не только между знаком и его предметным значением, но и между знаком и обозначаемым им понятием. Смыслы дескрипций (и соответствующих понятий) «автор романа "Анна Каренина"», «автор романа "Война и мир"» и так далее, хоть и предполагают один и тот же денотат, но характеризуют последний с какой-то одной стороны.

В науке каждому понятию должно соответствовать одно имя. Если же одно и то же имя будет определяться несколькими способами, возникнет соответствующая неоднозначность. В этом факте мы видим проявление влияния семантики языка на синтаксис: операцию определения, выполняющую синтаксическую роль отождествления двух выражений, нельзя проводить без учета смысла и значения отождествления выражений.

Необходимо подчеркнуть, что дескрипции и имена различаются по своей логической роли в языке. Каким образом можно адекватно представить данное различие? Для выяснения поставленного вопроса обратимся к теории английского логика и философа Б. Рассела. Построение своей семиотической

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org концепции Рассел начинается с разработки понятия «денотирующее выражение». В работе «Об обозначении» [23] проводится мысль, что в естественном языке функционируют выражения, обозначающие уже в силу своей формы. Таковы выражения «человек», «какой-то человек», «каждый человек», «настоящий король Франции» и т. д. Среди обозначающих выражений можно выделить различные их типы, а именно определенные и неопределенные денотирующие выражения.

Что служит основанием для выделения неопределенных денотирующих выражений? Рассмотрим несколько примеров:

- (1) К. Браун вышла замуж за англичанина.
- (2) К. Браун хочет выйти замуж за англичанина.
- (3) Джон ищет карандаш.

Денотирующие выражения «англичанин», «карандаш» могут истолковываться референциально и нереференциально. Например, в высказывании (3) может идти речь об определенном карандаше, а может и о карандаше вообще (представителе класса). Истолкование зависит от контекста употребления данного высказывания. В силу этого «карандаш» рассматривается как неопределенное денотирующее выражение.

Что же касается определенных денотирующих выражений, то они, как кажется, нацелены на обозначение определенных предметов.

Выделение Расселом денотирующих выражений типа «центр массы солнечной системы» и другие имеет, на наш взгляд, важный гносеологический аспект. Мы не всегда располагаем эмпирическим опытом относительно тех предметов, имена которых фигурируют в процессе общения и научной деятельности. Объект может быть дан через описание в языке. «Значение в качестве сущности нельзя помещать ни в каком месте процесса семиозиса, но его следует определять в категориях этого процесса как целого. “Значение” является семиотическим термином предметного языка; сказать, что в природе существуют значения, не равнозначно утверждению, что существует класс “существований” наравне с деревьями, скалами, организмами красками; такое утверждение означает, что эти предметы и свойства функционируют в процессе семиозиса» [16, с. 118]. Очевидно, что нельзя говорить ни о значении, ни о смысле знаков вне коммуникации, поскольку структура и интерпретация знаковых систем определяются их ролью в практической деятельности людей. Однако, используя различные абстракции и идеализации, мы можем говорить и о значении знаков, и о смысле. Используя абстракции, мы можем выделять синтаксис, семантику и прагматику. Полный учет семиотических аспектов заключается в выявлении и адекватном анализе различных категорий выражения языка.

Отметим, что в исходной абстракции «знаковая ситуация», введенной для анализа знаков, была намечена возможность разрыва между синтаксисом, семантикой и прагматикой. Все дальнейшее развитие логико-семиотической проблематики демонстрирует стремление преодолеть этот разрыв и подойти к анализу языка как цельного явления и с позиций цельной методологии.

§ 3. Аналитические и синтетические знания

Проблема аналитического и синтетического знания тесно связана с такими центральными вопросами теории познания, как проблема истины и ее типологии, проблема структуры научного знания и познавательной деятельности, а также проблема значения языковых выражений. Различение аналитического и синтетического знания уходит своими корнями в философию Г. Лейбница и Д. Юма.

Но традиционное различение аналитического и синтетического знания опирается на то, что было сделано в этой области И. Кантом. В кантовской классификации суждений есть несколько оснований для их деления. Некоторые исследователи выделяют только гносеологические и логические основания [1, с. 7]. Однако, учитывая, что Кант осуществляет, в сущности, деятельностный подход к познанию, рассматривает его прежде всего со стороны познающего субъекта, необходимо также выделить прагматическое (деятельностное) основание, на котором покоятся основные виды суждений. Не случайно у Канта знанием является суждение, т. е. соединение представлений и понятий в сознании, а основной гносеологической проблемой является проблема

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
возможности синтетических априорных суждений.

Основными видами суждений, по Канту, являются аналитические априорные, синтетические апостериорные и синтетические априорные суждения. Аналитические суждения (а они априорны), не давая нового знания, выражают то, что уже было заключено в понятии логического субъекта. Поэтому они являются также поясняющими («Все тела протяженны»). Синтетические апостериорные суждения добавляют новое знание на основе опыта; установление их истинности требует фактического знания («Все тела имеют тяжесть»). Синтетические априорные суждения сообщают новое знание, но без обращения к опыту; связь составляющих их понятий усматривается посредством интуиции (« $7+5 = 12$ »).

Хотя Кант не сформулировал четко аналитико-синтетическое различие и не указал строгих критериев аналитичности, можно утверждать, что он связывает аналитичность с формальной характеристикой суждений: с взаимоотношениями субъекта и предиката, с логической необходимостью – об их истинности можно заключить на основании логических принципов. В контексте философских взглядов Канта (критического периода) проведение аналитико-синтетического различия связано с выделением им «общей» логики (которая, по Канту, аналитична) и «трансцендентальной» логики (которая, по Канту, синтетична) [2, с. 75]. Следовательно, различие между аналитическим и синтетическим у Канта связано и с различием между соответствующими методами.

Кантовский отход от дихотомии аналитическое-синтетическое и введение синтетических априорных суждений отражают трехчленный характер его модели обоснования знания: непосредственная чувственность, рассудок и связывающая их трансцендентальная апперцепция, что, в свою очередь, связано с его деятельностным подходом к познанию.

Основная классификация суждений Канта в той или иной степени всегда подвергалась критике со стороны различных философских течений.

Однако если учесть некоторые особенности философской концепции Канта, то введение всех трех видов суждений представляется оправданным. К этим особенностям относится прежде всего то, что кантовская модель обоснования знания есть одновременно модель объяснения познавательной деятельности субъекта познания, что априоризм Канта есть априоризм особого рода. Априорные формы мышления (категории) становятся необходимым и общеобязательным знанием только при наполнении их апостериорно данным знанием. Гносеологическим источником кантовского априоризма является то обстоятельство, что научное исследование всегда предполагает некоторый исходный взгляд на мир, предшествующий данной области явлений (и этому взгляду в известной мере соответствуют кантовские синтетические априорные суждения) [37, с. 135].

Кантовская классификация суждений отражает существенные моменты механизма познавательной деятельности. Но сама эта деятельность рассматривается Кантом статически и абстрактно-структурно, а не процессуально.

В современных логико-семантических и гносеологических исследованиях в отличие от Канта проблема аналитико-синтетического различия распространяется на высказывания любой формы и решается в терминах языковых выражений и их значений.

С идеями современной семантики тесно связан неопозитивистский подход к проблеме аналитического и синтетического. Характеристика аналитических и синтетических высказываний в неопозитивизме частично совпадает с кантовской. Аналитические высказывания априорны и неинформативны, логически истинны и относятся к области теоретического знания; синтетические высказывания апостериорны и информативны, фактически истинны и относятся к области эмпирического знания.

Принципиальное различие подходов к проблеме аналитического и синтетического у Канта и неопозитивистов состоит в том, что последние, отождествляя аналитическое с априорным, синтетическое с апостериорным, проводят именно дихотомию знания. Все суждения или аналитические (априорные), или синтетические (апостериорные). Неопозитивизм отрицает существование синтетического априорного знания; синтетические априорные суждения невозможны. К тому же логический эмпиризм проводит четкое различие между синтетическими и аналитическими утверждениями.

Неопозитивистское решение проблемы различия аналитического и синтетического знания связано с истолкованием теоретического знания как чисто словесного знания, относящегося лишь к употреблению языка. По нашему мнению, различие предложений, фиксирующих два качественно противоположных вида знаний, вполне правомерно. Отождествление же аналитического и синтетического знания в неопозитивизме восходит к узкому метафизическому истолкованию опыта, не охватывающему опыта всей практической и преобразующей деятельности людей.

Отрицание Р. Карнапом кантовских синтетических априорных суждений связано, по нашему мнению, с непониманием трансцендентализма Канта как особой гносеологической позиции, характеризующейся прежде всего деятельностью подходом к познанию [14, с. 241–250]. С позиций же данного подхода, выделение таких суждений оправданно. Более того, сам Карнап в некоторых поздних работах в концепции «постулатов аналитичности» («постулатов значения», или «А-постулатов») при объяснении практики научного мышления столкнулся с той же проблематикой, которая лежит в основе кантовской концепции синтетического априори [12; 14]. В результате Карнап отошел от исходных догм логического позитивизма по вопросам об аналитичности, считая, что и сами «А-постулаты» могут быть истолкованы как аналогичные по своей природе синтетическим априорным суждениям Канта [37, с. 138–139].

Своеобразную концепцию аналитичности, в какой-то мере близкую к неопозитивизму, развивал американский философ К. Льюис. Будучи представителем неопрагматизма, он радикально отличается в этом вопросе от других представителей данной философской школы.

Согласно Льюису, аналитическая истина в общем виде есть истина, определяемая посредством ссылки на одни значения. Однако его концепция аналитичности опирается на оригинальную теорию значения.

Льюис выделяет четыре вида значений терминов и высказываний: денотат, охват, сигнификат и содержание. Денотатом термина является класс всех существующих вещей, к которым корректно применим этот термин. Охват термина – это совокупность всех возможных или непротиворечиво мыслимых вещей, к которым можно было бы корректно применить данный термин. Сигнификатом термина является то свойство в вещах, наличие которого позволяет корректно применить термин и отсутствие которого указывает на запрет применения данного термина. Содержание термина тождественно совокупности всех других терминов, каждый из которых применим ко всему тому, к чему данный термин мог бы быть применим корректно. Виды значений высказываний определяются аналогично [13].

Аналитическими являются высказывания, обладающие нулевым содержанием и универсальным охватом; такие высказывания применимы к любому возможному непротиворечиво мыслимому миру. Внутренне-противоречивыми высказываниями являются высказывания, имеющие нулевой охват и неприменимые к любому непротиворечиво мыслимому миру. Соответственно синтетическими оказываются высказывания, лежащие между аналитическими и противоречивыми и имеющие охват и содержание, не являющиеся ни нулевыми, ни универсальными; такие высказывания применимы к некоторым, но не ко всем возможным мирам.

Так как аналитические высказывания зависят главным образом от содержательных (интенциональных) значений и в соответствии с указанным определением оказываются тождественными по содержанию, то для строгого конструирования и выяснения применимости таких высказываний весьма важны введенные Льюисом подвиды содержательного (интенционального) значения: лингвистическое значение, смысловое значение и аналитическое значение. Лингвистическим значением выражения, по Льюису, выступает его содержание как свойство, которое является общим у него со всеми выражениями, способными заменить данное выражение в любом контексте без изменения его смысла или истинностного значения. Смысловое значение – это существующий в разуме критерий, благодаря которому мы способны применить или не применить данное выражение к существующей или воображаемой вещи или ситуации. Аналитическим значением выражения является содержание этого выражения, рассматриваемого как сложное образование, содержание которого составлено из интенциональных значений, образующих его элементы и из их синтаксического порядка [13].

Смысловые значения как указания на условия применимости выражений позволяют раскрыть причину достоверности аналитических высказываний. Обладая нулевым

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org содержанием, они не накладывают никаких ограничений на любой мыслимый мир, их истинность не зависит от всех случайностей опыта.

Аналитическое значение, уточняя интенциональное значение, помогает различать аналитические высказывания по структуре и смысловому значению. Например, аналитические высказывания «Железо – тяжелый металл» и « $2+2 = 4$ », обладая нулевым содержанием, различаются по аналитическому значению. Это же понятие позволило Льюису определить эквивалентность по аналитическому значению (или понятие синонимичности в аналитическом смысле), к которому близко карнаповское понятие интенционального изоморфизма. Так, выражения «круглая дыра» и «циркулярное отверстие» синонимичны в аналитическом смысле, но выражения «равносторонний треугольник» и «равнозначный треугольник» не являются синонимичными.

Но наиболее существенно то, что аналитическое значение дает критерий, на основе которого путем мысленного эксперимента в воображении, т. е. путем непосредственного усмотрения, можно определить, является ли некоторое высказывание аналитическим. При этом аналитичность усматривается в том, что условия применимости одного термина включаются в условия применимости другого.

Таким образом, в логико-семиотическом плане концепция аналитичности Льюиса довольно определена. Распознавание аналитичности в его концепции опирается на познавательную деятельность, предполагающую знание значений языковых выражений и экстралингвистической реальности. В этом, по нашему мнению, рациональные моменты его концепции. Однако для полной оценки этой концепции необходимо взглянуть на нее в более широком гносеологическом контексте обоснования знания (с учетом теории значения). Ведь аналитические суждения, по Льюису, вместе с непосредственным опытом лежат в основе эмпирического знания. Кроме того, понятие аналитического знания у Льюиса тесно связано с понятием априорного знания.

Аналитическое и априорное знания, по гносеологической концепции Льюиса (подобно ситуации в неопозитивизме), совпадают. Однако, хотя он считает, что априорная истина дефинитивна по природе и возникает на логической основе, он в отличие от неопозитивистов не удовлетворен трактовкой этих истин как интралингвистического познания и неинформативных относительно мира. Льюис рассматривает априорные истины как специфические характеристики разума (и в этом близок к Канту). Кроме того, в отличие от логического эмпиризма он принимает дуалистическую трактовку опыта. Льюис резко противопоставляет чувственные данные и концептуальную структуру. Эти элементы (чувственные данные и концептуальная структура) впервые осмысливаются, интерпретируются и становятся собственно знанием с помощью априорного критерия классификации, обеспечиваемого разумом.

Таким образом, уровень познания пронизан априорной и классифицирующей деятельностью разума, и аналитические истины оказываются далекими от тривиального и только интралингвистического существования. Согласно логико-семантическим и гносеологическим взглядам Льюиса, аналитические высказывания включают элементы условности, но не являются полностью конвенциональными. Как только определены значения в дедуктивной системе, ее следствия не являются уже предметом выбора, они (следствия) связаны определенным порядком на основе значений.

Еще более существенно то, что Льюис придерживается прагматической теории априорной истины. По его мнению, наши концептуальные структуры, включая и законы логики, постоянно изменяются перед лицом непрерывного опыта. И единственно подходящим при этом текстом является прагматический текст (простота, экономия, удовлетворение человеческих нужд).

Льюис прав в том, что эмпирическое познание теоретически нагружено и уже на этом уровне проявляется существенная активность субъекта в познании, но он не прав в резком противопоставлении чувственных и рациональных моментов познания и в субъективистском (прагматическом) объяснении активности субъекта в познании. В результате определенность аналитичности на основе теории значения растворяется в прагматизме гносеологического релятивизма. В целом «концептуальный прагматизм» Льюиса выступает своеобразным связующим звеном между Кантом и логическим эмпиризмом, с одной стороны, и Кантом, как отрицающим на основе прагматизма любой вид априорного знания вообще – с другой.

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
В современной логико-семантической литературе аналитичность в основном рассматривается как функция законов логики и значений языковых выражений. Высказывание – аналитическое, если и только если оно (1) логическая истина или (2) трансформируемое в логическую истину заменой одних синонимов другими синонимами. Соответственно высказывание синтетическое, если оно фактически истинно. Например, аналитическими высказываниями являются такие, как (1) «Ни один неженатый мужчина не является женатым» и (2) «Ни один холостяк не является женатым», а синтетическими – такие, как (3) «Мистер Джон не женат».

Против неопозитивистского подхода к проблеме аналитического и синтетического знания и против правомерности только что указанного понятия аналитичности выступили такие неопрагматисты, как У. Куайн, М. Уайт и Н. Гудмен. Данные философы, признавая логические истины и соответствующие им высказывания, собственно аналитическими признают высказывания второго типа и утверждают при этом, что обоснование такого рода аналитичности сталкивается с неодолимыми трудностями. Кроме того, Куайн утверждает, что даже если различие между аналитическими и синтетическими высказываниями могло бы быть проведено, то невозможно провести резкой границы между ними.

По мнению М. Уайта, ни экстенционалистское, ни интенционалистское, ни чисто лингвистическое истолкование аналитических высказываний не может привести к успеху, потому что основания синонимии неуловимы.

Куайн пытается более основательно аргументировать свои возражения против аналитичности и синонимии [15]. Отвергая значения как абстрактные сущности и возможность их отождествления, он обращается к неэкстенциональному языку и когнитивной синонимии (т. е. синонимии выражений, имеющих то же самое значение для мышления). Взаимозаменяемость в таком языке, содержащем оператор «необходимо», является достаточным условием познавательной синонимии, но такой язык понятен только в том случае, если понятие аналитичности выяснено заранее. Так, для установления синонимичности выражений «холостой» и «неженатый» надо знать, является ли предложение «Все – и только – холостяки есть неженатые мужчины» необходимо истинным. Но понятие необходимости само опирается на понятие аналитичности. Следовательно, пытаться объяснить аналитичность в терминах когнитивной синонимии, в то время как сама когнитивная синонимия опирается на понятие аналитичности, значит вовлекать в доказательство нечто, подобное кругу.

Куайн пытается доказать, что сходные соображения относятся и к попыткам уточнить понятия аналитичности и синонимии в терминах семантических правил, т. е. в искусственных языках (например, как у Карнапа). Он утверждает, что каждое из ключевых понятий в теории значения определяется только в терминах других близкородственных понятий.

Куайн рассматривает также возможность разграничения аналитических и синтетических высказываний при опоре на лингвистический и фактуальный компоненты высказываний. Согласно основной версии неопозитивизма по этому вопросу, есть базисные утверждения, в которых фактуальный компонент составляет все содержание; с другой стороны, есть аналитические утверждения, в которых лингвистический компонент равен нулю. Это предположение неопозитивизма связано с принципом редукционизма (допускающим сведение отдельных положений науки к непосредственному опыту) и верификационной теории значения. Куайн называет принцип редукционизма неоправданной догмой, а деление высказываний на аналитические и синтетические на этом основании – неправомерной попыткой разграничить оба компонента.

Помимо замечаний, связанных с проблемой синонимии, Куайн выдвинул еще один относительно самостоятельный тезис, направленный против аналитичности. Согласно последнему, даже если возможно различие между аналитическими и синтетическими высказываниями или между логической и фактической истинами, то невозможно провести резкой границы между ними. По мнению Куайна, здесь, может быть, самое большее относительное различие.

По Куайну, нельзя говорить об эмпирической проверке, сведении к опыту отдельных положений науки, отдельных высказываний. Такой проверке подвергаются не отдельные положения науки, а вся система знания в целом. «Единица эмпирического значения есть вся наука», – пишет Куайн [15, с. 42]. Это известный, так называемый «холистический эмпиризм» Куайна. На этом основании нельзя выделять особый класс синтетических истин, основанных на

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org опыте, в отличие от аналитических истин. По мнению Куайна, лучшее, что может быть получено на пути различия между отдельными видами высказываний, есть относительное различие между теми, которые более и которые менее укреплены в системе вследствие их связей с другими элементами этой системы. Первые – это те высказывания в пределах определенной системы, с которыми мы крайне не расположены расставаться, в отличие от тех, с которыми мы готовы расстаться, если требуется так сделать. Мы не идем на жертвование первыми высказываниями, потому что жертвование некоторыми из них повлекло бы вместе с этим к отказу от данной научной системы.

Вообще же под влиянием опытных данных вся научная система в целом перестраивается и ее принятие оправдывается на основе прагматических соображений. Поскольку наши знания определяются опытом как целым, создается «эмпирическая ослабленность» знания, и принятие или отклонение каких-либо определенных утверждений, по мнению Куайна, всегда будет вопросом решения. «Любое высказывание, – пишет Куайн, – может во что бы то ни стало сохранять свою истинность, если мы проделаем достаточно решительную корректировку в каком-либо ином разделе системы», и наоборот, «нет высказывания, неприкосновенного для пересмотра» [15, с. 43]. Следовательно, в отличие от неопозитивистов, которые описывают только «необходимую» (логическую) истину как конвенциональную, Куайн расширяет сферу конвенций и решения до всех истин, которые мы принимаем, т. е. распространяет конвенционализм на все положения науки. Эти же идеи Куайн продолжает развивать (в плане языкового поведения) в известной гипотезе о неопределенности перевода. В итоге своей критики аналитичности Куайн приходит к заключению, что определение аналитичности невозможно ни в области естественных, ни в области искусственных языков.

В своей работе «Слово и объект» Куайн использует понятия «стимульной синонимии» и «стимульной аналитичности», отражающие его бихевиористский подход к языку [15]. Так, два выражения «стимульно синонимичны», если они вызывают одинаковое «стимульное значение» у одного или нескольких носителей языка, иначе говоря, внушают согласие при сопутствующих обстоятельствах (или несогласие при сопутствующих обстоятельствах), и это сопутствие зависит скорее от использования слова, нежели от того, что происходит на самом деле. Соответственно предложение «стимульно аналитично» для субъекта, если он согласится на него или ни на что после каждой стимуляции.

По заявлению Куайна, это не бихевиористские экспликанты соответствующих интуитивных семантических понятий, а только их бихевиористские эрзацы [15, с. 66]. Хотя данные понятия, вопреки мнению Куайна, можно рассматривать как прагматические уточнения соответствующих интуитивных понятий [32, с. 228–229], однако они не разрешают трудностей, связанных с традиционной проблемой аналитического и синтетического. С позиций бихевиористского подхода, развиваемого в данном случае Куайном, понятие «стимульная аналитичность» может быть одинаково применено как к высказываниям « $2 + 2 = 4$ » и «Ни один холостяк не является женатым», так и к высказыванию «Были черные собаки» [15, с. 66]. И наоборот, одна и та же наблюдаемая экстенсия этого бихевиористского теста еще не гарантирует для различных носителей языка тождества истинностного значения предложения, традиционно считающегося аналитическим, так как стимульное значение (по отношению к одному и тому же языковому выражению) может существенно различаться у разных носителей языка.

Таким образом, бихевиористский подход к языку и значению используется Куайном для подтверждения своего скептического взгляда на возможность осуществления различия между аналитическим и синтетическим знанием.

При оценке взглядов неопрагматистов на проблему аналитического и синтетического знания прежде всего следует различать критику этими философами (особенно Куайном) философских догм логического эмпиризма и их возражения собственно против теоретической обоснованности и методологической полезности различия аналитического и синтетического знания. Так, неопозитивистский принцип редукционизма действительно неоправданная догма. Однако проблема аналитического и синтетического знания может рассматриваться независимо от догмы редукционизма. Как, впрочем, и идеи логической семантики, а также построение искусственных языков не является прерогативой логического эмпиризма, хотя именно представители последнего (особенно Р. Карнап) внесли определенный вклад в развитие этих идей.

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org Критика неопрагматистами традиционного понятия аналитичности вскрывает действительные трудности, связанные с ним. Собственно, за этим понятием и попытками удовлетворительного проведения дихотомии аналитическое – синтетическое скрывается комплекс многообразных (хотя и связанных между собой) проблем. Но следует согласиться и с замечанием американского философа Т. И. Хилла, который пишет: «Дихотомия аналитического и синтетического долго служила очень полезной цели и, конечно, не должна быть отвергнута без более детального анализа, чем тот, которому до сих пор подвергали ее прагматики-аналитики... Куайн и Уайт по большей части предполагали, а не доказывали неподвижность синонимии, а о Гудмене, на которого они полагались в этом вопросе, учитывая, что им написано по этой проблеме относительно немного, вряд ли можно сказать, что он исчерпал предмет» [35, с. 461–462].

Все возражения непрагматистов против обоснованности различения аналитического и синтетического знания можно подразделить на две группы: связанные (1) с логико-семиотическим аспектом знания (с проблемой значения и синонимии) и (2) с методологическим и деятельностным аспектом познания (с проблемой структуры и обоснования знания).

Не анализируя проблему значения и синонимии детально (это является задачей отдельного исследования), в отношении позиции неопрагматистов по данному вопросу можно сделать следующие замечания. Прежде всего нельзя согласиться с мнением неопрагматистов, что понятие значения, на которое явно или неявно опираются многие концепции аналитичности, не обладает объяснительной силой. Так, Льюис и Карнап довольно убедительно продемонстрировали положительную роль значения для конструктивной концепции аналитичности.

Сами неопрагматисты в рассуждениях об аналитичности и синонимии так или иначе опираются на понятие значения. Гудмен в соответствии со своим номинализмом и приверженностью экстенционалистскому тезису принимает экстенциональную концепцию значения. Но ее слабости обнаруживает уже сам Куайн. При такой характеристике значения взаимозаменяемость слов «холостой» и «неженатый» с сохранением истинности выражений может быть следствием случайных факторов, как и в ситуациях с выражениями «существо с сердцем» и «существо с почками». Если все и только существо с сердцем есть существо с почками, т. е. следствие случая (простого факта), что два выражения всегда прилагаются к одним и тем же вещам, но здесь нет необходимого тождества собственно значения. Иначе говоря, Куайн обращает внимание на неправомочность значения с обозначаемым (референтом).

Однако скептически относясь и к интенциональным концепциям значения, и синонимии, Куайн все-таки неявно допускает значения и их тождество, поскольку он принимает логически истинные высказывания. Любое высказывание есть употребление предложения и составляющих его слов, поэтому, например, высказывание «Все войны – войны» является логически истинным, если только слово «войны» имеет то же самое значение в каждом из его появлений. Это, видимо, свидетельствует о том, что в семиотическом плане логические истины, как и другие аналитические истины, базируются на отношениях между значениями. Здесь уместно также вспомнить замечание насчет значения французского лингвиста Эмиля Бенвениста: «чего только не делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасные попытки – оно, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто его созерцает» [4, с. 136].

Конечно, при объяснении аналитичности с помощью понятия значения и синонимии возникают определенные трудности. Так, аналитичность, необходимость, когнитивная синонимия есть ряд родственных интенциональных понятий, которые определяются в известной мере друг через друга, и некоторой кругообразности при этом действительно не избежать. Но это не должно особенно смущать, так как данные понятия разделяют судьбу всех других философских понятий как не поддающихся строго формально-логическим определениям. Следует, очевидно, избегать примитивного круга в определении. И этого можно достичь за счет принятия наиболее подходящей теории значения, которая, по нашему убеждению, должна, в свою очередь, опираться на принцип отражения. Такая теория позволит осуществить семантический спуск с уровня взаимосвязанных определений указанных выше понятий на уровень основных терминов и предпосылок, понимаемых более непосредственно.

Не может быть абсолютной взаимозаменяемости и абсолютной синонимии, ибо это предполагает неразличимость языковых выражений во всех отношениях.

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
Синонимичные выражения всегда отличаются друг от друга, хотя бы лингвистической оформленностью. В то же время отсутствие взаимозаменяемости языковых выражений, традиционно считаемых синонимичными, или действительно тождественных по значению, в некоторых контекстах может быть связано с несемантическими аспектами (например, прагматическими).

Относительно второй группы возражений неопрагматистов о проблеме аналитического и синтетического, высказанных в основном Куайном, можно отметить следующее. В противоположность жесткому, формально-логическому подходу неопозитивистов к познанию вообще и к системе аналитического и синтетического знания частности, в доводах этой группы Куайн подчеркивает генетический и деятельностный характер познания. Против наличия такого характера и учета соответствующего аспекта познания в гносеологии возражать не приходится.

В процессе познания мы имеем единство чувственного и рационального, эмпирического и теоретического, синтетического и аналитического и т. д. Уже Гегель показал, что с точки зрения диалектики в каждом суждении мы имеем единство аналитического и синтетического и что различие между аналитическим и синтетическим познанием и знанием является не абсолютным, а относительным. Поэтому утверждение Куайна об отсутствии резкой границы между аналитическими и синтетическими высказываниями, в принципе, верно. Куайн пересматривает неопозитивистский принцип конвенционализма с позиций «более полного прагматизма» [15]. Генетический и деятельностный подход к познанию и бихевиористский подход к языку используются им для обоснования релятивизма. В соответствии с его позицией теряется всякая определенность различных типов знания (особенно в структуре теории).

Обычно логическая структура определяется через аналитичность. Именно аналитические принципы, такие как принцип противоречия, принцип исключенного третьего и тому подобное, конституируют структуру любой концептуальной системы. Но в своей монографии «Слово и объект» Куайн дает следующее образное определение структуры теории: «Теория как целое... это строение из предложений, разнообразно связанных друг с другом и с несловесными стимулами через механизм обусловленной реакции... Теория обуславливает разделение чувственных данных по предложениям. В арке верхний блок поддерживается непосредственно другими верхними блоками и, в конечном счете, всеми нижними блоками совместно, а не индивидуально; так и с предложениями, когда они теоретически приспособлены. Контакт блока с блоком – это ассоциация предложения с предложением, а нижние блоки – это предложения, обусловленные несловесными стимулами. Возможно, нам следует подумать об арке, шатающейся при землетрясении; так, даже нижний блок поддерживается иногда только другими нижними блоками через эту арку» [15, с. 11].

Здесь же Куайн замечает, что аналогии с тканью и аркой хорошо дополняются аналогией с сетью, которую развивает К. Гемпель в книге «Методы образования понятия в науке» и которую, кстати, воспроизводит Р. Карнап в своих «Философских основаниях физики» [14]. Далее Куайн вслед за О. Нейратом сравнивает науку с лодкой, находящейся в плавании, а ученых – с моряками, которым необходимо ее переделать на плаву.

Если перевести метафору на научный язык, то Куайн, в сущности, принимает прагматическую концепцию знания как совокупного общественного продукта. Человек, делающий вклад в науку, стремится к максимальному его увеличению. Однако мы ограничены в том, как мы можем начать, мы не можем отделить умозрительные (концептуальные) украшения от собственно описания объективного мира, и степень понятийного концептуального суверенитета человека (как область, в пределах которой он может пересматривать теорию, в то же время сохраняя данное) фактически ничем не ограничена.

Несмотря на некоторую неопределенность куайновского понятия пересматриваемости, можно утверждать, что оно толкуется им не как уточнение знания, а в основном как свобода познавательной деятельности. Попытка Куайна спасти определенность структуры с помощью понятия укрепленности предложения в системе, как показывает Я. Смедницкий, сталкивается со значительными трудностями [25]. Данное понятие не учитывает специфики основания укрепленности предложения в системе, а только берет во внимание сферу действия истинностных связей данного предложения с другими предложениями. В связи с этим в познавательной деятельности к решениям о пересматриваемости того или иного предложения подключаются интуитивные

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
оценки, которые опасны в силу своего субъективизма.

Бихевиористский подход к языку и познанию, на который опираются последние работы Куайна, базируется на психологической связи (например, принцип ассоцианизма). Последняя представляет собой субъективно-индивидуальную форму отражения объективной реальности. По сравнению с логической связью, отражающей и выражающей необходимые связи объективной реальности, в психологической достаточно велик элемент случайного.

По нашему мнению, теоретическая обоснованность различения аналитического и синтетического знания связана с определенностью познания, которая, в свою очередь, задается и конституируется социально-практической направленностью познания через деятельность познающего субъекта. Даже при учете деятельности аспекта познания можно утверждать, что оно не только обладает неопределенностью, на которую указали неопрагматисты, но и определенностью. Различение аналитического и синтетического знания в общем виде есть выражение качественной определенности знания по глубине отражения объективной реальности и по форме отражения, фиксированной в языке. Но реализуется это различие в определенной функционирующей («работающей») системе, предназначенной для осуществления определенных познавательных и коммуникативных целей.

Аналитичность есть выражение в языке определенной системы понятий. Аналитические высказывания необходимы для фиксации и выражения отношений между понятиями определенной системы как некоторой целостности и относительно самостоятельного образования. Аналитические высказывания истинны на основе отношений между понятиями в определенной системе. Аналитические высказывания прежде всего несут информацию о системе понятий. В этом плане даже тавтологии, будучи тривиальными, не являются бесполезными.

Куайновское определение аналитичности как редуцируемости к логической истине через замещение синонимов является узким для адекватной разработки проблем, традиционно связанных с различием аналитического и синтетического. Поэтому некоторые авторы, например, Л. Тондл, предлагают более широкое понятие, включающее степени аналитичности [32, с. 381–386].

Р. Карнап в общих чертах показал как можно сделать определенным и четким различие между аналитическими и синтетическими высказываниями в языке науки [12; 14]. Однако, помимо уже указанных ошибок, в обосновании знания он не довел анализ проблемы до конца, не показал, чем детерминирована определенность знания и конституируется аналитичность, в связи с этим не избежал некоторого субъективизма и конвенционализма. Безусловно, выбор разграничения между аналитическими и синтетическими (принятие А-постулатов) в какой-то мере условен, но не произволен. Он ограничен структурой внешнего мира и актуальной практической деятельностью человека. От характера практической задачи, решаемой с помощью данной теории, зависит способ и мера обобщения («огрубления») действительности и «огрубления» отражения ее в теории и языке.

Осуществление аналитико-синтетического различия в естественном языке, по нашему мнению, достигается аналогичными способами, хотя в отличие от искусственных языков связано по преимуществу с коммуникативными целями. Хотя значения слов в естественном языке являются «открытыми», изменяющимися (и в этом смысле неопределенными), но они эксплицируются в речевой деятельности говорящих на данном языке.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Представители неопрагматизма (У. Куайн, Н. Гудмен, М. Уайт) в своей критике догм неопозитивизма и дихотомии аналитическо-синтетического обратили внимание на деятельностный и генетический аспекты познания и проблему неопределенности знания. В этом позитивный момент их подхода к проблеме аналитического и синтетического знания.

2. Однако отрицание неопрагматистами правомерности аналитико-синтетического различия ведется с позиций прагматизма и релятивизма. Для них характерна метафизическая ограниченность во взглядах на познание и узкое толкование познавательной деятельности, вырождающееся (например, у Куайна) в бихевиоризм. Хотя неопрагматизм стимулировал более тщательное исследование проблемы аналитического и синтетического знания, чем это делалось ранее,

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org его собственная позиция по этому вопросу мало конструктивна.

3. Деление знания на аналитическое и синтетическое, хотя и не является абсолютным, теоретически обосновано и методологически полезно. Теоретическая обоснованность указанного деления связана с определенностью познания и знания, которая конструируется практикой. В деятельностном плане различие аналитического и синтетического связано с различием дедуктивного и индуктивного методов познания. В методологическом плане понятие аналитичности позволяет осуществить различные знаковые преобразования на основе значений языковых выражений в определенной системе.

Библиография

1. Абрамян Л. А. Гносеологические проблемы теории знаков. – Ереван: Изд-во АН АССР, 1965. – 255 с.
2. Абрамян Л. А. Учение канта об аналитическом и синтетическом знании // Вопросы философии. – 1975. – № 2. – С. 74–80.
3. Арутюнова Н. Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно // Логический анализ языка. Металые действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1993. – С. 23–37.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: УРСС, 2002. – 446 с.
5. Бирюков Б. В. О некоторых философско-методологических сторонах проблемы значения знаковых выражений // Проблема знака и значения: сб. ст. / под ред. И. С. Нарского. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – С. 55–80.
6. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
7. Богомолов А. С. Античная философия. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 368 с.
8. Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. – М.: Политиздат, 1968. – 263 с.
9. Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1993. – С. 6–18.
10. Гемпель К. Логика объяснения. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 237 с.
11. Дорошенко А. В. Побудительные речевые акты в косвенных контекстах // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1989. – С. 99–120.
12. Карнап Р. Значение и необходимость: исследование по семантике и модальной логике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 382 с.
13. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / общ. ред. и сост. А. Д. Грязнов. – М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998. – С. 69–89.
14. Карнап Р. Философские основания физики: введение в философию науки. – М.: УРСС, 2003. – 385 с.
15. Куайн У. В. О. Слово и объект. – М.: Праксис: логос, 2000. – 385 с.
16. Моррис Ч. У. Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия // Семиотика: сб. ст. / общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 118–132.
17. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: сб. ст. / общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
18. Нарский И. С. Проблема значения «значения» в теории познания // Проблема знака и значения: сб. ст. / под ред. И. С. Нарского. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – С. 5–54.

- Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
19. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1982. – 357 с.
  20. Петров В. В. Структуры значения (логич. анализ). – Новосибирск: Наука, 1979. – 144 с.
  21. Пирс Ч. С. Из работы «Элементы логики. *Grammatica speculative*» // Семиотика: сборник статей / общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 151–210.
  22. Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Радуга, 1982. – Вып. XIII. – С. 120–220.
  23. Рассел Б. Философия логического атомизма. – Томск: Водолей, 1999. – 191 с.
  24. Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. – 304 с.
  25. Салмина Л. М. Коммуникация. Язык. Мышление. – Казань, 2001. – 69 с.
  10. Самсонов В. Ф. Значение и перевод. Спецкурс. – Челябинск, 1978. – 55 с.
  11. Самсонов В. Ф. Проблема единства языка и мышления в современной философии: лекция. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 1997. – 18 с.
  12. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М.: Наука, 1983. – 319 с.
  13. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
  14. Соколов В. В. Средневековая философия: учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1979. – 448 с.
  15. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 306 с.
  16. Тондл Л. Проблемы семантики. – М.: Прогресс, 1975. – 484 с.
  17. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // философия. Логика. Язык / сост. и предисл. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 18–49.
  18. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – М., 1977. – Вып. 8. – С. 50–63.
  19. Хилл Т. И. Современные теории познания. – М.: Прогресс, 1965. – 534 с.
  20. Шафф А. Введение в семантику. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – 376 с.
  21. Швырев В. С. Кантово учение о синтетическом априори и современная методология науки // Вопросы философии. – 1974. – № 4. – С. 134–145.
  22. Штофф В. А. К вопросу о гносеологической природе знака и знаковой деятельности // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1976. – С. 77–89.

III. Наука как способ познания мира

§ 1. коммуникация, объяснение и понимание в науке

Наука по своей природе является коммуникативной деятельностью. Социально-культурная сущность науки состоит в добывании информации, трансформации ее в высшую форму – знание, в организации в общественно значимых формах и передаче, переработке и адаптации для решения практических и духовных задач, стоящих перед человеком. Наука как форма коммуникативных отношений решает социально и культурно значимую задачу – максимально и эффективно обеспечивает необходимой информацией различные области человеческой деятельности, без чего не происходило бы нормальное функционирование жизни общества как целостного явления.

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
Системы коммуникации, складывающиеся в науке, детерминированы как социальными, экономическими, политическими, культурными, являющимися внешними по отношению к науке факторами, так и внутренними, собственно научными, различающимися степенью интенсивности своего воздействия на научную деятельность, фиксирующимися в актах объяснения и понимания (или непонимания). Объяснение и понимание как особые процедуры научного познания являются следствием коммуникативности науки.

Одним из признаков гуманитарных наук является то, что они познают не только бытие человека, взятое самое по себе, но бытие в его осознанности. Непреходящее значение в этом имеет понимание как метод рефлексии и переработки представлений и высказываний человека: «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя, т. е. создает текст (хотя бы потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки» [3, с. 123]. В познании человека и человеческого мира понимание предстает гносеологической процедурой синтеза знания, обеспечивающего проникновение в общий смысл человеческого существования. Постигание смысла исследуемой реальности в ее целостности есть результирующий факт целой цепочки отдельных актов, связанных с объяснением частных сторон и аспектов этой реальности.

Наука представляет собой систему общающихся субъектов. В этой системе универсальной коммуникативной структурой выступает язык, который функционирует в силу того, что познавательная деятельность постоянно создает конкретные ситуации, требующие его использования. Исследовательские действия субъекта познания можно интерпретировать как игру, в основе которой лежит язык. Каждая игра требует своего языка и своих правил. Правила языковой игры образуют систему рациональности для данного субъекта. Система правил определяет типовые схемы исследовательских актов, обладающих рациональным характером и целевой определенностью, а также типовую организацию познающего мышления. Можно предположить, что научное сообщество функционирует на основе системы языковых игр. Модель языковой игры – это мир рассуждений, высказываний, языка конкретного исследовательского коллектива, научного сообщества (аналогом может послужить «парадигма» Т. Куна, «исследовательская программа» И. Лакатоса и т. д.). Исследовательский коллектив в частности или научное сообщество в целом утверждает свою профессиональную и коммуникативную однородность за счет организации общих форм культуры мышления и языка, задающих способы интерпретации и способствующих достижению понимания.

Коммуникативная ориентация науки предполагает создание соответствующих условий и предпосылок, которые не всегда существовали в истории развития интеллектуальной деятельности ученых.

Такие условия начали формироваться в науке более позднего периода. Коммуникативная природа науки предполагает установку на диалог со всеми теориями, концепциями, школами и направлениями, включая и иные ценностно-смысловые системы (культуру религиозного сознания, мировоззренческие установки оккультных наук, сакральность мистицизма), и в то же время осознание несовершенства своего содержания, что стимулирует поиск более совершенных способов объяснения и понимания.

Дильтей развил мысль об отграничении понимания, характерного для гуманитарных дисциплин (наука о духе), от объяснения, характерного для естественных наук. Из различения познавательных целей гуманитарных и естественных наук следовало, что они должны пользоваться различными методологическими приемами. По Дильтею, содержание естественных наук дано исследователю во «внешнем» опыте реальности, в то время как содержание гуманитарных наук – во «внутреннем» опыте переживания. Данный опыт есть не только опыт реальности, но и сама реальность. Понимание здесь характеризуется как способность субъекта «вживаться» в изучаемую реальность, сделать себя ее частью.

Однако следует отметить, что функциональную область понимания нельзя ограничивать областью общественных наук. Если под последними понимать самопознание, то к самопознанию стремится и естествознание, поскольку оно ставит вопрос о своем онтологическом, гносеологическом и методологическом основании. Оно стремится не только объяснить природу исследуемых явлений, создавая логически взаимосвязанную цепочку суждений, позволяющих подводить отдельные объективно существующие явления под определенный закон, но и понимать существующее многообразие связей между субъектом и объектом. И,

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
наоборот, в социально-гуманитарных науках метод понимания связан с объяснением.

В традиции современной западной методологии науки понимание часто отождествляется с процедурой объяснения. Такой точки зрения придерживается Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, В. Селларс, М. Хессе и др. Сведение понимания к объяснению существенно ограничивает понимание, не позволяя схватить уникальность и неповторимость того или иного явления. Современная наука предусматривает взаимоположение объяснения и понимания, однако из их коррелятивных отношений вовсе не следует, что они тождественны.

Объяснение обладает своим когнитивно-методологическим положением, также и понимание обладает самостоятельным онтологическим и гносеологическим статусом, поскольку человеческому роду имманентно присуща способность понимать, и, соответственно, понимая, постигать смыслы. Поэтому между ними имеется существенное различие. Процедура объяснения предполагает движение мысли от объясняемого явления через логические операции, раскрывающие внутренние взаимосвязи, к общим теоретическим законам, определяющим его сущность [11, гл. 1]. В отличие от объяснения, понимание не предполагает формулирование строгих теоретических законов. К пониманию как к методу познания прибегают тогда, когда к познающему явлению невозможно применить строгие логические схемы. В строгом подходе функция объяснения направлена на объект познания, а функция понимания – на субъект. Средства объяснения носят логико-теоретический характер, в то время как средства понимания – индивидуально-личностный характер. Из сказанного видно, что функциональным пространством объяснения преимущественно выступает естествознание, а понимания – социально-гуманитарные науки.

Из строгого разграничения объяснения и понимания вычленяется и другая сторона рассматриваемой темы, которую можно свести к следующей проблеме: если мы характеризуем объяснение и понимание как методы познания, используемые в естественно-научном и социогуманитарном познании, то в социогуманитарных науках понимание должно иметь такую же гносеологическую силу, каким обладает объяснение в естественных науках. Иными словами, если мы говорим о понимании как о методе и способе постижения смысла, то оно должно быть правильным, а правильным является такое понимание, которое соотносено с объяснением. Если же объяснение есть нечто принципиально отличное от понимания и поэтому не может быть использовано в социогуманитарном познании, то смыслообразование и его приписывание общественно-культурным явлениям есть личное дело каждого; в таком случае остается открытым вопрос, может ли быть сообщен смысл, вкладываемый в понятие одним субъектом, другому субъекту коммуникационного процесса.

В обсуждаемом вопросе следует иметь в виду то, что понимание не всегда сопровождается рациональным объяснением, так как не претендует быть рациональным процессом, например в этике, эстетике, искусстве, культурной жизни человека, хотя бы потому, что процесс понимания может носить невербальный характер. Однако, когда речь идет о науке, в частности о гуманитарном познании, понимание предстает как результат вербальной коммуникации. В познании общественных явлений вербальные сообщения проходят через сознание, ибо требуют оценки соответствия сообщения тому, о чем в нем говорится, и поэтому находятся под рациональным контролем. А это говорит о том, что понимание как феномен познавательного процесса соотносено и связывается с рациональным объяснением понятого.

Объяснение строится на основе отдельных законов и принципов, в то время как понимание имеет свою цель постижение сущности явлений во всей ее целостности [15, с. 42–43]. Понимание предстает как характеристика целостности знания, состоящей из различных объяснений. В то же время разграничение этих понятий предполагает их единство, ибо «понимание не просто связано с объяснением, но предопределяет его. Всякое объяснение строится на основе того или иного понимания» [6, с. 20]. Понимание значительно глубже объяснения. Нельзя объяснить причины социальных явлений и процессов, не проникая пониманием в социально-культурный контекст эпохи.

Разграничивая объяснение и понимание, можно провести различие между социальными и гуманитарными науками. Социальные науки тяготеют к теоретизации объекта познания, объяснению связей и отношений между структурными элементами исследуемого объекта, формулированию законов, в которых находит выражение объективная истина (так дело обстоит в социологии, экономике, социальной психологии). Гуманитарные науки (история,

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org (культурология, филология) ориентированы на понимание на основе интерпретации различных отношений и событий. «Задача гуманитарного знания, – пишет Н. С. Автономова, – заключается не в фиксации некоей объективно существующей вещи или явления, а в интерпретации мира культуры, породившего такого субъекта» [2, с. 54].

Изучая общественные и историко-культурологические явления, гуманитарные науки придерживаются субъект-субъектной структуры. Социальные науки в основе своей деятельности имеют преимущественно субъект-объектную структуру. Они больше тяготеют к логическому мышлению. Объяснение неразрывно связано с логическим мышлением, и даже является его свойством. Понимание же представляет собой некий симбиоз мышления, интуиции и чувств. Оно способно проникнуть в те феномены историко-культурной реальности, которые изучаются гуманитарными науками и не могут быть исследованы строгими логическими способами. Это дает основание для различия понимания и мышления: «Мышление и понимание, – пишет А. Ф. Лосев, – принципиально различные формы сознания... Мышление есть как бы некий механизм, превращающий неоформленное сырье в данные технически оформленные вещи. Понимание же заново переосмысливает и переделывает эти вещи, придавая им новый стиль и новое единство, какого там, в первоначальном их появлении, совсем не было... Понимание даже не есть процесс чисто интеллектуальный, каковым, несомненно, является мышление» [8, с. 49]. Мышление может проявить себя как в эмпирической реальности, так и в сфере абстрактно-теоретических идей и понятий. Понимание же, оставаясь в сфере реальности, отличает эту реальность от иллюзии, придает осмысленность ей и наделяет смыслом. Оно связано с оценочным познанием, акты оценивания предстают как эвристические, ведущие к приращению знания.

Однако это разграничение условное, так как объяснение и понимание находятся между собой в коррелятивных отношениях и взаимодополняют друг друга. Благодаря работам Дильтея, Вебера, Шютца и другим процедура понимания была универсализована и транслирована из гуманитарных наук в социальное познание. Поэтому в социальных науках объяснение социально-политических и экономических процессов строится на основе понимания их.

§ 2. Понимание и доказательство: когнитивно-методологические связи

Природа и общество, вещь и человек являются объектами познания, кардинально различающимися между собой. До середины XIX в. считалось, что между этими объектами не существует особой разницы, так как их сущность подчиняется общим законам Вселенной. Соответственно утверждалось, что они одинаково могут быть изучены единой наукой – естествознанием с использованием методологического арсенала физики, биологии и других наук. Но уже с 30-х годов XIX в. происходит понимание того, что общество обладает своими специфическими законами развития, отличающимися от законов развития материальных вещей, а сущность человека не может быть сведена к сущности неорганических предметов; происходит осознание необходимости других подходов к познанию общества и человека, поиска и использования нового исследовательского инструментария.

Проблема понимания сущности общества и человека еще больше актуализируется после Первой мировой войны, гражданской войны в 20-е годы XX в. и в период Великой Отечественной войны в 40-е годы, когда человек стал уничтожать человека, культуру и социальное окружение. Результатом теоретической рефлексии состояния европейской культуры этого периода стала работа Э. Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», опубликованная в 1936 г., в которой он признает кризис европейской цивилизации и науки, их неспособность ответить на животрепещущий вопрос: имеет ли смысл человеческое бытие или оно бессмысленно? Основную ответственность за это Гуссерль возлагает на науку: преимущественно занимаясь изучением окружающего материального мира, она упустила из виду общество и человека, вследствие чего люди потеряли веру в разум, в смысл истории, в способности науки ответить на вопрос о смысле мира для человека, в возможности социальных преобразований на разумных началах.

Как видим, во всех этих проблемах речь идет о понимании. Вопрос о понимании возникает в связи с вовлечением в научное исследование таких объектов, как общество, культура, язык, наука, которым не уделялось должного внимания раньше, хотя проблему понимания как постижения смысла обсуждали еще во второй половине XIX в. (Дильтей, Шпангер). Однако уже к середине XX столетия эта проблема не только становится одной из значимых в

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org социально-гуманитарном познании, но и входит в проблематику методологии науки в связи с осознанием встроенности науки в социально-культурные связи общества. В качестве факторов, инициировавших исследование проблемы понимания стали, с одной стороны, факт «несоизмеримости» теоретических понятий, обнаруженный в естествознании (Мах, Кун, Фейерабенд), а также в гуманитарных науках. Анализируя природу теоретических конструкций физической науки, Э. Мах приходит к выводу о том, что подлинный смысл основополагающих абстракций науки подвержен изменению. Следовательно, фундаментальные теории физики, появившиеся в разные исторические периоды развития физической науки, являются между собой несоизмеримыми. Так, И. Ньютон, создавая классическую механику, оперировал понятием «масса», понимая под этим термином количество элементарных частиц в объеме материи. В 60-70-е годы XIX в. Мах приходит к выводу, что представление Ньютона о массе как мере количества материи не соответствует реальному содержанию классической механики. Позже вывод Маха был подтвержден экспериментальными данными по массе электрона и представлениями релятивистской физики об эквивалентности и энергии. Из сказанного следует, что физики периода Ньютона и периода Маха были носителями разных языков физической науки, что дает основание говорить о смысловой несоизмеримости теорий, возникших на разных уровнях развития науки. С подобного рода проблемой ученые столкнулись не только в физике, но и в других областях естественно-научного и гуманитарного знания.

В лингвистике и этнологии идея несоизмеримости получила признание после того, как лингвисты Э. Сепир и Б. Л. Уорф, и этнологи Ф. Боас и Б. Малиновский пришли к выводу, что культуры и языки так называемых «отсталых» народов, ведущих первобытный образ жизни, нельзя рассматривать как остановившиеся на низшем уровне своего развития, но следует понимать как несоизмеримые с культурными языками современных цивилизованных обществ.

Поэтому контакты между культурами, находящимися на разных стадиях своего существования, значительно затруднены, как, скажем, общение между чужими друг другу людьми. Хотя общение между людьми, и контакты культур, и перевод с одного языка на другой возможны, но это не даст достижения полного взаимопонимания.

В первой половине XX в. эта проблема была осознана в методологии науки. Методологи исходили из того, что самой проблемой понимания занимаются такие дисциплины, как лингвистика и психология мышления. Для них значимым было изучение природы понимания самого по себе.

Методологами науки было принято решение исследовать феномен понимания в дихотомической связи с доказательством. В более широком плане эта связь подразумевала выявление взаимозависимости понимания и интеллектуальной деятельности.

В анализе указанной проблемы ученые отталкивались от идеи отсутствия непосредственной связи между коммуникативным процессом (соответственно пониманием) и интеллектуальной деятельностью в эволюционном возникновении их. Об этом говорит жизнь в условиях дикой природы. Между животными отсутствует коммуникация на уровне языка. В животном мире интеллект формировался независимо от языка и коммуникации. Потребность в языке возникает с возникновением острой необходимости в подготовке человека к самостоятельной жизни в условиях совместной жизнедеятельности людей. Подготовка потребовала обучения и воспитания индивида. Реализация этих задач вызвала к жизни знаково-символическую систему, которая легла в основу и коммуникации, и мыслительной деятельности в ходе перехода конкретного человека к культурным способам деятельности и развития общества в целом.

Попытка анализа соотношения дихотомической оппозиции «понимание – доказательство» была предпринята в логицистском направлении, в котором утвердилось, что понимание будет правильным, если оно будет подкреплено доказательством. Так понятое понимание позволяло достичь непротиворечивости в основаниях математики и прийти к правильному пониманию ее базовых идей.

Осуществление логицистской программы решения искомой проблемы показал неправомочность подхода к пониманию математики в терминах логики, и соответственно невозможность создания идеальной теории доказательства.

Необоснованность позитивистского подхода была замечена Э. Гуссерлем, который пытался разработать теорию смысла, служащую предпосылочной основой

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org логического мышления. Отталкиваясь от логики Фреге, в рамках которой высказывания логики признаются осмысленными и имеющими правильный смысл (т. е. понимание), Гуссерль приходит к выводу, что правильное понимание не связано с логикой и доказательством, ибо понимание предшествует доказательству; последнее, как правило, строится исходя из предварительно понятого смысла. Однако эволюция феноменологии Гуссерля показала несостоятельность усилий ее создателя.

Наряду с другими формами освоения мира понимание является самостоятельной формой постижения смысла действительности. Включая различные аспекты практического и теоретического, объективного и субъективного, оно способно выполнить функцию познавательной системы.

Человек, находясь в постоянном взаимодействии с предметным миром, вовлекает их в смысловое поле своей деятельности, вследствие этого предметы, вовлекаемые в человеческую деятельность, оказываются преднагруженными смыслами в контексте этой деятельности. Очеловечивание этих смыслов есть процесс конституирования (возникновения) акта понимания как интересубъективной характеристики процесса освоения человеком мира.

Человеческая деятельность (познавательная или практическая) детерминирует смысловой потенциал вещей, и тем самым создает условие для образования понимания. Поэтому оно всегда сопряжено с деятельностью. Понимание сопровождает деятельность, и вместе они выступают соучастниками конструирования смысла.

Процесс понимания носит многоаспектный характер, включающий ситуации в виде цепочки событий, действий, мотивов, ответов на вопросы, адресованные постигаемому объекту в ходе духовно-практического освоения мира.

Понимание в своем функциональном значении может быть связано с доказательством, но может и не быть. В рамках обыденно-практической жизни понимание может функционировать вне всякой связи с доказательством. Оно может вести себя иной раз как духовно-культурный феномен, не обремененный какими-либо рациональными требованиями. Именно в таком качестве оно предстает в области искусства, музыки, а также в коммуникативных ситуациях близких людей.

Связь между пониманием и доказательством возникает тогда, когда они оказываются взаимосоотнесенными в познавательной деятельности. В сфере научного познания понимание оказывается результатом понятийно-языковой коммуникации, которая нуждается в логическом осмыслении и рациональном контроле. В познании высказывания связаны с оценками соответствия сообщаемой информации тому, о чем в ней идет речь, т. е. что существует на самом деле. Более того, высказывания предполагают оценки по шкале «истинно – ложно». Поэтому понимание как необходимый компонент познавательного процесса необходимо соотнесено с доказательством истинности или ложности понятого. Эта связь еще больше осознается на уровне теоретического освоения мира, в ходе которого понимание коррелирует с теоретическим, логическим и практическим обоснованием понятого. Таким образом, понимание и доказательство как феномены познавательной деятельности оказываются тесно соотнесенным в рациональном осмыслении сущности мира.

§ 3. Проблема определения научной рациональности

При выявлении смыслового значения понятия рациональности обнаруживается, что представления о рациональности не исчерпываются только указанием на разум и его свойства. Становление рациональности как способа деятельности, или как рефлексии философского мышления над исторически сложившимися формами деятельности, способами мыслительных операций носит достаточно сложный характер. Оно требует анализа движения мысли в направлении рационализации самой этой области. Это позволяет продемонстрировать движение разворачивающейся мысли в поиске собственной сферы действия, обнаруживая вместе с тем неоднозначность и противоречивость этого процесса.

Проблема рациональности актуализировалась еще в античный период. Древние греки ввели в философскую мысль понятие «Логос» для обозначения закона и разума. Этот термин указывал на всеобщий закон, который составляет основу окружающего Универсума и основанный на нем порядок этого Универсума. Понятие разум обозначается термином «рацио» и вводится как дополняющий мировой закон и связан с ним по необходимости. Закон теряет всякий смысл,

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org если его не обнаруживают, точно так же, как мир имеет смысл и ценность в связи с существованием человека. Всеобщий закон мира умопостигаем, его нельзя постичь посредством чувственного опыта, его можно открыть только разумом и объяснить разумно его основные положения.

Как показывает Ф. Х. Кессиди [7], начиная с элеатов, мышление облекается в рациональную оболочку. В рамках античной классической философии идея рациональности завершает свое становление. В методологическом сознании Сократа, Платона, Аристотеля рациональность рассматривается как способ теоретического осмысления мира и постижения истины. Рациональность связывается с методом познания, без которого тщетны все попытки умственных действий.

С формированием метода познания рациональное мышление противопоставляется иным формам умозерцания. Разработка метода с учетом предмета познания (майевтика Сократа, гипотетико-дедуктивный метод Платона, индукция и дедукция Аристотеля) и осознанное его применение связано со становлением рационального методологического сознания. Для Платона, например, диалектика является теорией научного метода, т. е. методологией. Возникновение рациональной методологии имело определенное значение как для развития мышления, так и для самой становящейся рациональности. С методом и методологией связывали дальнейшее развитие абстрактно-теоретического мышления и знаний о мире. Так, у Аристотеля можно обнаружить, как теоретическое мышление порывает с мифорелигиозными и мистическими формами умозерцания, переходя на абстрактно-логический уровень формирования представлений о мире. Хотя и у него присутствуют элементы теологицизма, но суждения об объектах построены на логических основах доказательства и вывода. Это положение указывает на усиливающийся процесс рационализации интеллектуального мышления, продукты которого обретают статус теоретического знания. Связанность, логическая последовательность и выводимость одних положений из других в соответствии с правилами логики в пределах одной теоретической системы предстают как проявление рациональности логического мышления. Логическую рациональность, таким образом, можно представить в качестве одной из сторон рациональности.

Философские системы, порожденные развитием древнегреческой культуры, связаны с сознанием, совершившим скачок, знаменующий собой переход к мировосприятию, основанному на абстрактно-логических образах и символах, теоретическому конструированию модели окружающего универсума. В связи с этим актуализируется методологическая сторона мыслительной деятельности. Значимыми становятся не просто сами по себе теоретические построения, но системы, обладающие свойствами объективности, достоверности, обоснованности, истинности. На уровне философского сознания происходит осознание того, что мир чувственно данных, единичных и многообразных вещей и явлений не способен дать знание, обладающее указанными свойствами. Переход познавательной деятельности от единичных чувственно воспринимаемых образов к всеобщим логическим понятиям рассматривается как условие формирования объективной истины, достоверного знания, схватывающего сущность материальной реальности. Тем самым логичность, объективность, достоверность, обоснованность, истинность мыслятся как неотъемлемые свойства рациональности и методологические ориентиры познающего мышления.

Рассуждения о предметной области теории, основанные на абстрактно-логических нормах, обуславливают разработку соответствующего понятийно-категориального каркаса, образующего язык рационально-теоретического мышления. Знания о предметной области тем самым вовлекаются в систему языка, порождая лингвистическую рациональность как один из общих аспектов рациональности. Как верно указывает С. Ф. Мартынович, «знание становится рационально реконструированным, если оно выражено в определенной системе языка, формирующей контексты интерпретации всех элементов опыта, которые в нее вовлечены. Вовлеченность знания в систему языка, в контексте языковой деятельности, можно рассматривать в качестве одного из общих аспектов рациональности познания. Это лингвистическая рациональность, рациональность семиотических отношений» [9, с. 25].

Языковая оформленность представлений – знаний о предметах и явлениях чувственного данного мира – дает возможность схватить из множеств единичных, индивидуальных и изменчивых признаков этих предметов нечто общее, инвариантное в них и выразить это нечто посредством теоретических понятий в виде сущностной основы предметного мира. Теоретические

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org представления о сущности позволяют конструировать онтологическую модель бытия предметной области. Теоретическая модель онтологической сущности объекта познания можно рассматривать как проявление еще одного общего аспекта рациональности – онтологической рациональности.

Выявляя смысловое значение рациональности в различных философских концепциях греческих мыслителей, можно обнаружить то общее, характеризующее рациональность в целом. В духовном освоении мира рациональность предстает как первая попытка рефлексии над объектом разума. Анализируется этот объект под онтологическим углом зрения. Дальнейшее углубление рефлексии в объект приводит к превращению самого разума в предмет собственной рефлексии. Данный процесс связан с формированием методологического сознания (оно проявляется более выражено у Сократа, Платона и Аристотеля). Эти два момента в дальнейшей эволюции философской мысли выводят рациональность на уровень философско-теоретического мышления с явно выраженным логико-гносеологическим и нормативным подходом, который наиболее ярко проявляется в философских исканиях Аристотеля. Осмысление специфики объекта, способов его освоения и формирования знания сопряжено с разработкой метода познания и понятийного аппарата, с выявлением их роли в исследовании. Это яркий пример того, как греки внесли определенный вклад в становление философско-теоретического рефлексивного мышления.

Вышеизложенное дает нам основание сформулировать рабочее определение рациональности. Рациональность есть обусловленная идеально-схематизирующими способностями разума и ценностно-структурными особенностями культуры исторической эпохи ориентация людей на определенный способ осуществления целесообразующей интеллектуальной (следовательно, и практической) деятельности, предполагающий достижение намеченной цели.

В эпоху Средневековья происходит переоценка ценностей разума в соответствии с господствовавшими в то время христианско-мировоззренческими установками.

Философски рефлексивное мышление, получившее мощный толчок к развитию в период расцвета греческой духовности, было отвергнуто на ранних этапах становления христианства как не имеющее ценностного значения в духовном постижении божественного: было выражено сомнение в эмпирических и абстрактно-логических способностях человеческого интеллекта проникать в смысл мироустройства, переноса акцент на психоэмоциональную и волевою плоскость отношения человека к миру и его познанию. Интеллектуальный процесс в рамках христианства был направлен прежде всего на синтез идей теологического учения с идеями греческой философской мысли, созвучных с богословско-мировоззренческими представлениями. Этот процесс начинается с очеловечивания греческого Логоса: «Вначале было Слово (Логос)... и Слово было Бог... Слово стало плотью и обитало в нем» [4, гл. 1].

В более поздний период развития теологической мысли происходит постепенный процесс восстановления разума в своих правах и возрождения проблемы рационального. Интеллектуальными усилиями Эриугена, Альберта Великого, Фомы Аквинского, Давида Динанского и других закладываются основания для переосмысления роли разума в постижении сущности Всевышнего и смысла теологических догматов. Во многом их позитивные идеи способствовали тому, что логика становилась (до того отвергнутая как вредная) неотъемлемым инструментом анализа священных текстов, что стимулировало проникновение в схоластику новых понятий и методов, получивших апробацию у восточных перипатетиков и их западных последователей аверроистов. В результате этого схоластическое средневековое мышление поднималось с уровня теолого-космогонических интерпретаций христианского откровения до критического анализа богословских догматов.

Новая волна освоения сферы разумного возникает в Новое время в связи с тем, что «ум человека стал освобождаться от подавлявшего его мертвого груза религиозных предрассудков, от воспитываемой со школьной скамьи привычки полагаться не на собственные наблюдения, а на признанные в схоластической “науке” авторитеты» [1, с. 597–598], а конкретные естественнонаучные дисциплины, получив «независимость» от философии, стали на самостоятельный путь развития, а также небывалой активизации социально-политической, экономической и духовной жизни европейских стран. Если усилия философов древней Греции были направлены на выявление рациональных основ космоса в его философско-теоретическом аспекте, то в Новое время наблюдается явный крен в сторону анализа проявления рациональности в сфере науки. Успехи наук в освоении окружающего Универсума обусловили возникновение особого

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org рефлексивного сознания – философско-методологической рефлексии. С возникновением научных дисциплин происходит отход от религиозно-схоластических догм, а это приводит к анализу оснований науки: средств и методов научно-познавательной деятельности, источников научного знания, основных стратегий развития научных программ и др.

Возникновение научной рациональности было связано со становлением в познавательной деятельности особого способа миропознания, основанного на строгих принципах разума, мировоззренческих представлениях, логических нормах и правилах, предназначенных для объективного, непредвзятого, внесубъектного изучения окружающего универсума. Основы подобной традиции миропознания стали формироваться в эпоху Коперника и Галилея. Научные взгляды последнего прочно основывались на базисной философско-мировоззренческой идее того времени. Данная идея несла мысль о том, что существует полное соответствие между мышлением и действительностью, детерминирующее, в свою очередь, соответствие между естествознанием и природой. Эта связь наиболее четко прослеживается в мировоззренческих ориентациях мыслителей того периода к познанию природы, основанных на применении строгих научных методов с использованием математического знания.

Математический метод получает наибольшее признание в гносеологии. Ценность математики в познании природы усматривали в двух главных значениях: в строгой достоверности ее положений и возможности выражения законов природы точным математическим языком. Именно в математическом методе видели мощное средство избавления науки и познания от отжившего и догматического, мешающего утверждению новых мировоззренческих представлений и научных взглядов на природу.

Поэтому научная рациональность в конце XVI – начале XVIII в. отражает прежде всего процессы интеллектуального взаимодействия между естествознанием и природой. При этом методологическое сознание фиксирует логическое в качестве универсального в познании и узаконивает логико-концептуальное отношение к природе как единственно адекватное в постижении объективной истины и миропонимании. И сам мир также предстает как имеющий логическую структуру, адекватно отражающуюся в логическом мышлении субъекта познания. Это приводит к тому, что в рационально-рефлексивном мышлении объективная логика мира и субъективная логика мышления оказываются содержательно соотносительными и на этом основании происходит их отождествление.

С 20-х годов XX столетия начинается новый этап в осмыслении понятия научной рациональности в связи с деятельностью второй волны неопозитивизма. Заслуга последнего состоит в том, что он явно озвучил проблему научной рациональности, выведя ее из состояния имплицитности. Исходная философско-идеологическая установка неопозитивизма – ревизия метафизики – привела к возникновению оппозиции «логический позитивизм – метафизика». Идеиная борьба первого против второго – это борьба за лидерство в науке, попытка самому выступить в качестве философии научного знания и науки в целом, т. е. в качестве подлинной научной рациональности. Это противостояние привело логический позитивизм к поиску «универсальных логических стандартов рациональности» [14, с. 135], в результате которого появилась логико-методологическая аналитическая программа, предназначенная для изучения оснований научного знания.

Попытки вывести философию за рамки системы знания на том основании, что философия не может претендовать на роль научной дисциплины, привели неопозитивистов к абсолютизации логико-лингвистического аспекта рациональности. Отказывая философии в ее возможностях формирования объективно-истинностных знаний, логический позитивизм преследовал двоякую цель: с одной стороны, лишить философию ее собственного статуса, а с другой – подвести философские проблемы под логическую основу, с последующей демонстрацией зависимости научного знания от принятого языка.

При этом рациональность связывается с проблемой выразимости эмпирических данных с помощью логических терминов. Исходя из ложно понятой цели науки, неопозитивизм видел рациональное решение проблемы развития научного знания в создании базы эмпирических данных, в виде наглядно подтвержденных положений, выразимых точным языком логики, состоящего чисто из логико-описательных терминов.

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
Суть этих исходных рационально-методологических установок емко выразил один из основоположников неопозитивизма Л. Витгенштейн: «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно» [5, с. 29]. Ясность высказываемых научных положений, по Витгенштейну, достигается благодаря ясности и точности логических понятий. Нетрудно видеть, что лингвистическое реконструирование научного знания делает их зависимыми от языка. Язык в позитивистской концепции науки выступает в качестве центрального звена, определяющего смысл эмпирических данных, а роль философии в этом процессе сводится к критике этого языка [5, с. 44], т. е. к выявлению его качественных характеристик как носителя научной информации. Более того, игнорирование теоретических положений в формировании научных истин привело, в понимании рациональности, к логической правильности как реконструирующему процессу знаково-символической системы, контролируемому с помощью правил математической логики.

Первым, кто понял ограниченность неопозитивистского подхода к решению внутринаучных проблем развития знания, был К. Поппер, который общался близко с представителями Венского кружка. Он пишет, что наиболее эффективным методом науки и философии, приводящим к истине и росту знаний, является метод, предлагающий ясную и четкую формулировку обсуждаемой проблемы и критическое исследование различных ее решений [13, с. 35–36], т. е. метод рациональной дискуссии или принцип рациональности, который позволяет нам, учась на своих ошибках, преодолевать их и переходить от одной проблемы к другой [13, с. 334]. Каким же образом происходит этот переход, приводящий к росту знания?

Путем опровержения (фальсификации) теории, т. е. из гипотетико-дедуктивной системы знаний выводятся единичные предположения (гипотезы), которые проверяемые посредством протокольных предложений (эмпирических фактов), соответствие которых служит основанием для признания данной теории подтвержденной.

Тем самым критерий фальсифицируемости теорий, по Попперу, играет роль критерия научной рациональности. Однако, согласно Попперу, полное подтверждение теории невозможно, но есть возможность опровергнуть ее посредством соотнесения вытекающих из нее следствий с опытными данными. В случае их расхождения теория считается опровергнутой, т. е. опровержение следствий рассматривается как опровержение теории по правилу дедуктивного умозаключения. Таким образом, механизм опровержения предстает здесь как проблема рациональности.

Однако, стремясь решить все научные проблемы одними только логическими средствами и мыслительными операциями, Поппер не усматривает связи научной рациональности с практикой, социокультурным контекстом познания, следовательно, и истина замыкается только на теоретических положениях.

Безотносительно к тому, насколько плодотворен попперовский подход к анализу рациональности, его теория рационального роста научного знания, показавшая несостоятельность логического позитивизма решить проблему оснований научного знания и методологии науки, послужила мощным генератором, вызвавшим к жизни новые оригинальные философско-методологические концепции, смело бравшиеся за объяснение логики развития познания и знания, специфического характера научной рациональности. Каждая новая концепция символизировала, во-первых, неудовлетворенность прежних подходов к объяснению контекста открытия и формирования знания, во-вторых, веру в возможность решения нерешенных проблем.

В этом плане существенный вклад в развитие идей по философии и методологии науки внесли представители постпозитивизма (И. Лакатос, Т. Кун, П. Фейерабенд, Дж. Холтон, Ст. Тулмин и др.).

Анализ логико-методологических, социокультурных вопросов развития научного знания, осуществленный в западной философской мысли и нашедший свое отражение в концепциях по философии и истории науки представителей третьей волны позитивизма, сыграл роль основания в дальнейших исследованиях проблемы рациональности с целью углубления в природу рациональности и выявления сущностных ее характеристик и аспектов, связанных с ней.

Определенная работа по исследованию сущности научной рациональности была проделана и в рамках отечественной философии науки (П. В. Копнин, Б. С. Грязнов, А. С. Богомоллов, В. С. Степин, В. С. Швырев, М. К. Мамардашвили,

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин и др.).

В литературе пока еще не решена проблема критериев научной рациональности. В то же время можно абстрагировать два момента, которые наиболее емко отражают сущность обсуждаемых вопросов по данной проблеме. Общим моментом для преобладающих точек зрения является признание того, что проблему критериев научной рациональности следует решать диалектически: во-первых, исследователи единодушны в том, что в познании не могут быть сформулированы универсальные критерии научности, что принцип историзма науки обуславливает историчность и релятивность системы критериев; во-вторых, подвергается критике позитивистский подход к созданию рафинированного стандарта как имманентно присущего для всех наук в их генезисе, отражающего критериальные требования к знаниям на любом этапе развития познания, в целом фиксирующего эмпирицистский идеал научности.

Другой аспект связан с осознанием необходимости философской рефлексии над критериями научности знания сквозь призму их содержания. Обосновывается мысль о необходимости вычленения критериев научной рациональности из эндогенных механизмов познания и знания. Однако, очевидно, что при этом критерии рациональности не могут быть навязаны ей извне как сумма неких формальных ее свойств. Критерии научной рациональности являются порождениями самой познавательной практики. По этой причине они характеризуют исследовательскую деятельность ученых с содержательной стороны, образуют необходимое когнитивно-методологическое предпосылочное основание, опираясь на которое осуществляется производство объективно-истинного знания. Взаимообусловленность научности и истинности можно рассматривать как необходимое условие формирования критериев научной рациональности. Такие критериальные признаки, как логичность, системность, теоретичность, доказательность, эмпирическая подтверждаемость, критицизм, интересубъективность и другие не только придают знаниям оформленный, законченный вид, каковыми являются научные знания, но и обеспечивают их объективность и истинность.

§ 4. Проблема рациональности и истинности в научном познании

В истории развития сознания человека и освоения им мира формировались различные формы познания природы. В рамках каждой из них ставится вполне конкретная цель: получить знания о свойствах сущности исследуемых явлений и вещей.

Однако среди них выделяется одна, в рамках которой человек получает такие знания, которые существенно выделяются своей строгостью, систематизированностью, логической последовательностью. К этой форме относится научная деятельность. Наука является специализированной фирмой духовной деятельности по производству и воспроизведению научного знания. Качество и статус знания во многом определяется логико-нормативной организацией познавательной деятельности и методологическими критериями, предьявляемыми ее продуктам. Иными словами, речь идет о проблеме рациональности научной деятельности и истинности результатов научного исследования. Обе эти проблемы занимают одно из центральных мест в методологии науки.

Исторически научная деятельность совершенствуется и развивается. Постоянно трансформируется и понятие «рациональность», регулярно пересматриваются требования в отношении познавательного процесса. Рациональность составляет основание и условия познания, т. е. научное познание придерживается разумной обоснованности, логической связанности, нормативной определенности, практической целесообразности и социальной всеобщности результатов деятельности.

Рациональность сопряжена с нормативностью, а последняя есть вычлененная из познавательного опыта поколений ученых система ценностно-методологических установок, приводящих к оптимальному решению исследовательских задач. Рациональные требования в познании имеют всеобщий характер. Соответственно и результаты исследовательской деятельности носят всеобщий, интересубъективный характер. Правда, интересубъективностью обладают и данные религиозного познания. Однако религиозное познание основывается на вере, в то время как научное познание покоится на принципах разума.

Рациональное обоснование, т. е. руководство принципами разума увеличивает степень объективности научного знания, их общедоступность и значимость, по

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org сравнению с необоснованной верой или слепой интуицией. Разум всегда тяготел и тяготеет к системности, организованности, логической стройности, обоснованности и общедоступности своих результатов, т. е. к рационализации своих действий, деятельности и ее продуктов. Этим объясняется то, почему в развитии современной цивилизации научное знание оказалось больше востребованно, чем другие виды знания.

По характеру деятельности принято выделять практический и теоретический разум. В реальной жизни оба вида разума находятся в тесной взаимосвязи. Значимость чисто теоретической деятельности теряет смысл, если она не опирается на практический разум, реальный жизненный опыт человечества. Поэтому когнитивно-теоретическая рациональность постоянно коррелирует с основаниями практики человека, с его ценностным опытом жизнедеятельности.

Стержневым компонентом рациональности выступает разумность. Разумное стремление к определенным целям рассматривается как рационально обоснованная активность человека. Исходя из этого утверждения можно выделить три вида активности человека, которые по своей природе являются рационально определенными: практическая, когнитивная и аксиологическая. Каждая из них служит основанием для действия, убеждения и оценки.

Практическая рациональность является общей для научной (когнитивной) и ценностной (аксиологической) рациональности. Первый вид рациональности формировался в процессе социально-производственной деятельности человека; он первичен по отношению к двум другим видам рациональности, которые являются производными от него. Научно-когнитивная рациональность является организацией мыслительной деятельности, направленной на освоение мира и формирование объективных и достоверных знаний о свойствах и сущности реальной действительности. Что касается аксиологической, то она связана с оценкой. Оценка является ценностным суждением субъекта познания о предмете познания. Ценностно-смысловые структуры всего существующего в природе являются для человека весьма значимыми, зачастую приобретают надличностный характер.

Научная рациональность связана с особенностями познавательной деятельности и производством научного знания. В развитии научного знания она эволюционировала, сменяя свои типы, от традиционно-классической рациональности через неклассическую до постнеклассической.

Корни традиционного типа рациональности восходят к философии Древней Греции, но свою законченную форму эта рациональность получила в эпоху становления классической науки (вторая половина XVI–XVII в.) и отражала особенности естественно-научного мышления и механистического мировосприятия. Отличительными признаками этой рациональности были: убежденность в том, что научное знание является определенной эпистемологической «объективной» реальностью, которую необходимо обнаружить познающему субъекту, и не требует никакого анализа и интерпретации. Объективность и научность знания признавались только вне контекста познавательных средств, социокультурных и мировоззренческих факторов.

В последующем, по мере развития научного познания, наряду с традиционной формируется неклассическая рациональность (последняя четверть XIX – первая половина XX в.), которая задает иные методологические установки исследователю для руководства в познавательном процессе: интерпретацию искомым данным осуществлять с учетом методологических средств, использованных в научном познании; в создании теоретических систем исходить не из готовых, абстрактных концептуальных схем, а учитывать интересы, мысли и цели самого исследователя, от которого зависит интерпретация полученных данных; социальные и культурные факторы рассматривать как оказывающие определенное влияние на формирование объективной теоретической системы знания.

Постнеклассическая рациональность, соответствующая развитию современной науки, возникает во второй половине XX в. в связи с открытием саморазвивающихся объектов, имеющих сложную организацию, и пониманием человека как соучастника мировых процессов.

Отражая тенденции развития современной науки, она задает установки на сближение и интеграцию естествознания и обществознания. В результате взаимодействия наук о Земле и наук о человеке возникают новые междисциплинарные формы исследовательской деятельности. Их объектами

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org становятся открытые, саморазвивающиеся системы, характеризующиеся синергетическими эффектами, такие как общество, цивилизация, биосфера и другие.

Субъект познания (деятельности) понимается как системообразующий принцип, основывающийся на идее коммуникативности познавательного процесса. Знания об объекте непосредственно соотносятся с ценностно-смысловыми структурами и целерациональными действиями субъекта деятельности. Она формирует представление о том, что данность в опыте (т. е. исследуемая реальность) не есть исходная предпосылка, из которой выводятся базисные утверждения о свойствах и сущности окружающего нас мира, но следует понимать как объясняемое, для которого найдено подходящее объяснение, в котором наличествуют базисные утверждения. Такие представления делают допустимым плюрализм в научном познании, что дает возможность появления разных теорий. Предпочтительной в научном познании выступает та теория, у которой все элементы внутренне взаимосогласованны и которая может быть реализована в научном поиске, является правдоподобной и обладает более широкой объяснительной возможностью.

С рассмотренными типами рациональности тесно связано понимание природы научной истины. Тип научной рациональности, формирующийся и господствующий в тот или иной исторический период развития науки, задает соответствующие критерии установления и понимания истины. Именно тип рациональности определяет характер и содержательные особенности истины, которая выступает высшей целью и ценностью науки на всем протяжении ее развития. Типы рациональности являются отражением переломных периодов развития самой науки.

В рамках классической рациональности сохраняется классическая концепция истины, которая была сформулирована еще Аристотелем. Согласно этой концепции научной истиной считалось такое знание, которое адекватно отражает свойства изучаемого объекта. При этом предполагалось, что в этом знании не должно содержаться что-либо, что имеет отношение к субъекту познания, так как он понимается как внешний наблюдатель по отношению к процессу познания. Элиминация субъективного из научного познания и знания рассматривается как условие получения объективного и истинного знания. Непременным элементом познания становится убеждение в возможности всестороннего познания объекта и получения о нем исчерпывающего знания, т. е. достижения объективной истины.

Классическая рациональность отрицает возможность существования альтернативных истин. Поскольку носителем истины является сама объективная реальность, которая не зависит от субъекта познания, постольку истина одна. Она соответствует исследуемому объекту, а все остальные претенденты на истину классифицируются как заблуждение, от которого нужно избавляться.

Неклассическая рациональность критически переосмысливает классические представления об истине, что приводит к трансформированию представления о природе истины. Происходит деонтологизация истины; истина больше не выступает как укорененное в природе объективное явление, которое предстоит обнаружить субъекту. Она включает субъекта в непосредственный процесс познания как составной его элемент. Истина интерпретируется через призму этой включенности. Субъект познания и внешний мир как объект познания составляют единую структуру познания. Поэтому истина есть то, что включает и средства познания, и интерпретативная активность субъекта познания. Истина понимается уже как результат взаимодоговоренности (конвенции, соглашения) ученых по поводу понимания и принятия тех или иных теоретических данных в качестве достоверного, истинного знания. Тем самым в понимании истины происходит ее релятивизация. Вследствие этого появляются интерсубъективная, верификационистская, когерентная, аналитическая, логицистская, семантическая концепции истины.

Постнеклассическая рациональность идет еще дальше, совершенствуя классическое и неклассическое представления об истине. Она формирует образ активного субъекта и, более того, не только признает включенность субъекта в исследование, но и подчеркивает решающую роль его в конструировании изнутри познающей реальности посредством языковой картины мира, т. е. с помощью понятийно-категориальных средств той или иной дисциплины. Наиболее ярко это проявляется в социально-гуманитарном познании, в котором истина не только определяется субъектом деятельности, но и производится им, так как субъект выступает и как сотворец реальности, и как потребитель ее.

Новая рациональность обращает внимание на присущий науке внутренний «реализм», согласно которому научная истина понимается как зависимая от субъекта. В таком случае в качестве истины выступает такое знание, которое характеризует техническую сторону познания, способ деятельности субъекта с объектом. Истинным признается то знание, которое оправдывает себя в реализации тех или иных проектов, в осуществлении экспертного заключения, в разработке соответствующих программ практики.

Таким образом, окружающий нас бесконечно многообразный мир обретает свое единство в теоретическом познании, особенности которого определяются формами (или типами) рациональности. Ими же определяется и характер научной истины.

Между рациональным познанием и истиной располагается языковая картина мира. Она диалектически связывает их между собой, создавая благоприятные условия для научного поиска. Особенно явна эта связь обнаруживается в социально-гуманитарных науках. Содержание мира представлено в многообразных реформах, вещах и явлениях, которые осваиваются им благодаря языку. В языковых средствах выражаются и полученные о них знания. Язык существует как знаковая система. В познании мира языковые средства являются первичными. Они репрезентируют мир и предопределяют особенности восприятия мира, его качественное осознание человеком. Язык(и), будучи приспособленным для «схватывания» мира в многообразии его существования, задает(ют) свое видение и способ обладания им, определяет(ют) специфику мирозерцания.

Как язык определяет специфику освоения мира, так и сам язык совершенствуется и наполняется смыслом в процессе построения коммуникативных отношений с природой, решения задач, возникающих в бытии человека.

Внутри жизненного единства бытия человека возникают такие формы, как мифология, искусство, религия, поэзия, философия, наука, в рамках которых приходит в движение язык во всей его когнитивной возможности и наполняется смыслом в процессе вопрошания, решения коммуникативных задач бытия.

Процесс практической жизнедеятельности людей осуществляется в неразрывной связи с теоретическим познанием мира. В ходе практического и теоретического осмысления мира, его образов, формируется картина мира, в которой окружающий нас материальный мир предстает как рационально упорядоченный и гармонично устроенный; в ней наглядно представлены из бесконечного многообразия связей и отношений, возникающих и существующих между явлениями, вещами и процессами, наиболее существенные и онтологически значимые.

Рассматриваемая картина мира обладает философско-научным статусом. Функционируя в теоретико-познавательном пространстве как предельная форма синтеза знания, она решает целый ряд познавательных задач: онтологические, гносеологические, методологические, аксиологические и праксиологические. В целом же в эмпирико-теоретическом познании она выступает в роли онтологического образа, т. е. фундаментальной модели мира, исходя из которой осуществляется решение целого ряда гносеологических и методологических задач: выявляется предметное поле познания, определяются рационально-методологические средства его освоения, задаются способы описания исследуемой реальности и интерпретации полученных данных.

Важным для понимания проблемы рациональности познания и истинности знания является проблема научного реализма, одинаково касающиеся и естественно-научного и социогуманитарного познания. Идея научного реализма основывается на том, что существует независимо от человеческого сознания объективная реальность, исследование которой позволяет получить достоверные, истинные знания о ней. Признание этой реальности ведет к появлению условия для возникновения познавательного процесса, а ее исследование позволяет получить истинные знания, необходимые человеку для решения практических задач и удовлетворения духовных потребностей.

§ 5. Нормативность познания и традиция в науке

При философском осмыслении природы науки центральное место занимает методологический подход к анализу проблем развития научного знания. Методология науки, изучая проблемы развития науки, необходимо акцентирует

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org внимание на вопросах динамики научного знания, исследования движущих сил, выявления форм прогрессивного сдвига науки. Разум не только реализовывает свой творческий потенциал в поисках истины, но и рефлексивен над своей деятельностью и ее результатами, анализирует когнитивные и культурные основания свои, в ходе которых обнажаются конкретные культурно-исторические контексты, которые предстают как имманентные характеристики разума.

Методология фиксирует внимание на том, как организована наука, какие механизмы задействованы в познавательную практику и какие культурные процессы влияют на возникновение нового знания. Это позволяет выйти на понятия «норма», «нормативность научной деятельности» и «научная традиция».

Норма, или нормативность, в научной деятельности относится к числу имплицитных знаний. Являясь таковыми, они суть отрефлексированные действия самого разума, возведенные в ранг должностной нормы. Нормами становятся те действия, которые зарекомендовали себя с наилучшей стороны, ведущие наиболее эффективным способом к достижению намеченных целей.

Разум идет на нормирование своих действий в частности и деятельности в целом с той лишь целью, чтобы отделить научное знание от ненаучного, избежать заблуждений в исследовании объекта, фиксировать те познавательные способы, которые эффективны в решении проблемных задач и ведут к истине.

Нормативность обосновывает общее положение, в котором в соответствии с центральной мерообразующей идеей или целью определяются конкретные признаки, обладание которыми создает необходимое условие соответствия с мерой.

Нормативное знание функционирует на различных уровнях научного познания: эмпирическом, теоретическом, метатеоретическом.

Будучи имплицитными знаниями, нормы обладают индивидуальным содержанием. Специфика их содержания позволяет нам говорить о существовании разнообразных норм, к числу которых относятся описательные, объяснительные организационные. Каждый классификационный вид содержит в себе предписывающие элементы.

Норма научного исследования в обобщенном смысле понимается как способ осуществления определенного действия и достижения некоторого результата. Общее понимание нормы конкретизируется, указав на ее роль в познавательных процедурах. В этих процедурах она проявляет себя в виде аксиологически выраженного методологического знания – правила, принципа или установки, посредством которой обеспечивается эффективное освоение объекта, оптимальное решение исследовательских задач и получение желаемых результатов.

В анализе научного познания исследователи широко используют понятие нормы научной деятельности для характеристики логико-гносеологических, методологических и философско-мировоззренческих взглядов ученых, применяемых методов познания, признаков знания. Так, А. П. Огурцов выявляет основные дефиниции понятия нормы научности для определения основных смысловых контекстов, образующихся при оперировании этим понятием. В науке под нормой понимают:

- «некоторый исторически конкретный стандарт, критерий, эталон оценки, некий нормативный образец, принятый в научном сообществе и позитивно им оцениваемый»;
- «некоторое субъективное представление членов научного сообщества о том, что приемлемо и что неприемлемо», т. е. «это некая совокупность установок, предпочтений, оценок, ожиданий, смысловых ориентаций, принятых определенной группой ученых и позволяющих им давать оценку результатов как своей деятельности, так и деятельности других ученых»;
- «объективацию субъективных характеристик, которая позволяет не только артикулировать содержание установок и оценок научного сообщества, но и выработать правила оценки и деятельности»;
- характеристику принципов «выбора ученым определенных методологических и теоретических альтернатив», «важный компонент теоретической и методологической программы, принимаемой научным сообществом»;

– один из важнейших элементов науки, «обеспечивающих определение и выбор целей и средств познавательной деятельности»;

– «фактор интеграции научного сообщества, увеличения сплоченности группы, осуществляемого благодаря признанию определенных предпочтений, приоритетов в разработке тех или иных проблем, принятию критериев оценки научных достижений» [12, с. 67–68].

Из этих определений норм видно, насколько широк спектр охватываемых нормами научности когнитивных, методологических, социально-психологических и социологических аспектов познания.

По характеру становления и функционирования нормы науки представляют собой, пишет А. П. Огурцов, «теоретические принципы, выработанные в ходе познавательной деятельности, и методологические регулятивы научного исследования, которые по мере развития науки превращаются в эталоны работы научного сообщества... затем в дисциплинарные образцы, позволяющие тому или иному ученому отнести себя к определенному научному сообществу, и в конце концов – в социально признанные нормы, реализующиеся в системе образования и подготовки научных кадров, в те ценности, которые принимаются “здравым смыслом” науки, всем контекстом “жизненного мира” науки и вненаучным окружением» [17, с. 70]. В этих словах исследователя верно и концентрированно отражена основная природная характеристика норм научного познания.

Исследуя генезис и роль норм научной деятельности в контексте процессуальных действий ученого, Н. В. Мотрошилова обращает внимание на неоднозначность, противоречивость и сложность процесса их становления. «Нормы науки, – пишет она, – не “наследуются” как некое неизменное достояние, но получают новый смысл и содержание, пополняются достаточно конкретными новыми нормативными принципами, обретаемыми на тернистом пути компромиссов, временных поражений и частичных побед» [18, с. 98].

Содержательные стороны нормы, преломляясь в эмпирических описаниях и теоретических построениях, образуют систему определяющих методологических принципов и установок, составляющих методологический фундамент научной дисциплины.

В этом же русле анализируя природу норм и правил научного исследования, В. С. Степин отмечает, что «в совокупности они задают обобщенную схему метода, обеспечивающего исследование определенной системной организации. Все, что укладывается в рамки данной схемы, является предметом исследования соответствующих наук» [16, с. 21].

Нормативные знания являются знаниями, функционирующими реально и имеющими операциональный характер. Они отражают характеристики объекта в сознании субъектов познания, в процессе эмпирического и теоретического его освоения. Отсюда и складывается то логическое отношение норм к объекту, субъекту и деятельности, позволяющее раскрывать их гносеологическую природу.

Отнесенность норм научного исследования к объекту, субъекту и деятельности определяется механизмами восприятия субъектом объекта и спецификой его освоения. В этом плане нормы научного исследования отнесены ко всем трем компонентам познания как способу взаимодействия субъекта и объекта в процессе деятельности.

В аспекте взаимодействия субъекта и объекта данный способ конструируется в метод, который позволяет субъекту выделить определенный фрагмент природы из множества предметных связей и отношений и сделать его объектом познания. «Вне метода, – пишет В. С. Степин, – он вообще не выделит изучаемого объекта из многочисленных связей и отношений предметов природы... Поэтому в науке изучение объектов, выявление их свойств и связей всегда сопровождается осознанием метода, посредством которого исследуется предмет. Объекты всегда даны человеку в системе определенных приемов и методов его деятельности» [17, с. 64].

Констатация связей объективного и субъективного в нормах научного исследования предполагает выявление гносеологической специфики этих связей. Содержательную характеристику объекта вырабатывают посредством познавательной практики, которая отражается в нормах познавательной

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org деятельности. Гносеологическая особенность норм в их отношении к объекту обнаруживается при выявлении объектного содержания, выраженного в этих нормах. Существенным свойством последних является то, что они – плод рефлексии научного сообщества над основаниями научного познания под философско-методологическим и гносеологическим углом зрения. В них заключаются механизмы отражения и обобщения опыта научного познания мира, который выступает в виде метода исследования предмета. Здесь метод предстает как совокупность норм и предписаний ценностного характера. Нормы, образующие систему метода научного познания, являются элементами исторически конкретной формы мышления, ориентированной на определенный способ ведения научного поиска и изучения объекта. Значение и содержание научного поиска так же, как и методов, применяемых в нем, определяются конкретно-историческим уровнем развития науки и общественной практики.

Таким образом, в своем процессуальном проявлении нормы находят наиболее полное выражение в методе познания, который содержит предметное и методолого-методические знания изучения объекта.

Предметное знание, необходимое для функционирования норм научного поиска, является отражением той предметной области, для освоения которой и вызваны они. Предметное знание имеет особенность быть направленным непосредственно на объект. Оно приспособлено к объекту познания, имеет отношение только к нему и в силу этого абстрагируется от самого процесса познания. Эта особенность предметного знания характеризует его как результат гносеологической рефлексии и образует когнитивный аспект норм научного исследования.

Рефлексивная особенность влияет на характер отражения опыта научного поиска методологическим знанием. Так, представляется, что методологические указания, установки, «работающие» в конкретных познавательных процедурах описания и объяснения, в большей степени определяют не общими закономерностями научного поиска, а характеристиками предмета и специфическими условиями проведения исследования.

Более выраженным аспектом является методологическая часть знания. Методологическая рефлексия делает предметом своего анализа особенности познавательного процесса, характер взаимоотношения его внутренних механизмов, результаты этой деятельности. В ходе данного анализа в методологическом знании отражаются, обобщаются закономерности и особенности протекания процесса научного поиска. Сами обобщения могут носить более общий или конкретный характер. Они зависят от того, какой уровень научного исследования – эмпирический или теоретический – рефлексировается.

Другая особенность состоит в том, что нормы и правила выступают носителями не столько той информации, которая относится к объекту, сколько к той, которая имеет отношение к субъекту познания. Основное предназначение этой информации состоит в том, чтобы служить наставлением субъекту познания, как вести научный поиск в русле нормативно-регулятивной рациональной традиции. Нормативная составляющая методологического знания, согласуясь с объектом познания и аккумулируя опыт исследовательской деятельности, отражает не столько собственно познавательное, сколько выражает ценностное отношение субъекта к условиям осуществления научного поиска. Эти рассуждения открывают путь к дифференциации составляющих содержание идеалов, с одной стороны, и норм – с другой. Содержание первых отражает специфику познания через особенности объекта, а содержание вторых – особенности объекта через специфику научного исследования.

Будучи обобщенной формой отражения познавательного опыта, нормы научного поиска выступают методологической схемой, с помощью которой происходит координирование, регулирование и управление научно-исследовательским процессом. Это становится возможным в силу того, что в нормах научного поиска реализуется осознание должностующей природы научного познания и основанное на нем творческое управление им. Установки норм, выступая критерием рациональности и научности познавательных действий субъектов, аккумулируют в себя объективные условия развития исследовательской деятельности.

В этом контексте нормы научного поиска выступают высшим выражением субъективной активности, которая перерастает в культуру научного сообщества по реализации научно-исследовательских целей.

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
Познавательные образцы и нормы в единстве составляют существенные элементы научной традиции, в контексте которой осуществляется познавательная деятельность. Исследователи нередко используют это понятие в своих работах. В первом приближении к нему интуитивно ясно, что речь идет о таком ценностно-познавательном опыте, в котором отражены особенности использования исследовательских подходов и методов. Речь идет также о том, что он зарекомендовал себя положительно в освоении объекта и открытии нового знания, и в силу этого может быть передан в научном сообществе от поколения к поколению.

Научная традиция формирует сферу развертывания разума, в рамках которой он может оперировать образцами, оправдавшими себя в познавательной деятельности и творчески комбинировать их для решения более сложных гносеологических задач, ведущих к новому знанию.

Поэтому в методологии науки понятие «научная традиция» выступает в качестве исходной методологической единицы анализа различных социокультурных аспектов развития науки. Благодаря использованию в исследовании науки этого понятия открывается возможность изучения закономерности развития исторически изменяющихся технологий познавательной практики и прогрессивной динамики научного знания.

Кроме того, понятие «научная традиция» выводит нас с методологической позиции на анализ исторических периодов развития науки, который позволяет выявить различающиеся между собой культурные формы фиксации знания. Это создает предпосылки для углубленного рассмотрения специфики познавательной практики в тот или иной исторический период. Следует также отметить, что понятие «научная традиция» нацеливает философов науки рассматривать в неразрывной связи такие срезы научной деятельности, как гносеологический и социальный, аксиологический и мировоззренческий, праксиологический и культурный.

Осмысливаемая с этой позиции научная традиция является результирующим понятием процесса исторической аккумуляции позитивно-ценностного опыта познавательной практики и его относительно стабильной социально-культурной стереотипизации. Она порождает и воспроизводит определенную форму организации научной деятельности и формирует социальные отношения в научном сообществе. Другими словами, научная традиция понимается как ценностно-культурная и специализированная система поддержания научной деятельности в рамках определенного порядка, посредством аккумулированного познавательного опыта поколений, содержанием которого выступают ценностные идеи, взгляды, образы действия, нормы, установки.

Рассмотрение ее в таком ракурсе ведет нас к пониманию того, что научная деятельность основывается на определенных образцах (например, стандарты наблюдения, образцы измерительных процедур, нормы описательных и объяснительных процедур), следование которым позволяет научному сообществу придать науке форму специализированной деятельности. Так, ориентация в научном исследовании на применение экспериментально-измерительного метода, формулирование положений логически связанных между собой, построение знания в виде теории, соотнесение между собой фактов науки и теорий, поиск причинно-следственных связей, закономерностей, установка следования на соответствующие нормы поведения ученых во взаимоотношениях, являются образцами, которые необходимо воспроизводить исследователи, чтобы сохранить познавательную деятельность и науку от анархии и волюнтаризма как профессионально организованную область человеческого труда.

Совокупность таких образцов приводит к возникновению научной традиции. По своей природе она имеет амбивалентную характеристику. С одной стороны, обладает консервативностью, вследствие которой происходит интерпретация ценностно-значимых образцов, норм и способов познавательной деятельности с последующей трансляцией их из поколения в поколение. В этом смысле традиция выступает как достаточно стабильная устойчивая система ценностно-мировоззренческих компонентов, составляющих в совокупности фон познавательной деятельности и ее предпосылочную основу. Именно такие свойства как стабильность и устойчивость делают традицию некритичной и плохо соотносимой на первый взгляд с разумом, с его критичностью и нацеленностью на творческий поиск. Работая в рамках традиции, разум оказывается определенно ограниченным в своем творческом искании истины нормативными рамками традиции. Очевидно, что, в аспекте логической сферы и в сфере рациональных реконструкций структуры познания, разум нуждается в

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org свободном действии.

Однако в рамках методологии науки исследования и анализ механизмов и форм порождения и развития научного знания было показано о тесной связи традиции и разума. Поэтому, с другой стороны, традиция содержит в себе инновационный потенциал для порождения нового знания, в виду того что внутри традиции не существуют нормативные требования, как и каким образом применять существующие стандарты для решения научных проблем. Характер их использования в конкретном научном поиске во многом зависит от творческой одаренности самого исследователя. Методология научного познания не столько запрещает, сколько поощряет инновационные подходы к применению образцов, их развертыванию в интеллектуальном пространстве, так как разум позиционирует себя как открытость, незавершенность, деятельность, когнитивная динамика.

Из этого видно, что научная традиция является составной частью научной деятельности и не противоречит ей как творческой, ориентированной на получение новых результатов.

Понятие «научная традиция», как было сказано выше, характеризует ценностно-значимый опыт научно-исследовательской деятельности, что собственно позволяет отличить науку как форму познавательной деятельности от других форм освоения мира – религии, мистики и т. д.

С методологической точки зрения допустимо внутри научной традиции различения традиций по степени общности. В связи с этим можно выделить общенаучную традицию, характерную естественно-научным и социально-гуманитарным наукам, т. е. она соответствует науке в целом. Внутри общенаучной традиции могут существовать локальные традиции, культивируемые в рамках отдельных научных школ и направлений. Носителями этих традиций являются научные исследовательские программы, в которых аксиологически «нагруженный» познавательный опыт объективируется, фиксируется в методологических нормах и установках, подходах и способах решения проблем, идеях и методах, гипотезах и теориях.

Традиция, культивируемая в рамках одной научной школы, может быть не разделяема представителями других научных школ и направлений.

Библиография

1. Августин. Учение о душе и познании. Вера и разум // Антол. миров. филос.: в 4 т. – М.: Мысль, 1969. – Т. 1. – ч. 2. – С. 592–600.
2. Автономова Н. С. К вопросу о специфике гуманитарного знания // Проблемы методологии. Социально-гуманитарное познание и особенности его методологии. – М.: Наука, 1984. – С. 117–129.
3. Бахтин М. М. Проблема текста. Опыт философского анализа // Вопросы литературы. – М., 1976. – № 10. – С. 122–151.
4. Библия. Святое Благовествование от Иоанна. – Гл. 1.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Мысль, 1958. – 189 с.
6. Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии: философско-гносеологический анализ. – М.: Политиздат, 1985. – 192 с.
7. Кессиди Ф. Х. Греческое чудо // Философские исследования. – 1992. – № 1. – С. 17–29.
8. Лосев А. Ф. Структура и хаос. – М.: Мысль, 1997. – 831 с.
9. Мартынович С. Ф. Рациональность познания и творчество ученого // Человек науки и научно-технический прогресс. – Саратов, 1990. – С. 22–30.
10. Мотрошилова Н. В. Нормы науки и ориентации ученого // Идеалы и нормы научного исследования. – Минск: Изд-во БГУ, 1981. – С. 85–106.
11. Никитин Е. П. Объяснение – функция науки. – М.: Наука, 1970. – 280 с.
12. Огурцов А. П. Институализация идеалов научности // Идеалы и нормы научного исследования. – Минск: Изд-во БГУ, 1981. – С. 65–90.

13. Поппер К. Логика и рост научного знания // Избр. раб. – М., 1983. – 605 с.
14. Пружинин Б. И. Проблема рациональности в англо-американской «философии науки» // Вопросы философии. – 1978. – № 6. – С. 45–53.
15. Рузавин Г. И. Герменевтика и проблемы понимания и объяснения в научном познании // Структура и развитие научного знания. Системный подход к методологии науки. – М.: Мысль, 1982. – С. 42–45.
16. Степин В. С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска // Идеалы и нормы научного исследования. – Минск: Изд-во БГУ, 1981. – С. 10–64.
17. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. – М.: Высшая школа, 1992. – 191 с.

IV. Социокультурные ориентиры науки

§ 1. Этико-методологические основания динамики науки

Целеполагающая сущность науки. Интеллектуально-теоретическая деятельность возникает тогда, когда человечество осознает неудовлетворенность своей потребности в знаниях, которые добывались и накапливались в пределах примитивной обыденно-практической деятельности.

Интеллектуально-логическая или научная деятельность есть процесс взаимоположения индивидуального и социально-всеобщего в контексте субъект-объектного отношения. Взаимообусловленность этих двух компонентов – личностного и общественного – определяет деятельностный характер научного познания.

Объект исследования в своем изначальном состоянии является иррациональным в силу того, что мы не знаем ничего о его сущности и взаимосвязях с другими предметами природы. Это ограниченность нашего знания о нем снимается тем, что объект выступает научной проблемой и становится предметом целенаправленного освоения, которое требует мобилизации интеллектуальных и исследовательских способностей ученого. В способностях исследователя так или иначе воплощено содержание социально-исторического опыта, содержание уже освоенного обществом окружающего мира.

Проецирование на предмет исследования всей совокупности известных знаний и способов его преобразования связано с определением цели и выяснением возможных путей достижения конечных результатов. В этом процессе происходит полагание субъектом познания личностных наличных знаний, умений и способностей и соответственно их реализация в сложившихся обобщенных формулах исторического опыта, а также одновременно формирование новых научно-исследовательских навыков. Следовательно, проецирование социально-исторического опыта человечества на предмет исследования выступает одновременно и как самореализация субъекта познания, выход его за пределы собственной индивидуальной ограниченности, и как приобретение его деятельностью значения всеобщности и наполнения этого опыта новым содержанием.

Предмет исследования при этом универсализируется: он предстает в виде научной проблемы, обращенной к другим соучастникам познавательного процесса, соучастие в решении которой рассматривается как обмен деятельностью, как необходимое творческое сотрудничество в постижении объективной истины. При этом творческое общение, сотрудничество субъектов деятельности несет в себе нравственно-этическое содержание, поскольку складывается такое отношение к другому человеку как к «своему другому», как к продолжению самого себя и своей деятельности в другом.

Современная наука – организованная, многоуровневая, сложная, развивающаяся система знания, в производстве и воспроизводстве которой участвуют десятки и сотни тысяч людей. Продукты их интеллектуальной деятельности обладают созидательными и разрушительными свойствами. От ученых, вовлеченных в сферу научной деятельности и связанных с открытием новых социально-значимых знаний, зависит очень многое: будут ли эти знания использованы во благо всего человечества или они попадут в руки небольшой кучки людей, преследующих свои корыстные политические и экономические интересы, и будут

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org применены в ущерб интересам большинства. Действенным средством против такой опасности является моральная, нравственная ответственность ученого за использование продуктов своей и чужой интеллектуальной деятельности. И здесь этические принципы призваны регулировать поведение ученого в развитии науки.

Плюрализм и этика в науке. Научная деятельность рассматривается сегодня как самостоятельный, специализированный вид человеческой деятельности, в осуществлении которой участвуют сотни тысяч людей, с присущим им индивидуальным характером, мировоззренческими позициями, социальным и культурным ориентирами, научными идеями и этическими ценностями.

Предполагает ли наука, ориентированная на истину, плюрализм? Допустим ли в научной деятельности плюрализм, предполагающий возможность сосуществования разнообразных различающихся между собой идей и подходов к постижению истины? Философы и естествоиспытатели многих поколений были уверены в том, что объективная истина и плюрализм не соотносимы между собой. А Шопенгауэр, в частности, пишет: «Люди, подобные Фихте, Шеллингу и Гегелю, должны быть изгнаны из царства философов» [12, с. 586]. В свою очередь, И. Кант рассматривает плюрализм как исторический свидетель того, что все прежние философские учения, идейно различающиеся между собой, были всего лишь неудачными попытками создания единой философской системы. В то же время Кант не отрицает заслугу своих предшественников, которые не создали подлинной философии, но продемонстрировали превосходные образцы философствования. Здесь подразумевается то, что философская система только одного Канта достигла той стадии развития, которой не достигла ни одна предшествовавшая философия [3, с. 114].

Подобным же образом размышляли и другие: Декарт, Гегель, Ницше, Вебер. Тот же Шопенгауэр пишет: «Относительно морали я не имел себе в этом предшественников, и это стало для меня возможно лишь благодаря тому, что глубже, чем кто-либо до меня, проникнув в природу человеческой воли, я вскрыл и обнаружил три ее конечные пружины...» [11, с. 16, 131].

В философской литературе существует и противоположная точка зрения, говорящая в пользу плюрализма. Размышляя над проблемой плюрализма, Ламетри замечает, что истина в науке возможна только потому, что человек, ищущий истину, имеет право на свободное высказывание своих мыслей, и надеется на то, что другой, имеющий свое мнение на сей счет, обратит на нее внимание [5, с. 332]. Идею Ламетри разделяют и другие мыслители, в частности Гегель и Дильтей. Так, Дильтей ставит вопрос о необходимости признания познания как непрерывного процесса смены одних идей другими. В рамках критического рационализма и постпозитивизма идея Дильтея о смене одних теорий другими историками и методологами науки была обоснована на материале развития естествознания.

Таким образом, общепризнанной стала мысль, согласно которой научная деятельность рассматривается как арена сосуществования различных идей, гипотез, теорий и демонстрации ими своих когнитивных возможностей, а также смены одних теорий другими. Однако плюрализм в том истолковании, в каком его понимает П. Фейерабенд, опасен для науки [10]. В связи с этим возникает вопрос: существуют ли какие-либо принципы, на которых основывается плюрализм или ученые вправе создавать свои теории, совершенно не считаясь (даже игнорируя их, по Фейерабенду) с уже существующими? Ответ будет положительным. Конкуренция идей и теорий в научном познании возможна лишь на основе вполне определенных этических принципов.

Основным принципом здесь выступает принцип терпимости, который рассматривает всех субъектов познания как равноправных в своих интеллектуальных актах. Данный принцип предполагает признание многообразия идей в науке как ее культурное богатство.

Терпимость в науке понимается не как право субъекта познания на логико-гносеологический и методологический произвол, но осмысливается как необходимость в постижении истины. Теория признается истинной до тех пор, пока не появилась рядом с ней другая, которая составляет ей альтернативу. Когда в гносеологическом поле действует ряд альтернативных теоретических подходов к решению научных проблем, появляется реальная возможность сравнить преимущества и слабости конкурирующих теорий, выбрать ту, которая способна приносить пользу и ожидаемые результаты в научном исследовании. Свобода выбора есть научная и нравственная ценность.

Конкуренция теорий, составляющих друг другу альтернативу, тем и ценна, что каждая из них стремится учесть опыт другой, или возникает как результат критического переосмысления предыдущих теоретических систем и тем самым расширяет свои познавательные возможности.

Следовательно, свобода мнений в научном поиске, основанная на этике терпимости, является мощным когнитивным средством, с помощью которого решаются спорные вопросы и проблемные задачи, связанные с выявлением истины, но при этом с этической позиции недопустимо принуждение.

В научном познании позиция терпимости означает осознание учеными необходимости совершенно определенного условия в постижении истины, а именно наличие различных идей, претендующих на решение научной проблемы, и их разумная критика, способствующая отбору наиболее эффективной с позиции интересов науки. Этика терпимости в науке тем самым трансформируется в этику плюрализма, который предполагает возможность и необходимость диалога между учеными, их сотрудничество в общей динамике науки к освоению мира и познанию истины.

В связи с осмыслением наукой своей роли и места в системе человеческих ценностей, этика рассматривается ею как общий фон своего развития. Наука включает этику как необходимый элемент структуры своего основания. Наука и мораль оказываются соотносимыми между собой общечеловеческими, культурными ценностями. По мере проникновения в науку гуманистических тенденций, нравственная оценка продуктов познавательной деятельности становится для нее значимой. Об этом говорит тот факт, что в настоящее время подвергается сомнению нравственная ценность ряда направлений в биотехнике, экспериментов в медицине.

Современная наука не может быть свободной от нравственности, как это думают сторонники «чистой науки». Нравственность становится, даже является сущностным качеством науки. Вытеснение из науки принципов гуманизма и нравственности, их замена соображениями целесообразности и эффективности, стремлением к успеху любой ценой (сциентизм), может привести к негативным последствиям и вряд ли сможет получить положительную оценку большинства в обществе.

Таким образом, плюрализм и этика, являясь элементами культуры, не только функционируют в науке, но и взаимно дополняют друг друга в научном познании. Более того, сама исследовательская деятельность ученых становится объектом этического анализа, моральных суждений и нравственных оценок.

Культурно-этические отношения в науке. Наука является структурным элементом культуры. Культурное начало науки связано с ее оформлением в особый способ духовного освоения окружающего космоса. Познавательная деятельность в целом и научные исследования в частности всегда опираются на сложившиеся в культуре традиции видения и понимания мира, на принятые в ней нормы общения, стандарты, эталонные образцы описания и объяснения предмета познания и развиваются в определенных исторически сложившихся социальных и культурных условиях. Наука, будучи компонентом культуры, детерминирована системой категориального строя сознания, свойственной культуре данной исторической эпохи. В функционировании и освоении предметных областей познания наука ориентируется на видение мира, выраженного в категориях культуры.

Культура определяет организацию науки и ее развитие. Она представлена в продуктах исследовательской деятельности ученых, в их ценностно-мировоззренческих установках, в правилах и принципах осуществления познавательной деятельности. Морально-этические нормы регулируют поведение субъектов научной деятельности и коммуникативные отношения членов научного сообщества. В культурных и нравственных принципах и нормах откладывается наработанный многими поколениями ученых ценностный опыт освоения объектов природы и их взаимодействия. Этот опыт составляет то, что называется культурой мышления и межличностных отношений в науке.

Передаваясь из поколения в поколение в виде образцов познавательных действий и поведения в межличностных отношениях, культурные, этические нормы и принципы в переработанном виде воплощаются в культурную традицию научного познания. Нормативность научной деятельности поддерживается и в ходе межличностных массовых взаимоотношений ученых, и в процессе познания

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
предметных сфер науки и обсуждения, дискуссий по поводу полученных результатов исследований, и в функционировании различных научных учреждений и лабораторий.

Рассматривая сферу науки как нормативную, следует развести между собой ее культурные и этические составляющие. Культурные нормы направляют и регулируют познавательные действия ученых, они образуют стандарты описания объектов и объяснения результатов описания, способы построения теорий и организации научного знания. Этические же нормы выполняют регулятивную функцию в межличностных отношениях, в определении приоритетных исследовательских задач и принятии научно значимых решений.

Этическое содержание науки формируется не сразу, а исторически как система ценностей и норм, которые противостоят нездоровому эгоизму, тщеславию, корыстным интересам. Моральная составляющая науки возникает в силу существования в познавательной деятельности специфического ценностного ориентира, определяющего направление активности субъектов познания. В этой направленной активности познающих субъектов необходим некий стандарт взаимодействия, взаимоотношения между ними. Так как наука является организованной системой, то ученым свойственна тяга к определенным стандартам собственной организации. В качестве этих стандартов выступают этические принципы, ориентирующие на стабильность во взаимоотношениях в исследовательской деятельности, нравственные нормы, придающие цивилизованный характер диалогам ученых, правила, способствующие проведению плодотворных научных дискуссий.

Нормы научной культуры исторически изменчивы. Они отражают те трансформации, которые происходят в науке в аспекте способов мировосприятия, описания и осмысления объектов познания, формирования объективного научного знания.

Каждая историческая эпоха формирует свои нормы научной культуры. Изучая особенности развития научной мысли, начиная с эпохи Галилея и Ньютона и до И. Пригожина и Г. Хакена, можно заметить, как культурные нормы науки претерпели несколько раз трансформационные изменения. И каждый раз менялись способы видения объекта познания и формирования истинного знания. Происходила перестройка в основаниях традиции познавательной деятельности: переосмысливались идеалы и нормы научного поиска. Исследуя содержательно особенности каждой традиции, В. С. Степин выделяет следующие ее типы: классическая, неклассическая и постнеклассическая. Классическая традиция в науке задает идеал объективного знания, который элиминирует из знания все то, что относится к субъекту познания. Идеал знания неклассической традиции, наоборот, предписывает ученым учитывать при формировании знания об объекте его связь со средствами и операциями деятельности. Постнеклассическая традиция учитывает соотношенность знания об объекте уже не только с характером средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами [8, с. 177–189].

Этические нормы, наоборот, более консервативны, менее подвержены изменениям. Нормы коммуникации внутри научного сообщества не претерпели существенного изменения в последние 400 лет: диалоги, которые имели место между учеными XVII в. и которые проходили между учеными в XX столетии, мало чем отличаются между собой. Этические нормы в науке перестают выполнять свои функции по мере того, как начинают деформироваться смыслы культурных норм в обществе в целом и в науке в частности.

Наука как открытая система находится в состоянии постоянного обновления и творческого совершенствования. Соответственно и научная традиция как системное образование развивается исторически, включая то передовое, прогрессивное, что есть в духовной жизни и способствует прогрессивному развитию научного познания и росту знания. Моральные императивы в науке порождаются и воспроизводятся исторически в процессе реальной познавательной практики, вычлняя из нее, отбирая и закрепляя наиболее значимые формы поведения, возведя их в общезначимые образцы и обязательные нормы.

Моральная регуляция в науке предполагает сознательный характер усвоения субъектом познания требований, предъявляемых его поведению. Она опирается на сознательную волю исследователя, на добровольное следование научному долгу, на его совесть и функционирует в сфере индивидуального сознания. Нравственные отношения в науке – это и субъектно-субъектное отношение, ибо

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org они возникают в процессе взаимодействия членов научного сообщества, и субъектно-объектное отношение, которое предполагает, что ученый должен следовать нормам научной морали.

Исторически вбирая в себя наиболее значимое, ценное из опыта познавательной деятельности, нормы научной традиции формируют условия для созидания социально и культурно значимых научных ценностей. В науке при созидании новых общезначимых ценностей культурные нормы ставят субъекта познания в «жесткие» рамки, в пределах которых действует целый ряд принципов.

Принцип примата объективности в научном исследовании проводится в том, что объективность является исходным и основным свойством истины, понимаемой как знание, отражающее максимально адекватно объект познания. Истина объективна, поскольку выражает наиболее существенные, необходимые и общие свойства объекта, она и субъективна в силу того, что ее познают люди и выражают в определенных субъективных формах (понятиях, суждениях, теориях, законах). Суть нормативного требования к объективности знания состоит в том, чтобы свести его содержание к минимуму субъективности.

Творение ценностей, новые научные открытия совершаются в ходе творческой, интеллектуальной деятельности и носят индивидуальный характер. Здесь действует принцип запрета на плагиат. Новация в науке немислима с механическим повтором и копированием того, что уже имеется в науке. В науке существует конкуренция и гонка за новизной. Это создает условие для развития науки и формирования социально значимого эффективного знания.

Открытие социально значимого знания происходит не в «чистом пространстве познания», а с опорой на опыт предшествующих поколений ученых. Достижения предшественников составляют те предпосылки, без которых не возможно получение нового знания. Отсюда следует принцип необходимости обращения к теоретическим источникам и ссылки на труды предшественников. Данный принцип морально обязывает ученых указывать первоисточники, работы своих предшественников, в которых была зафиксирована идея или поставлена проблема, ставшая предметом исследования сейчас. В истории естествознания нередки примеры, когда предшественники первооткрывателей не только ставили проблему, но и предлагали пути ее решения, хотя сами были лишены такой возможности из-за несовершенства экспериментальной техники, неразработанности необходимых методов и слабого развития методологической базы.

Поэтому этот принцип налагает на исследователей определенный моральный долг, связанный с уважительным отношением к своим предшественникам. В свое время И. Ньютон говорил, что если даже он пошел в научных открытиях дальше других, то только потому, что стоял на плечах гигантов, которые проложили дорогу идущим им на смену. Высказывание Ньютона характеризует один важный аспект научной деятельности, а именно: несмотря на то что научные открытия имеют конкретного автора, тем не менее в них аккумулируются интеллектуальные усилия предшественников и современников, так или иначе преследующих одну общую цель – понять сущность природы.

Другим принципом налагается запрет на вымысел и ложь. Научные изобретения и открытия представляют собой продукты творчества способных и талантливых исследователей. В науке возможны ситуации, когда движимые тщеславием «исследователи» могут пойти на преднамеренное искажение истины в корыстных целях выдать заведомо ложное знание за достоверную истину. Здесь речь не идет о заблуждении, которое рассматривается как необходимый момент движения познания к объективной истине и порождается в силу ограниченности общественной практики и самого познания.

Научными считаются те знания, который имеют общезначимый характер. Поэтому исследователи, работающие над научной проблемой и получающие в ходе ее решения некоторые результаты, стремятся ознакомить с ними других ученых, студентов, читателей. При этом исследователь, публикующий результаты своих исследований в печати, должен сформулировать и изложить материал таким образом, чтобы он мог быть воспринят и понят его коллегами по работе, научным сообществом. В основе всего этого лежит принцип адресованности научного знания другим субъектам познавательного пространства. Благодаря этому принципу становятся возможными плодотворные публичные дискуссии и эффективные диалоги между учеными. Очевидно при этом, что каждый ученый несет персональную ответственность перед научной общественностью за качество и достоверность тех результатов, которые он предлагает на

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org обсуждение.

Нормативная этика предписывает исследователю быть не только готовым к критике со стороны коллег-ученых по поводу предложенных на их суд результатов его изысканий, но и самому осуществлять поиск опровергающих аргументов и экспериментальных методов. Ярким примером этому служит деятельность представителей позитивизма во всех формах его проявления.

Требования критического отношения в науке аккумулируются в принцип критического отношения к достижениям предшественников и своим. Данный принцип выражает свойственный научной деятельности критический дух, традиции которого были заложены еще античными греческими мыслителями. Критическое отношение к интеллектуальным достижениям предшественников, в том числе и к собственным, рассматривается в практике познавательной деятельности как ценность науки.

Научное познание есть процесс, подчиненный и преследующий единую цель – постижение истины. В этом процессе участвуют ученые, придерживающиеся самых разных идей и верований. Каждый из них вносит свой посильный вклад в достижение общей цели и развитие науки. Но у научной общественности не всегда бывает время и возможности (если не считать косвенные способы проверки) подвергнуть строгой проверке результаты изысканий каждого ученого, да это и невозможно. Какие-то из этих результатов проверяются сразу другими исследователями в ходе дальнейшего углубления в изучение предметного поля, другие проверяются со временем, по мере необходимости, а третьи принимаются на веру. В мире ученых принято доверять данным, которые выносятся на суд общественности. В основе такого отношения к достижениям других ученых лежит принцип уважительного отношения к своим коллегам и доверия к результатам их исследований. Без такого доверительного отношения друг другу наука не смогла бы успешно функционировать и развиваться дальше.

Обозначенные принципы формируют необходимое условие доверительного отношения между субъектами познания и создают культурно-этические основания для полноценной научной деятельности.

Таким образом, научная исследовательская деятельность имеет своей опорой культурное и этическое основания, в совокупности которые образуют метаметодологические знания науки. Они состоят из правил, норм, установок, принципов, идеалов, следование которым рассматривается как неперемное условие, необходимое для успешного осуществления познавательной деятельности. Научные ценности, воспринимаются как культурные. Члены научного сообщества воспринимают и выступающие в качестве критерия научного познания и знания. Метаметодологические знания науки формируют тип научной рациональности и благодаря этому обретают характер универсального знания: во многом им обязаны научные исследования в частности и познавательная деятельность в целом, которые приобретают характер специфической формы человеческой деятельности, связанной с постижением объективной истины.

Двойственная природа науки в этическом измерении. История развития науки всегда сопряжена с морально-этическими рассуждениями о пользе и вреде научного знания. С начала XX столетия эта сопряженность приобрела свою остроту: пессимистические тенденции отношения к науке резко возрастают, вызывая недоверие к ней. На рубеже XX–XXI вв. наука нередко понимается как социальное явление, которое вышло из-под контроля человеческого разума и повинно во многих бедах, в том числе в культурной и нравственной деградации человека.

Наука действительно способствовала разрушению традиционных ценностей, мировоззренческих представлений, религиозных предрассудков. Достижения науки (изобретение атомной бомбы, химического оружия массового поражения и другое) принесли человечеству немалые беды.

Характеризуют ли эти негативные факторы применения научного знания природу самой науки? Не теряет ли наука свою гуманистическую сущность? Наука, конечно же, не повинна в том зле, которое ей приписывают, за него ответственно общество, которое не прониклось ее духом. Несмотря на имеющиеся примеры злонамеренного использования науки, именно она позволила человеку достичь высокого уровня материальной свободы и духовного освобождения.

Наука и техника, являющиеся материальным выражением научного знания, есть

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org средства освобождения человека от природной зависимости и собственной неуверенности. Наука позволяет познать тайны природы и раскрыть сущностные силы человека. Техника раскрывает степень власти человека над природными процессами, уровень развития общества и состояние общественного производства.

Гуманистический аспект науки составляет раскрытие сущности разума, выявление смыслов человеческой жизнедеятельности и обоснование прогрессивного развития человечества. Научное знание освобождает нас от страхов, наделяет мощью, показывает место человека в этом мире. Наука благотворна для человека, следовательно, подлинный гуманизм нельзя реализовать вне науки.

Анализируя состояние человека в современном обществе, выявляя душевные страдания человека, связанные с чувством брошенности, безразличия к нему со стороны государства и общества, А. Мольро, М. Де Унамун, М. Шелер и другие ищут зло в самой науке, в научном познании.

Очевидно, что сама по себе наука не в состоянии творить ни добро, ни зло. Но во благо человека или ему во зло будут использованы достижения науки, зависит от общества. Причина негативных последствий науки кроется в общественном устройстве. Современные общества часто злоупотребляют наукой, делают возможным попадание результатов научных изысканий в руки людей, которые стремятся с их помощью решить политические вопросы и способны повернуть добро на служение злу. В современной международной политической практике нередки примеры, когда научные открытия и их материальные выражения служат орудием давления одной страны на другую. Иллюстрирующим это утверждение является высказывание отечественного физика А. Д. Сахарова. В начальный период перестройки он сказал: «Мы были убеждены (коллектив ученых, которые разрабатывали атомную бомбу. – М. Х.), что создание сначала атомной бомбы... потом термоядерной – необходимо для установления мирового равновесия, для того, чтобы наша страна могла спокойно и мирно развиваться, не находясь под прессом подавляющего превосходства другой страны. Я и до сих пор не могу этого исключить. Мы – я включаю сюда и американцев – создали оружие, которое дало человечеству мирную передышку» [6, с. 322].

Несомненно, однако, что наука, будучи компонентом культуры, является частью общественных ценностей и в то же время сама принимает активное участие в их творении. Тем самым она определяет ценностные ориентации при формировании важнейшего человеческого завоевания и ценности – истины.

Истина в категориях аксиологии и этики. Наука является непреходящей ценностью для человечества. Она выступает основным фактором, связывающим воедино мировую человеческую мысль. Научные знания формируют предпосылочные условия для интеграции мирового сообщества на основе единства человеческих смыслов и общих целей. Достижения науки составляют основные условия развития техногенных цивилизаций и поэтому рассматриваются как ценностные завоевания человечества.

Истина является бесспорной ценностью и благом для человека. Она есть результат целеустремленной тысячелетней работы разума. Чтобы ее познать, разум вынужден был исторически совершенствоваться сам, и усовершенствовать свои методы и средства добывания истины.

Наиболее полное свое выражение разум находит в науке. Именно научная истина оказывается созвучной практическим и духовным потребностям человека. С обретением истинного знания человек развивается экономически и технически. Техно-экономическое развитие создает условие для реализации и удовлетворения разнообразных материальных и духовных интересов и потребностей.

То, что научное знание имеет для современного человечества непреходящую ценность, а для цивилизации является благом, продемонстрировал XX в., но этот же век показал, что оно может стать и злом. Однако если не быть поспешными в своих выводах, то научное знание в своей подлинной сущности – это благо, познание которого может обернуться злом при социальной неподготовленности людей к адекватному восприятию этой ценности.

§ 2. Этические проблемы науки и ответственность ученого

Одним из наиболее острых противоречий современной эпохи является

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org противоречие в системе «мир – человек». Разрешению этого противоречия во многом может способствовать наука, которая, в свою очередь, как неотъемлемая часть общества переживает кризисную ситуацию. В этих условиях на первый план выходят этические проблемы, отражающие нравственные основы научной деятельности. Бурный прогресс науки является очевидной реальностью современной эпохи, на науку опирается сложный механизм социального пространства. Наука при этом и сама оказалась в ситуации серьезных проблем и альтернатив, поскольку она изначально по своей природе социальна. Социальность науки проявляется и в направленности получаемого знания, и в его производстве, ведь в ходе познания мысль ученого направлена не только к объекту изучения, но и к другим исследователям данной области. Еще сравнительно недавно было принято считать научный прогресс основой и фактором общего прогресса. Сегодня же чаще всего проявляется отрицание гуманистической сущности науки. Странники этого мнения подчеркивают, что достижения современной науки приводят к массовому уничтожению человечества, ведут к отчуждению и подавлению человеческой личности, разрушают среду обитания. Научный прогресс не только обостряет существующие противоречия, но и порождает новые.

В начале XX в. Р. Мертон одним из первых обратился к детальному осмыслению этих проблем. Он ввел понятие «этнос науки», определяя его как совокупность моральных императивов, принятых в научном сообществе. В качестве основы этноса науки Мертон выделяет 4 императива: универсализм, всеобщность, незаинтересованность, организованный скептицизм.

Универсализм – наличие общих правил и критериев научной деятельности. Истинность научных утверждений должна оцениваться независимо от возраста, национальной принадлежности, авторитета ученого. Универсализм предполагает, что результаты, полученные даже известным ученым, должны быть подвергнуты обязательной критике.

Всеобщность – признание результатов научной деятельности общим достоянием научного мира. Тот, кто впервые получил результат, не должен претендовать на монополию. Ученый должен поделиться результатами исследования с коллегами для дальнейшего использования полученного научного знания.

Незаинтересованность – готовность согласиться с собственными аргументами оппонентов. Это также предполагает бескорыстность, свободу от желания личной выгоды. Признание сообщества и вознаграждение должно видеть только как следствие научных достижений.

Организованный скептицизм – установка на предельную самокритичность со стороны ученого. Ученый, опирающийся на неверные факты, не освобождается от ответственности.

Анализ научных ценностей, предпринятый Мертоном, впоследствии неоднократно исправлялся и дополнялся как другими исследователями, так и им самим.

Так, характеризуя реальную исследовательскую деятельность ученого, Мертон указывает на амбивалентность нормативных принципов. В качестве взаимопротиворечивых императивов он выделяет:

- необходимость для ученого быстро обнародовать результаты своих поисков и одновременно не торопиться с выводами;
- быть восприимчивым к новым идеям, но не поддаваться так называемой интеллектуальной моде;
- стремиться к такому знанию, которое получит высокую оценку, но не стремиться к самой оценке, не проявлять тщеславия;
- всегда защищать новые идеи и гипотезы, но не поддерживать опрометчивых и непроверенных решений;
- быть тщательным в проверке результатов, но не быть излишне педантичным;
- испытывать чувство национальной гордости за достижения в области наук и своей культуры в целом, но считать научные открытия достоянием всего человечества;
- знать идеи и результаты исследований своих предшественников, постоянно

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org обращаться к ним в исследуемых проблемах, но помнить, что широкая эрудиция может сдерживать научное творчество;

– воспитывать новое поколение ученых, но не сводить свою научную деятельность исключительно к преподаванию;

– быть готовым учиться у своих коллег и единомышленников, но не подражать им.

Указывая на представленные противоречия, Мертон подчеркивает, что поведение ученого в конкретной ситуации определяется его личным характером, научным опытом и научной интуицией. Сама реальность неизбежно противоречива, а амбивалентные императивы отражают специфику науки как социокультурного института.

Р. Барбер предложил, в свою очередь, дополнить этос науки такими принципами, как рациональность, оригинальность и эмоциональная нейтральность.

Следует отметить, однако, что проблемы, связанные с ценностной природой и нравственной составляющей науки, уходят своими корнями в Античность. Еще Сократ в рамках своего этического рационализма отождествляет знание с добродетелью, а незнание – со злом. На тесную связь знания и блага обращают внимание Платон, Аристотель и Эпикур. В рамках античной традиции утвердился принцип: «Знать природу, чтобы правильно жить». Нововременная наука во многом опирается на античную линию и продолжает развивать ее. Ньютон и Лаплас утверждают, что научные идеалы неразрывно связаны с этическими ценностями. Рациональное познание они отождествляют с высшим нравственным долгом. Таким образом, сложился определенный этический образ науки как деятельности, приносящей безусловную пользу обществу. Однако эта традиция была подвергнута критике и сомнению со стороны отдельных мыслителей. Так Ж.-Ж. Руссо утверждал, что развитие науки не способствует нравственному прогрессу человека и человечества. Философ идеализировал неиспорченного цивилизацией и техникой человека первобытной эпохи, живущего в гармонии с природой.

В Новое время начинает проявляться и другая тенденция, которая делает акцент на автономности науки. Идея автономии науки нашла отражение в принципах первого научного сообщества – Лондонского королевского общества. С XVIII в. идеал ценностной нейтральности науки становится преобладающим. Принцип социальной нейтральности науки провозглашает, что наука имеет исключительно инструментальный смысл. Просветители создали миф о всеисилии и безусловной непогрешимости разума и науки. Позднее столь же горячо отстаивает тезис имморальности науки М. Вебер, несмотря на то что наука становится неотъемлемой частью всех сфер человеческой деятельности и все обнаруживает свою двойственную сущность. Вебер настаивает на необходимости демаркации науки и метафизики, подчеркивая, что область бытия и область должного отграничены друг от друга. Все эмпирические науки должны давать только строгие формулировки, а не обоснования. По Веберу, между сферой фактов и сферой оценок лежит непреодолимая пропасть. У этики и науки, таким образом, принципиально различные предметы, не имеющие внутренней связи.

Проблема связи социальных ценностей с научными появляется в XIX в. и приобретает особую остроту в XX столетии. Так А. Эйнштейн вводит понятие «моральный разум» применительно к научной деятельности. Размышляя о пересечении социальных и научных ценностей, К. Поппер отмечает, что обоснованный им принцип фальсификации приложим и к социальной реальности и особенно актуален в политической сфере. Политические деятели сами должны стремиться к тщательному критическому анализу своих проектов и программ, проверяя тем самым их жизнеспособность. Таким образом, аксиологический подход к науке становится все более распространенным. С точки зрения этого подхода гуманистический и социальный аспекты научной деятельности не менее важны, чем ее когнитивный и эвристический потенциал.

В этой ситуации стала проявляться объективная необходимость разграничения этоса и этики науки. К этосу науки, вероятно, следует относить принципы научной деятельности, принятые внутри сообщества ученых и обуславливающие успешность процесса формирования научного знания. Этика же науки есть моральное измерение научной деятельности, внешняя сторона связи науки и нравственности, регулирующая процесс использования полученного научного знания. Этика науки – это нравственные принципы деятельности ученого,

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org рассматриваемые в социокультурном контексте.

Своеобразным отражением проблем этоса науки становится деонтология. Термин «деонтология» (греч. – необходимое, должное) был впервые употреблен английским философом И. Бентамом. В рамках своей этики утилитаризма Бентам определяет деонтологию как науку о профессиональном поведении человека. При этом он склонен отрицать всеобщее благо, считая, что каждый человек должен заботиться только о себе самом и собственных интересах.

Впоследствии данное понятие приобретает другой смысл. Под деонтологией стали понимать формы и способы отражения долженствования. При этом деонтология отграничивается от аксиологии. Деонтология – это этика долга, а аксиология – это этика добра. Чаще всего понятие деонтология стало применяться в области медицины, юридической практики, педагогической деятельности.

Известный западный философ XX в. А. Агацци, размышляя о научной деонтологии в целом, подчеркивает, что особенно важным моментом в этом смысле является правильный выбор цели исследования. Если для фундаментальной науки целью является истина, то для прикладных наук основной целью будет результат. Морально недопустимыми считаются такие цели, как создание новых видов оружия, разработка способов целенаправленного воздействия на человека. Целью не может быть создание психотропных препаратов, опасных излучений, глобальные изменения окружающей среды, создание новых видов животных и растений. Важным аспектом является также и выбор средств достижения научной цели. Часто благовидными целями оправдывают недопустимые средства. Такое встречается в медико-биологических исследованиях, когда будто бы во имя благополучия всего человечества проводятся эксперименты с риском для здоровья и жизни отдельных людей. Обязательны для ученых выявление условий исследования, предвидение последствий. Ученые обязаны предвидеть результаты своей деятельности, отвечать за них вместе с политиками, администраторами, руководителями. Это должно касаться не только прикладных, но и фундаментальных исследований, хотя и принято считать последние далекими от реальной жизни.

К проблемам деонтологического характера, проявившимся отчетливо в современной науке можно отнести следующие: необходимость корректного определения авторства, недопустимость плагиата, важность корректного цитирования, бескорыстный поиск истины, недопустимость фальсификации результатов научных экспериментов, корректность и уважение к оппонентам в процессе научной полемики, добросовестность в построении научной теории. Следует отметить, что в нормах научной деонтологии не только отражаются специфические для науки характеристики, но находят воплощение и общечеловеческие ценности – не укради, не лги. Д. С. Лихачев полагает, что воровством в науке можно смело считать использование чужих материалов с отсутствием ссылаясь на них. Он вводит и такие понятия, как браконьерство в науке – перехват чужих идей и гипотез, хулиганство в науке – некорректные выпады в адрес предшественников, разбой в науке – попытка заставить других ученых работать на себя и за себя, чистоплюйство – стремление выбирать только выгодные для себя темы. Лихачев считает, что долг ученого – это стремиться к ясности, краткости языка, а также иметь преемников и давать им творческую свободу.

В современной науке особую остроту приобретают вопросы, касающиеся не столько норм взаимодействия членов научного сообщества, сколько взаимоотношений ученого с обществом. Эти взаимоотношения имеют достаточно противоречивый характер, и среди многих противоречий, на наш взгляд, наиболее острыми являются:

1. Соотношение истины и пользы в научных исследованиях. Ученые размышляют о том, является ли истина безусловной ценностью, нужно ли истинное и никому неинтересное и бесполезное знание? Конечно, в эпоху преднауки преобладала чистая истина, но сегодня перед учеными стоит на первом плане задача служения обществу, а чистая истина все более приобретает значение внутринаучного критерия.

Автономия и социальный контроль. Пока наука находилась в стадии становления, общество не вмешивалось во внутренние процессы ее движения. После выделения ее как сферы общественной жизни и как отрасли общественного труда в науку стали вкладываться средства и начал осуществляться контроль. Ученые всеми силами пытались отстоять принцип автономии, утверждая, что

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org наука имеет собственную логику развития и только ученые могут определить важность либо неважность тех или иных исследований. Позиция же социального контроля утверждает, что научное сообщество не секта, а ученые не должны удовлетворять часто лишь собственное любопытство за счет общества. Реалии современной эпохи таковы, что без постоянного контроля не может оставаться ни одна сфера общественной жизни, в том числе и наука. Вопрос о социальном контроле становится бесспорным, и обсуждение проблем науки в социально-этическом контексте становится неотъемлемой частью научной жизни. Часто инициатива в организации и осуществлении социального контроля принадлежит самим ученым. Уже существует немало организаций, созданных непосредственно учеными для проведения социально-этической экспертизы.

3. Гуманность и антигуманность. Это противоречие становится особенно острым в связи с развитием биомедицины, биотехнологий, генной инженерии. Результаты научных исследований в этих отраслях напрямую связаны с человеком и не просто непредсказуемы, но и зачастую опасны для человека. Еще в 1975 г. учеными был принят мораторий, приостанавливающий ряд исследований, опасных для человечества и планеты, а американский ученый Г. Синшеймер предложил вообще запретить исследования в такой области, как геронтология, поскольку это повлечет старение населения и перенаселение планеты. Он считает опасными исследования по лазерному разделению изотопов, так как это может сделать легкодоступным ядерное оружие для террористов. Недопустимыми считает ученый и поиски контактов с внеземными цивилизациями, угрожающих человеческой культуре.

4. Одним из важнейших и сложных противоречий является проблема ответственности и нейтрализма. Это противоречие возникло уже на классическом этапе развития науки. Нейтрализм проявлялся как тенденция дистанцирования науки от идеологии, морали, политики. Противоположная тенденция – признание социальной ответственности ученых, убеждение, что нейтральность должна соблюдаться только в отношении к научной истине. В ходе дальнейшего развития науки это противоречие еще более обостряет и выдвигает проблему ответственности ученого на первый план. Однако при попытке определить понятие «ответственность» обнаруживается, что оно не раскрыто и не эксплицировано до конца в гуманитарном знании, трактуется односторонне, под специфическим для каждой науки углом зрения, а в общественной практике применяется часто как метафора. В связи с этим представляется важным обратиться к вопросу о сущности и методологическом статусе категории «ответственность». Понятие имеет сложное содержание, что обусловлено включенностью ответственности и во все сферы человеческой деятельности, и во все формы индивидуального и общественного сознания. Сам термин был впервые узаконен в науке английским философом и экономистом Дж. Стюартом Миллем лишь во второй половине XIX в. Ученый напрямую связывал понятие «ответственность» с санкцией и наказанием и такая трактовка полностью соответствовала этике утилитаризма, систематизатором которой и был Милль. Он далек от понимания ответственности как механизма саморегуляции, меры принуждения, наказания человека, чей поступок препятствует достижению всеобщего блага. В современном Миллю секуляризованном общественном сознании, трансформировавшемся в правосознание благодаря тому, что естественная свобода понимается как естественное право, ответственность становится регулятивным механизмом социальных отношений и ключевой категорией права, каковой она и остается до сих пор. В правовой науке ответственность и определяется как мера государственного принуждения, когда наличие вины – необходимое онтологическое основание ответственности.

Понятие достаточно широко используется и в других науках: этике, философии, психологии, социологии и имеет в них статус категории. Психологи, характеризуя ответственность как личностное свойство, исходят из презумпции социальности, где личность рассматривается как феномен, целиком производный от культуры и социума и практически исключая возможность нравственной свободы индивида в действиях и формах осмысления происходящего. Как категория этики ответственность отражает степень участия личности и социальных групп, как в их собственном нравственном совершенствовании, так и в совершенствовании общественных отношений и характеризует личность с точки зрения выполнения ею нравственных требований. Ответственность находится в органическом единстве с такими категориями этики, как «долг» и «совесть», но, на наш взгляд, не является рядоположенной с ними, а выступает как интегрирующая категория, поскольку совесть – это прежде всего ответственность перед собой и не всегда ответственность перед другим. Долг же выражает обязанность, продиктованную внешним объективным требованием.

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
Интегрирующая роль ответственности заключается в субъективации долга и объективации совести. Иное звучание проблема ответственности имеет в социальной психологии и социологии, где личность изучается только в контексте группы, и значит, чтобы понять действия личности, нужно анализировать общественные отношения, в которые она вовлечена. Ответственность в этом случае считается важным условием стабильности общественной системы, период же нестабильности выражается в низкой степени воздействия социальных норм на индивида. В социологии выделяются два вида атрибуции ответственности: диффузная или коллективная, когда ответственность распространяется на всех представителей сообщества и является выражением внешнего воздействия на сознание и поведение, и фокусированная – как результат размежевания общества на виновных и невиновных.

В философской литературе проблема ответственности также значительно социологизирована. Ответственность рассматривается как часть общественных отношений, а субъектами ее могут выступать и отдельные личности, и исторические общности. Предлагается рассматривать ответственность на двух уровнях: как общественную, в виде системы ответов общества на поведение индивида, и личную, как систему ответов личности на требования общества. В рамках такого подхода ответственность классифицируется и по видам: политическая, правовая, производственная, семейная, моральная и пр. Личность существует и ответственно действует постольку, поскольку она усваивает и воспроизводит в своей деятельности формы отношений, типичные для социума. Исключением можно назвать философскую традицию экзистенциализма, провозглашающую абсолютную, безусловную природу свободы и ответственности. В том же проблемно-смысловом поле находятся и взгляды М. Бахтина, ответственность у которого всегда мотивирована изнутри, но направлена вовне и реализуется в поступке, вне которого ответственность всего лишь «теоретическое должествование».

Разноречивость толкования ответственности обуславливает необходимость выработки нового методологического подхода к проблеме, ведь разрешать острые противоречия в социокультурном пространстве может личность не нормативная и послушная, но свободная и самостоятельная. Данное положение распространяется и на область научной деятельности, разговор об ответственности ученого окажется более основательным при наличии содержательно наполненной дефиниции. Одним из испытанных приемов проникнуть в сущность понятия является семантический и этимологический анализ, который, по мнению Г. Гадамера и многих известных философов, заключается в «выявлении скрытого истока философских слов-понятий, осмыслении самоорганизующейся природы языка, через соотношение заложенного в слове скрытого историко-понятийного фона и его онтологических импликаций» (Гадамер). Для выяснения происхождения слова можно обратиться к богатому арсеналу справочных изданий. Оказывается, само слово «ответственность» появилось в русском языке сравнительно недавно. Даже в словаре Брокгауза и Ефрона есть только слово «ответ» – совокупность средств защиты, которые противопоставляются иску [13, с. 395]. Корень слова, происходящего от латинского «вето» – запрет, определяет и его смысловое значение. В «Толковом словаре русского языка» Д. Ушакова такое слово уже есть и определяется как «положение, при котором лицо, выполняющее какую-либо работу, обязано дать полный отчет в своих действиях и принять на себя вину за могущие возникнуть последствия в исходе порученного дела» [9, с. 903]. В четырехтомном «Словаре русского языка» ответственность обозначена как «необходимость давать отчет в своих действиях и поступках» [10, с. 197]. Здесь уже обнаруживается ключевое для нас понятие «поступок», на наш взгляд, нетождественное любой человеческой деятельности, в том числе и социально значимой. Это действие, мотивированное изнутри и направленное вовне, представляющее собой единство внутреннего мира и жизнедеятельности. Такое действие выводит личность из рамок нормативности и расширяет сферу репрезентативности ответственности. Ответственная личность, таким образом, это человек поступающий, и ответственность не сводится только к внешним регулятивам, но прежде всего выражает внутреннее самоопределение личности и является фундаментальной характеристикой человеческого бытия.

Осмысление сущности ответственности приводит к постановке трех важнейших вопросов:

- Кто отвечает?
- За что отвечает?

– Перед кем отвечает?

Первый вопрос предполагает выяснение субъекта ответственности. По мнению многих исследователей, ответственность может быть представлена как в индивидуальной, так и в коллективной форме существования и проявления, причем индивидуальная выступает как степень осознания требований общества и активность в их исполнении. По нашему мнению, ответственность должна характеризовать личность не как исполняющую либо не исполняющую общепринятое, но как способную или неспособную принять самостоятельное решение, осуществить выбор одной из альтернатив, руководствуясь внутренней убежденностью, могущей противоречить нормам сообщества. В этом смысле ответственность может быть только индивидуальной.

Второй вопрос предполагает определение предмета и пространства выбора. Мы полагаем, что предмет решения должен располагаться в рамках мира личности как той части реальности, которую человек понимает и воспринимает как значимую и ценную и действует в ней свободно. В такой реальности выбор зависит только от самой личности, в ней нет «когнитивного алиби», снисходительности к незнанию. Предмет решения можно представить как процессную взаимосвязь следующих моментов:

1. Познавательного – ответственность за адекватное отражение объективных условий.
2. Аксиологического – ответственность за правильную оценку существующих возможностей и альтернатив деятельности.
3. Рефлексивного – ответственность за адекватную оценку своих возможностей.
4. Инструментального – ответственность за правильный выбор средств и методов реализации цели.
5. Практического – ответственность за цель, воплощенную в практической деятельности.

Рамками личностного мира определяется и пространство решений, принимаемых субъектом, и здесь мы неизбежно выходим на проблему свободы, которая в философской традиции издавна считается главной сущностной силой человека. В отличие от классической трактовки (Спиноза – Гегель – Маркс) современные исследователи определяют свободу как имманентную, внутренне присущую потребность человека в самостоятельном выборе и решении. Утвердилась традиция деления свободы на объективную, как предполагающую наличие в самой объективной реальности условий, необходимых для решения задачи, и субъективную как личное внутреннее чувство. Главным элементом структуры является, несомненно, внутренний компонент, причем свобода как личное чувство не детерминируется и витальной основой. Человек может идентифицироваться и с витальностью, и с социальной средой, но он не идентичен им, поскольку сам акт идентификации – это выбор, который может быть и рациональным, и эмоционально-интуитивным.

Третий вопрос в логике нашего рассуждения – перед кем или перед чем отвечает человек – предполагает определение инстанции. Думается, что первичную инстанцию следует искать в тех же рамках личностного мира. Эта инстанция – «Я-сам», человек, обладающий совестью. Для личности, свободно осуществляющей свое «Я», эта инстанция первична, но процесс самореализации не будет завершен, не приобретет личностного смысла, если не последует отклик извне, со стороны другого. Необходимость ответа перед другим выражает не столько социальную обусловленность личности, сколько ее социальную направленность.

Исходя из сказанного попытаемся сформулировать определение. Ответственность есть внутренняя основа личности, способной осуществить свободный выбор, свободное решение, свободное действие, определитель меры и качество свободы самореализации личности. Можно назвать ответственность и социальной направленностью. Ответственность как социальное действие – это осмысленная направленность на самоосуществление в способах общения с другими и миром в целом, направленность на реализацию свободно избранного смысла при готовности дать отчет себе и другим за свой выбор. Однако, называя ответственность внутренней основой личности, мы неизбежно подходим к вопросу, который с неизменностью воспроизводится в философии от Ницше до

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
Деррида: «Нравственно ли и ответственно ли было бы действовать в силу обладания чувством долга и ответственности?... не очень нравственно быть нравственным по той причине, что обладаешь нравственным сознанием», – пишет Ж. Деррида [2, с. 279]. И здесь мы разделяем мнение В. Библера, утверждающего, что поступок не имеет однозначной детерминации и нормативной добродетельности. «Это – всегда впервые, мной самим, за себя предопределяемое бытие. Бессмысленно требовать – живи, как Эдип! или поступай, как Гамлет! или борись с ветряными мельницами, как Дон-Кихот! Жизнь в таких образцах, включенная в эти нравственные перипетии не может дать образец истинно доброго поведения» [1, с. 315–316].

Ответственность мы бы назвали скорее актуальной возможностью, т. е. в определенном смысле виртуальностью. Виртуальность понимается как нечто, которое в определенных условиях превратится в наличность, и эта наличность существует в виде постоянной возможности. Это придает ответственности и значение способа самоопределения жизнедеятельности человека в социальном времени и пространстве.

Проблема ответственности ученого имеет два аспекта:

- внутринаучная, профессиональная ответственность;
- внешняя, социальная ответственность.

Опираясь на выводы, приведенные ранее, можно выделить следующие нормы и принципы профессиональной ответственности:

1. Личная ответственность за качество и достоверность производимого знания.
2. Личная незаинтересованность, независимость научной истины от личных мотивов и интересов.
3. Обязанность делать общедоступными результаты своей деятельности.
4. Критическое отношение к собственным научным результатам и объективность при оценке чужих результатов.
5. Отказ от соавторства без реального участия в научном исследовании.
6. Недопустимость плагиата в любой форме, обязанность ссылаться на авторов идей.
7. Научная честность, скромность и корректность.
8. Умение и готовность отстаивать свою позицию невзирая на любые авторитеты и конъюнктуру.

Эти нормы можно смело назвать своеобразным профессиональным кодексом ученого. Однако важно не только сформулировать и принять кодекс, но и обеспечить его выполнение.

В отношении этой проблемы отчетливо выделяются три подхода:

1. Этический, при котором основной акцент делается на воспитании молодого поколения ученых, повышении роли института наставничества, укреплении авторитета научных школ, оздоровлении морального климата в научном мире.
2. Нормативный подход делает упор на построении эффективной системы контроля за качеством научных результатов. Предполагается повышение ответственности редакторов и рецензентов за качество научных публикаций, создание независимых комитетов, обладающих правом экспертной проверки.
3. Социологический подход акцентирует внимание на внешних факторах воздействия – поощрении оригинальных и результативных исследований, зависимости административной карьеры от научных степеней и званий, приоритетное значение внешних способов оценки научной деятельности (количество публикаций, ссылок, индекс цитирования) и т. д.

К внешним аспектам ответственности ученого могут быть отнесены нравственная ответственность за социальные и экологические последствия применения научных открытий, недопустимость проведения научных экспериментов, опасных

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org для жизни и здоровья человека. Кроме того, ученый обязан информировать о возможностях применения полученных научных результатов во вред человеку. Научно-технический прогресс необратим, но это не значит, что человек просто должен приспосабливаться к его достижениям и последствиям. Этим особенно обуславливается ответственность ученого, который действуя с осознанием заложенного потенциала, должен предвидеть все нежелательные результаты и открыто оповещать о них и возможностях их минимизации. Проблема ответственности сегодня осложняется тем, что научные исследования становятся все более масштабными и в этих широких рамках ответственность часто приобретает рассеянный характер. Главная задача для ученых даже в коллективных поисках – то, чтобы ответственность оставалась индивидуальной и реальной, каждый лично отвечал за собственный вклад в общее дело. Это возможно лишь при наличии нравственно самостоятельной личности ученого.

Сегодня по-новому необходимо также осмыслить проблему соотношения свободы и ответственности в деятельности ученого. С одной стороны, веками ученым пришлось отстаивать принцип свободы научного поиска от фанатизма и догматизма. В это время ответственность выступала как честность в получении проверенных, обоснованных знаний, позволяющих преодолеть невежество. В нынешних условиях проявляется амбивалентность между свободой исследования и необходимостью регуляции научного прогресса. Идея неограниченной свободы уже не может приниматься безусловно. Таким образом, в науке сегодня нужна ответственная свобода, а не свободная безответственность.

Следует отметить, что этические проблемы не могут быть исключительно общенаучными, отчетливо выделяются частные направления. Среди них можно назвать сегодня экологическую или энвайроментальную этику – направление, исследующее социально-этические аспекты экологии. Н. Моисеев отмечал, что сегодня эти аспекты касаются не только окружающей среды, понятия экологии, политики и нравственности, но и становятся взаимообуславливающими и неразрывно связанными. Ученый ввел в оборот понятие «экологический императив», который обязует запретить любые войны, поддерживать сохранность основных параметров природной среды. Широкую область исследований охватывает биомедицинская этика, касающаяся нравственных аспектов медицинской науки и практики. К таким аспектам относятся исследования в области трансплантологии и репродуктивных технологий, проблемы эвтаназии и др. Особой областью становится компьютерная этика, связанная с проблемами, возникающими в ходе развития компьютерной техники и технологий и влекущими к негативным последствиям. В рамках указанной области обсуждаются такие вопросы, как доступность и распространение сетевыми средствами этически недопустимой информации (пропаганда насилия, обесценивание и искажение представлений о ценности человеческой жизни), создание тотальных баз данных о гражданах, компьютерные преступления и др. Этические проблемы, несомненно, касаются и вузовской науки, которая по-прежнему является важнейшим элементом научного потенциала общества. Сегодня, как и все российское общество, вузовская наука пребывает в состоянии глубокого кризиса. Усиливается отток молодежи и наблюдается резкое падение престижа научной деятельности, ухудшается материально-техническая оснащенность и информационная обеспеченность. Финансовые вложения в науку видны только в тех отраслях, которые непосредственно связаны с бизнесом – фармацевтика, медицинское приборостроение и пр. Ученые превратились в одну из наиболее низших и непрестижных групп в обществе, что не имеет вообще прецедентов в истории. Общее количество ученых стремительно сокращается. Деградирует и система научных коммуникаций, не финансируются и проводятся все реже научные конференции.

По аналогии с теневой экономикой появился термин «теневая наука», обозначающий достаточно широкую совокупность негативных тенденций в мире науки. Такими тенденциями можно назвать:

1. Нарушение научным сообществом базовых норм и принципов, регулирующих процесс производства знаний – подделка результатов, подтасовка научных фактов, представление вымышленных и неподтвержденных данных.
2. Нарушение норм оценки и распространения научного знания – положительные рецензии на непрочитанные работы.
3. Нарушение норм, регулирующих отношения внутри научного сообщества – неправомерное использование авторитета и научного статуса.
4. Искажение норм взаимоотношений науки с обществом – представление

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org заведомо искаженных данных.

5. Нарушение общечеловеческих нравственных норм – опыты, проводимые над людьми с риском для их жизни и здоровья.

6. Стирание и размывание этических норм в научной деятельности.

Специфика деятельности вузовского ученого в том, что ведется не только чистый научный поиск, но и преподавание, воспитание нового поколения ученых. На развитие вузовской науки оказывают влияние многие факторы. С. Мэграт считает одним из факторов, влияющим на университеты, феномен стимулирования общественного спроса. Стимулирование развития потребительского отношения в рамках университета может привести к различным негативным последствиям. Невостребованность научных результатов со стороны общества приводит к тому, что вузы начинают разрабатывать коммерческие проекты, важность знаний определяется их стоимостью на рынке. Становится все более популярным взгляд на образование как на сферу услуг. Еще один фактор, на который указывает ученый, – глобальные экологические проблемы, порождающие широкие фундаментальные научные исследования. Фактором, влияющим на деятельность университетов, является и развитие информационных технологий. Информационные ресурсы предоставляют ученым широкие возможности общения, моделирования различных процессов в исследованиях, использования электронных библиотек.

Наиболее важными этическими проблемами вузовской науки можно назвать: нарушение академического равенства – доступ к высшему образованию не всегда определяется интеллектуальным потенциалом личности. Знания и компетенции не всегда оцениваются объективно. Следует обозначить и проблемы, связанные с получением знаний. Ученые стремятся к новому знанию, но иногда прибегают к подтасовке результатов исследований, нарушению права интеллектуальной собственности. Зачастую причиной подобного некорректного поведения является соперничество за финансирование научных проектов.

Несколько интересных моментов, касающихся этических проблем вузовской науки, отмечают А. Юревич и И. Цапенко в статье «Мифы о науке». Авторы указывают на то, что усилилась, кроме внешней так называемая внутренняя «утечка» мозгов – переход вузовских ученых в другие сферы деятельности, преимущественно в бизнес и политику. Ученые становятся руководителями крупных коммерческих структур, почти половина членов нынешнего правительства имеют научные степени, а их консультанты – выходцы из мира науки. По мнению авторов статьи, в политике и бизнесе находят себе место далеко не лучшие представители научного сообщества, сюда хлынули профессора и доценты, не получившие признания в своей области [14, с. 64].

Само дальнейшее развитие науки неизбежно вызывает появление и постановку новых этических проблем. К примеру, появление репродуктивных технологий разрушает традиционные представления о функциях родителей и базовых ценностях семьи. Результаты научных исследований неизбежно могут оказать влияние на формирование оценочных суждений в различных областях, и эти суждения могут быть негативными. Так, науки, изучающие различные аспекты жизнедеятельности человека, могут спродуцировать идеи о генетических или психофизиологических особенностях этносов. В области этнопсихологии или демографии такие идеи могут прямо или опосредованно привести к выводам о неравенстве людей.

К негативным тенденциям в современном общественном развитии следует отнести размывание общечеловеческих мировоззренческих норм и ценностей. В этих условиях особую роль приобретает социогуманитарное знание, транслирующее богатый опыт мировой и национальной культуры. Особенностью любой культуры является разновременность ее слоев, что отражает диалектику развития: наследование, воспроизведение, освоение культурных ценностей, накопленных поколениями и отрицание некоторых устаревших форм, замена их новыми элементами. Сегодняшняя ситуация в России характеризуется переменными трансформационными процессами, децентрализацией культуры. В духовной области это проявляется в предельной релятивизации высших ценностей: ничто не свято, ничто не однозначно, ничто не абсолютно. Все более в культуре проявляются элементы кофигуративности, когда каждое поколение оказывается в совершенно новых условиях, не обладает наученным поведением и вырабатывает свой опыт самостоятельно. Становятся все более очевидными процессы индивидуализации в сферах межличностных отношений, индивид становится все менее зависим от социума. Именно гуманитарное знание должно отвечать за

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org сохранение и передачу духовных констант, поддерживающих национальную и культурную идентичность и собственное духовное «лицо». Без гуманитарного знания невозможно сформировать и свободную и ответственно поступающую личность. Уникальность его заключается в том, что в отличие от естественных наук гуманитарные развивают интуицию, творческое мышление и воображение, необходимые в научной, профессиональной и любой другой деятельности. При этом само гуманитарное знание переживает сложную ситуацию: отсутствует целостная парадигма, преобладают замкнутые конвенции, между которыми практически не ведется диалог, исследования в гуманитарных областях порой приобретают форму бессодержательного эстетствования. Отсутствует и методологическая определенность, обусловленная тем, что предметом гуманитарных наук выступает мир человека, в котором переплетаются материальное и идеальное, объективное и субъективное. В гуманитарном познании не воспользуешься микроскопом и другим оборудованием, мало применимы количественные методы, с их помощью сложно проникнуть в мир смыслов. Находясь в этом состоянии, гуманитарное знание неизбежно испытывает мощный натиск со стороны естественных наук, которые являются довольно стройной и структурированной сферой знаний. Естественные науки задают свои условия рационализации и формализации, и гуманитарные науки невольно оформляются по аналогии с ними, что часто и лишает последних уникальности.

Наиболее отчетливо кризис гуманитарного знания проявляется сегодня в университетской науке. При отсутствии целостной гуманитарной парадигмы университет утрачивает свою универсальность и не может формировать высокопрофессиональных специалистов. Сегодня общепризнано, что, в какой бы сфере ни работал специалист, его профессиональные качества обусловлены общекультурными компетенциями. В современных условиях даже само понятие «профессиональная ответственность» значительно расширилось и стало включать ответственность моральную – как готовность регулировать, координировать и оценивать свои действия, соотнося их с общечеловеческими нормами и ценностями. Одни лишь профессиональные знания эти качества сформировать не могут.

А. В. Кирьякова выделяет следующие группы базисных ценностей университетского образования:

- академические ценности – фундаментальность знаний, интеллектуальное развитие, академическая свобода и академическая ответственность, профессиональная компетентность;
- ценности личностного роста и благополучия – самоопределение, самореализация, индивидуальность, субъект-субъектные отношения, профессиональная мобильность, конкурентоспособность;
- ценности гражданского общества – свобода, демократия, социальная справедливость, толерантность, социальная ответственность;
- организационные ценности – готовность принятия решений на основе согласования мнений и интересов, свобода в научных исследованиях, статусная иерархия на основе научных авторитетов [4, с. 28].

Эти ценности формирует в первую очередь гуманитарное знание, обладающее богатым аксиологическим потенциалом. Именно оно формирует личность человека, а уж профессиональная подготовка как бы прилагается к личности, дополняя ее и делая всесторонне развитой.

Достаточно сложно предугадать, в какой области могут возникнуть этические проблемы, и, поэтому нельзя утвердить и заданный список правил и норм научно-исследовательской деятельности.

Библиография

1. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в XXI век – М.: Политиздат, 1991. – 412 с.
2. Деррида Ж. Страсти. – М.: Socio-Logos, 1996. – 304 с.
3. Кант И. Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 4. – 544 с.
4. Кирьякова А. В. Ценностные ориентиры университетского образования //

Актуальные проблемы философии науки. Майя Ивановна Терехина filosoff.org
Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 2. – С.
27–33.

5. Ламетри Ж. Сочинение. – М.: Мысль, 1976. – 514 с.
  6. Сахаров А. Д. Тревога и надежда. – М.: Интер-Версо, 1990. – 336 с.
  7. Словарь русского языка XI–XVII веков / гл. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – Вып. 13. – 322 с.
  8. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. – М.: Высшая школа, 1992. – 191 с.
  9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. – Т. 2. – 1040 с.
  10. Фейерабенд П. Против методологического принуждения. – Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 352 с.
  11. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. – Минск: Попурри, 1997. – 592 с.
  12. Шопенгауэр А. Полн. собр. соч.: в 4 т. – М.: Изд. им. Д. П. Ефимова, 1910. – Т. 4. – 688 с.
  13. Энциклопедический словарь / под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона (Прачешный пер., № 6), 1897. – Т. XXII. – 480 с.
  14. Юревич А. В., Цапенко И. П. Мифы о науке // Вопросы философии. – 1996. – № 9. – С. 59–69.
- Заключение

Философия науки XX–XXI вв. породила большое количество разных теорий науки – методологических концепций. Именно в этих концепциях была сформулирована та совокупность представлений о науке, знакомство с которыми необходимо каждому, кто берется ныне рассуждать о структуре научного знания и его развитии.

Научное знание представляет собой сложную развивающуюся систему. И в этом процессе постоянно появляются новые приемы и способы исследования, новые проблемы, меняется стратегия научного поиска. В своих развитых формах наука предстает как дисциплинарно организованное знание, в котором отдельные отрасли выступают в качестве относительно автономных подсистем, взаимодействующих между собой.

Самой главной особенностью современного научного познания является то, что учитывается соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами. При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями. На данном этапе наука активно участвует в поисках новых мировоззренческих ориентиров, определяющих стратегии современного цивилизационного развития.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!